

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛЕБЕДЕВ В. А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАКЪЯН С. А., зав. кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, (г. Москва); **АНДРИЯШКО М. В.**, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления Барановичского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь (г. Барановичи); **БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б.**, декан юридического факультета Костанайского государственного университета им. А.Байтурсынова (Казахстан), член Оксфордского академического союза, кандидат юридических наук (г. Костанай); **БОНДАРЬ Н. С.**, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ (г. Москва); **ДАРОВСКИХ С. М.**, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **ДУДКО И. Г.**, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮФ), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, директор института повышения квалификации, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук (г. Москва); **ЙИРАСЕК Й.**, зав. кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц (Чешская Республика), кандидат юридических наук; **КВАНИНА В. В.**, зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **КОСТЮК М. Ф.**, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор; **КРУСС В. И.**, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Тверь); **КУНЦ Е. В.**, профессор кафедры уголовного права Уральского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **ЛЕКСИН И. В.**, зав. кафедрой правовых основ управления Факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова, доктора юридических наук (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан, (г. Астана); **МИНБАЛЕЕВ А. В.**, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент, (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Самара); **ПЕШИН Н. Л.**, зав. кафедрой административного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доцент, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского филиала Российской правовой академии, доктор юридических наук (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, заведующий кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **ТИТОВА Е. В.**, директор Юридического института Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Челябинск).

Шеф-редактор **СОГРИН Е. К.** Ответственный секретарь **АНДРИАДИС Е. Ю.**
Верстка **ШРАЙБЕР А. Е.**

Издатель ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала 73848

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области.

Свидетельство ПИ № ТУ 74-01322 от 25.04.2017 г.

Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр.

Тел./факс (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

5' 2019

FOUNDERS JOURNAL:

ООО "South Ural Legal Newsletter"

The «Problems of Law» Journal was created in 2003.

By the decision of the Higher Certification Board, since January 1, 2010 the "Problems of Law" journal has been included into the List of leading reviewed scientific journals and publications where the main research results for candidate's and doctor's theses should be published.

The Journal has its own International Standard Serial Number (ISSN 2075-7913).

The Journal is included into «Russian Post» catalog under index 73848.

The «Problems of Law» is included into Russian Science Citation Index according to the agreement with Russian Scientific Electronic Library.

CHIEF EDITOR

V. A. Lebedev, Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation, Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, Moscow.

EDITORIAL BOARD:

S. A. Avakyan, Head of Constitutional and Municipal Law department, Lomonosov Moscow State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation; **M. V. Andriyashko**, Associate Professor, Department of General Law Disciplines and Public Administration, Baranovichi State University, Candidate of Law, Associate Professor, Republic of Belarus (Baranovichi); **A. B. Bekmagambetov**, Dean of the Law Faculty of Kostanay State University named after A. Baitursynov (Kazakhstan), member of the Oxford Academic Union, Candidate of Legal Sciences; **N. S. Bondar**, judge at Constitutional Court of Russian Federation (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation; **S. M. Darovskikh**, Doctor of Science (Law), professor, head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics; **I. G. Dudko**, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow State Law University O.E. Kutafina (Moscow State Law University), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow); **S. S. Zenin**, Director of the Institute of Advanced Training, Ph.D., assistant professor of constitutional and municipal law of the Moscow State Law University. O. E. Kutafina; **J. Jirasek**, Head of Constitutional Law and International Public Law Department at the Faculty of Law, Palacký University of Olomouc, (Czech Republic), Candidate of Legal Science; **V. V. Kvanina**, Head of the Department. Chair of Entrepreneurial, Competitive and Environmental Law of South Ural State University, Doctor of Law, Professor; **M. F. Kostyuk**, Professor of the Department of State Legal and Criminal Law Disciplines, Russian Economic University. G.V. Plekhanova, Doctor of Law, Professor; **V. I. Kruss**, doctor of legal Sciences, Professor, head of chair of theory of law, Tver state University; **E. V. Kuntz**, Professor of the Criminal Law Department of the Ural Branch of the Federal State Educational Establishment of the Russian Federation "Russian State University of Justice"; **I. V. Leksin**, Head Department of Legal Foundations of Management, Faculty of Public Administration, Moscow State University M.V. Lomonosova, Doctor of Law (Moscow); **A. V. Mayfat**, Professor of the Civil Law Chair of the Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor; **V. A. Malinovsky**, member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, PhD Law in the Republic of Kazakhstan, Astana **A. V. Minbaleev**, Chief Researcher, Sector of Information Law and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow); **A. P. Nekrasov**, Professor of the Department of Criminal and Penal Executive Law of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor; **N. L. Peshin**, Head Department of Administrative Law, Faculty of Law, Moscow State University M. V. Lomonosova, Doctor of Law, Professor (Moscow); **N. A. Podolny**, doctor of legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of law enforcement and Executive production of the Middle Volga Branch of the Russian Academy of Law, Saransk; **A. B. Sergeev**, Head of the Department of Criminal Process and Expert Activities of the Institute of Law of Chelyabinsk State University, Doctor of Law, Professor; **E. V. Titova**, Director of the Law Institute of the South Ural State University, Candidate of Law, Associate Professor (Chelyabinsk).

2

Editorial Director E. K. Sogrin; **Executive Editor** E. Y. Andriadis; **Layout** A. E. Schreiber

Address of the editors office: 454080, 76 Lenina pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia

For correspondence: 454080, Chelyabinsk, PO Box 12550

Phone/Fax (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

Problemy prava (Issues of Law) founders journal №5 (74)/2019

В НОМЕРЕ:

КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

— **8** —

Демаков Р. А.

Субъекты права законодательной инициативы в конституциях России и Франции.
Сравнительно-правовой аспект

— **12** —

Лебедева Ю. Н., Руссу Я. С.

Различия в правовом регулировании проведения совместных агитационных мероприятий
в федеральном и региональном законодательстве

— **15** —

Шмидт А. А.

Административно-правовые основы государственной лицензионно-разрешительной
политики в области оборота гражданского оружия в России и Белоруссии:
сравнительно-правовое исследование

— **20** —

Кориунов Л. А., Демаков Р. А.

Общественная палата субъекта Российской Федерации как участник законодательного
процесса

— **29** —

Кудинов В. В., Хлюстова О. Н.

Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления
в сфере обеспечения пограничной безопасности: особенности правового регулирования
в государствах-членах Евразийского экономического союза

— **36** —

Конева Н. С.

Трансформация модели взаимодействия гражданского общества и власти
в условиях цифрового государства

— **41** —

Лаврентьева И. М.

Суды субъектов Российской Федерации в судебной системе России:
конституционно-правовое исследование

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

— **48** —

Магомедова Е. А.

Правовой мониторинг как инструмент повышения эффективности правового регулирования

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

— **51** —

Очкуренко С. В.

Разграничение гражданского и финансового права

— **61** —

Худойкина Т. В., Сюаева Н. В.

Роль семейной медиации в защите прав ребенка

— **65** —

Хазиев С. Ю.

Секундарные права как средство защиты субъективных прав

3

— 70 —

Бибиков С. Е.

Понятия места арбитража при рассмотрении спора между двумя национальными юридическими лицами в иностранном арбитраже

— 74 —

Денисов Р. В.

Вина субъектов юридического лица при привлечении к гражданско-правовой ответственности

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

— 77 —

Короткова О. А.

Анализ генезиса законодательства об ответственности за взяточничество в Российской империи

— 81 —

Ткачева Н. В.

Объективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

— 86 —

Ковалева Н. С.

Психологические и социальные особенности возраста несовершеннолетних лиц женского пола

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

— 89 —

Даровских С. М.

О совершенствовании выступлений адвоката-защитника в прениях

— 94 —

Беляева И. М., Кусаинова А. К., Нурғалиев Б. М.

Теоретические и практические проблемы прослушивания и записи телефонных переговоров как оперативно-розыскного и негласного следственного действия в законодательстве Республики Казахстан

— 104 —

Матюшкина А. В.

Цифровые следы в системе криминалистического следоведения

— 109 —

Кравцова А. Н., Симкин А. Д.

Процессуальные особенности допуска непрофессионального защитника обвиняемого в досудебных стадиях

— 116 —

Бирюкова Д. В.

Сравнительный анализ Российского и зарубежного законодательства об уголовной ответственности за незаконную охоту

— 121 —

Сираканян А. Р.

Механизм совершения и сокрытия преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности

— 125 —

Ястребова Т. И.

О процессуальных действиях следователя

ПРОБЛЕМЫ И МНЕНИЯ (12.00.02)

— 129 —

Яковлев А. Ю.

Конституционно-правовой базис, развитие и текущее положение с акционерной собственностью субъектов Российской Федерации

(12.00.14)

— 132 —

Ким А. В.

О правовом статусе резидента территории опережающего социально-экономического развития: законодательные требования и практические проблемы

— 135 —

Смаишникова Т. Б.

Проблемы административного реформирования миграционных органов Российской Федерации

IN THIS ISSUE

CONSTITUTION, STATE AND SOCIETY

— 8 —

Demakov R. A.

Subjects of law of the legislative initiative in the constitutions of Russia and France. Comparative legal aspect'

— 12 —

Lebedeva Yu. N., Russu Ya. S.

Differences in the legal regulation of joint campaign activities in federal and regional legislation

— 15 —

Shmidt A. A.

Administrative legal framework of the state license-license policy in the field of civilian weapon turnover in Russia and Belarus: comparative legal study

— 20 —

Korshunov L. A., Demakov R. A.

Public chamber of the subject of the Russian Federation as a participant of the legislative process

— 29 —

Kudinov V. V., Khlyustova O. N.

Interaction of state authorities and local self-government bodies in the field of ensuring border security: features of legal regulation in states - members of the Eurasian economic union

5

— 36 —

Koneva N. S.

Transformation of the model of interaction between civil society and government
in the digital state

— 41 —

Lavrentieva I. M.

Courts of subjects of the Russian Federation in the judicial system of Russia:
constitutional and legal research

THEORY OF STATE AND LAW

— 48 —

Magomedova E. A.

Legal monitoring as a tool to improve the effectiveness of legal regulation

LCIVIL LAW

— 51 —

Ochkurenko S. V.

Delimitation of civil law and financial law

— 61 —

Khudoykina T. V., Syuvaeva N. V.

The role of family mediation in the protection of children's rights

— 65 —

Khaziev S. Y.

Secondary rights as a remedy of subjective rights

— 70 —

Bibikov S. E.

Concepts of arbitration place in considering the dispute between two national legal entity
in foreign arbitration

— 74 —

Denisov R. V.

The wine of subjects of a legal entity when in volving civil legal responsibility

CRIMINAL LEGAL DOCTRINE

— 77 —

Korotkova O. A.

Analysis of the genesis of legislation on liability for bribery in the Russian empire

— 81 —

Tkacheva N. V.

Objective signs of involvement of a minor in the commission of a crime

— 86 —

Kovaleva N. S.

Psychological and social features of the age of female minors

CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

— 89 —

Darovskikh S. M.

On improvement of speeches of the advocate-defender in the disputes

— 94 —

Belyaeva I. M., Kussainova A. K., Nurgaliyev B. M.
Theoretical and practical problems of listening and recording of telephone negotiations
as an operative-search and uncovered investigative action in the legislation
of the Republic of Kazakhstan

— 104 —

Matyushkina A. V.
Digital traces in the system of criminalistic investigation

— 109 —

Kravtsova A. N., Simkin A. D.
Procedural features of the admission of a non-professional defender
of the accused in prejudicial stages

— 116 —

Biryukova D. V.
Comparative analysis of Russian and foreign legislation on criminal liability for illegal hunting

— 121 —

Sirakanyan A. R.
Mechanism for the perpetration and concealment of crimes involving violations
of labor and safety regulations

— 125 —

Yastrebova T. I.
About the procedural actions of the investigator

ISSUES AND OPINIONS (12.00.02)

— 129 —

Yakovlev A. Y.
Constitutional and legal basis, development and current status of joint-stock property
of subjects of the Russian Federation

(12.00.14)

— 132 —

Kim A. V.
On the legal status of a resident of the territory of priority social and economic development:
legislative requirements and practical problems

— 135 —

Smashnikova T. B.
Problems of administrative reform of migration authorities in the Russian Federation

7

УДК 342.52

Демаков Р. А.

СУБЪЕКТЫ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В КОНСТИТУЦИЯХ РОССИИ И ФРАНЦИИ. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Demakov R. A.

SUBJECTS OF LAW OF THE LEGISLATIVE INITIATIVE IN THE CONSTITUTIONS OF RUSSIA AND FRANCE. COMPARATIVE LEGAL ASPECT

В статье на основе сравнительно-правового метода рассматриваются отдельные особенности федерального законодательного процесса в Российской Федерации и законодательного процесса Французской Республики в контексте деятельности субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. Приводится анализ соответствующих норм Конституции Российской Федерации и положений Конституции Французской Республики. Выявляются общие и отличительные черты исследованных институтов, и предлагается краткий вывод, выработанный по результатам сравнительного сопоставления.

Ключевые слова: законодательный процесс, правовая система, парламент, субъект права законодательной инициативы, законопроект.

Based on the comparative legal method, the article discusses certain features of the federal legislative process in the Russian Federation and the legislative process of the French Republic in the context of the activities of entities that have the right of legislative initiative. The analysis of the relevant norms of the Constitution of the Russian Federation and the provisions of the Constitution of the French Republic. The general and distinctive features of the studied institutions are revealed and a brief conclusion is drawn up based on the results of a comparative comparison.

Keywords: legislative process, legal system, parliament, subject of law of legislative initiative, draft law.

Существующие в настоящее время государства обладают собственными правовыми системами, которые являются во многом уникальными. Они отражают особенности развития отдельных обществ, их политической организации, также конфигурация той или иной правовой системы определяется спецификой исторического развития, территориальными и экономическими предпосылками. Каждая правовая система относится к соответствующей правовой семье, которые, в свою очередь, также обладают отличительными

характеристиками указывающими на общую модель взаимодействия жителей определенной территории и органов публичной власти, применимую уже в значительном количестве государств, относящихся к правовой семье.

Сравнительное сопоставление при помощи методики сравнительного правоведения позволяет сформировать такое правовопонимание, которое позволяет выявить достоинства и недостатки функционирования исследуемых правовых систем посредством анализа сущностных харак-

теристик отдельных отраслей национального права сопоставляемых государств, институтов, норм, а также правовых механизмов, обеспечивающих социальную эффективность регулирования общественных отношений, выработав таким образом, необходимые научные оценки и выводы, которые в последующем будут иметь немаловажный прикладной характер [1].

Во многом практика сравнительного правоведения свидетельствует о том, что наиболее значимые рекомендации находят свое выражение именно при сравнительном сопоставлении отдельных правовых механизмов государств, принадлежащих к одной правовой семье. Более того, представляется конструктивным сравнение государств, обладающих схожими конституционно-правовыми характеристиками.

Обращая внимание на проблематику правового регулирования законодательного процесса в Российской Федерации и на конституционно-правовой статус субъектов права законодательной инициативы, следует принимать во внимание схожесть организации государственной власти российского государства и того государства, с которым предполагается осуществить сравнительное сопоставление.

Исходя из указанного подхода, объектом исследования должно выступать государство с республиканской формой правления, конституцией которого установлены сильные полномочия высшего должностного лица, избираемого населением страны, которые при этом будут ограничены соответствующими полномочиями двухпалатного органа законодательной власти. Предполагается, что данное государство должно относиться к социально-экономической категории развитых государств, поскольку обращение к опыту такого государства видится обоснованным.

Представляется, что таким государством в данном случае может выступить Французская Республика. Так, конституционно-правовые характеристики Российской Федерации во многом являются сопоставимыми. Как Российская Федерация, так и Французская Республика являются светскими социальными государствами с республиканской формой правления, провозглашающими в своих конституциях равенства всех граждан перед законом. В обоих государствах действует президент, который выступает гарантом национальной Конституции и обеспечивает ее исполнение, при этом президент не может занимать такую должность бо-

лее двух сроков подряд. В обоих государствах существенное значение во взаимодействии президента и парламента имеет такой механизм как послание президента [2].

Во Франции орган государственной власти, Парламент, состоит из двух палат - Национального собрания и Сената, в Российской Федерации парламентом выступает Федеральное Собрание, которое состоит также из двух палат - Совета Федерации и Государственной думы [3].

Примечательно, что Франция является унитарным государством при том, что Россия по форме государственного устройства является федерацией. Предполагается, что данное предположение определяет специфику конституционного установления субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, что вызывает особый исследовательский интерес [4].

В первую очередь необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации в сравнении с конституцией Французской Республики устанавливает значительное количество тех субъектов права, которые могут выступать перед Государственной думой Федерального Собрания с соответствующими законодательными инициативами.

Согласно статье 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы принадлежит:

- Президенту Российской Федерации;
- Совету Федерации;
- членам Совета Федерации
- депутатам Государственной Думы;
- Правительству Российской Федерации;
- законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации;
- Конституционному Суду Российской Федерации (по вопросам его ведения);
- Верховному Суду Российской Федерации (по вопросам его ведения).

В силу положений статьи 39 Конституции Французской Республики, правом законодательной инициативы пользуются Премьер-министр и члены Парламента.

Диспозиции названных статей демонстрируют существенное различие в количестве субъектов права законодательной инициативы сопоставляемых государств. Закон в определенном смысле выражает представление современного общества о справедливом правопорядке и оптимальной реализации такого порядка. Последовательность и своевременность установления соответствующего порядка в нормативном правовом акте зависит от

перечня тех субъектов, которые обладают правом направлять надлежаще оформленные предложения об установлении правового регулирования общественных отношений непосредственно в орган законодательной власти с последующим рассмотрением такого предложения на сессии парламента.

Несмотря на то, что количество членов Федерального собрания Российской Федерации меньше, чем количество членов Парламента Франции, федеральный законодательный процесс в России отличается тем, что проекты законов могут вноситься на рассмотрение Государственной думы как от исполнительной власти, так и от судебной власти. Немаловажным является то, что проекты законов, поступающие в Государственную думу от органов судебной власти должны вноситься по вопросу ведения таких органов. Данное условие предполагает, что такие проекты законов будут проработаны с точки зрения отраслевых особенностей судопроизводства, они вырабатываются по результатам отправления правосудия, что позволяет компетентно подготовить проект закона и сформировать убедительные доводы в пользу принятия предлагаемого закона, указываемые в пояснительной записке. Исходя из правил, установленных в Конституции Французской Республики представители органов судебной власти при возникновении необходимости изменить, к примеру, процессуальное законодательство будут вынуждены обратиться к Премьер-министру либо к членам Парламента, которые в свою очередь будут принимать решение о целесообразности использования права законодательной инициативы.

Следующим аспектом, обуславливающим отличительные особенности субъектов права законодательной инициативы сравниваемых государств, является территориальная организация государства. В виду того, что Франция является унитарным государством с единой системой законодательства, а также в силу норм конституции, во Франции отсутствуют органы законодательной власти административно-территориальных единиц (регионов) [5].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, одним из субъектов права законодательной инициативы является законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации. Федеративное устройство российского государства диктует необходимость выстраивать такую правовую политику, которая позволит последовательно

учитывать потребности населения отдельных субъектов федерации при формировании федерального законодательства либо рассматривать предложения по принятию, либо изменению федеральных законов, выработанные в конкретном субъекте Российской Федерации и поддержанные законодательным органом субъекта. Целесообразность наделяния правом законодательной инициативы законодательных органов территориальных единиц федеративного государства, равно как и необходимость их тесного взаимодействия с федеральным законодателем, является очевидной. В этом отношении абсолютно ясен и смысл положений Конституции Французской Республики, нормы которой не предусматривают субъекта права законодательной инициативы, аналогичного российскому органу законодательной (представительной) власти субъекта.

Помимо этого отличительной особенностью законодательного процесса Франции выступает терминологическое разделение в тексте французской конституции таких понятий как законопроект и законодательное предложение. Данное разграничение имеет прямую зависимость от субъекта права законодательной инициативы, который предлагает изменения в действующее законодательство Республики. Так, внесение на рассмотрение Парламента законопроекта является правовой прерогативой исполнительной ветви власти в лице Премьер-министра, в свою очередь члены парламента осуществляют свое право законодательной инициативы в форме внесения на рассмотрение Парламента законодательного предложения [6]. Данная особенность акцентировано подчеркивает сущностное различие между инициативами, которые вырабатываются и оформляются в системе исполнительной власти и инициативами, которые становятся результатом деятельности членов Парламента, в том числе по итогам взаимодействия с гражданами Республики и подготовки текста законодательного предложения.

В системе федерального законодательного процесса в Российской Федерации не существует аналогичного различия в наименовании предложений по изменению законодательства. Каждый субъект, осуществляющий право законодательной инициативы вносит на рассмотрение Государственной думы законопроект. Однако нормы Регламента Государственной думы предусматривают применение такой категории как «законопроект», так и такого понятия как «проект закона», кото-

рые при этом также не находятся в зависимости от субъекта, который обратился с соответствующей инициативой в Государственную думу [7].

Таким образом, представляется возможным заключить, что конституционно-правовое установление тех субъектов, которые обладают правом законодательной инициативы, зависит от многих факторов,

среди которых следует выделить территориальное устройство государства, характер принятой модели взаимодействия высших органов исполнительной власти с органами законодательной власти, совокупность фундаментальных предпосылок, связанных с системой организации общества и государственной власти в целом.

Литература

1. Сравнительное правоведение : учебник для магистратуры / В. Е. Чиркин. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С.24.
2. Constitution of October 4, 1958 // URL://https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/constiution_anglais_oct2009.pdf (дата обращения: 26.08.2019).
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014г.№ 31 Ст. 4398.
4. Конституционное право зарубежных стран : учебник для студентов вузов / В. О. Лучин, Г. А. Василевич, А. С. Прудников [и др.] ; под редакцией В. О. Лучин, Г. А. Василевич, А. С. Прудников. — 2-е изд. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 175.
5. Караманукян Д. Т. Сравнительное правоведение в схемах, определениях, комментариях: учебное пособие / Д.Т. Караманукян, А. В. Червяковский, А. А. Маручек. – Омск: Омская юридическая академия, 2014. С.67.
6. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков — 2-е изд., исправ. и доп.— М.: Издательство БЕК. 1999. С.55.
7. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 801.

References

1. Sravnitel'noye pravovedeniye : uchebnik dlya magistratury / V. Ye. Chirkin. – 2-ye izd., peresmotr. – M. : Norma : INFRA-M, 2019. S.24.
2. Constitution of October 4, 1958 // URL://https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/constiution_anglais_oct2009.pdf (dataobrashcheniya: 26.08.2019).
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 g. // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 4 avgusta 2014g.№ 31 St. 4398.
4. Konstitutsionnoye pravo zarubezhnykh stran : uchebnik dlya studentov vuzov / V. O. Luchin, G. A. Vasilevich, A. S. Prudnikov [i dr.] ; pod redaktsiyey V. O. Luchin, G. A. Vasilevich, A. S. Prudnikov. — 2-ye izd. — Moskva: YUNITI-DANA, 2017. С. 175.
5. Karamanukyan, D. T. Sravnitel'noye pravovedeniye v skhemakh, opredeleniyakh, kommentariyakh : uchebnoye posobiye / D.T.Karamanukyan, A. V. Cher-vyakovskiy, A. A. Maruchek. – Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2014. S.67.
6. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Uchebnoye posobiye / Sost. prof. V.V. Maklakov — 2-ye izd., isprav. i dop.— M.: Izdatel'stvo BEK. 1999. S.55.
7. O Reglamente Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii: Postanovleniye GD FS RF ot 22.01.1998 № 2134-II GD // Sobraniye zakonodatel'stva RF, 16.02.1998, № 7, st. 801.

ДЕМАКОВ Руслан Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 656008, г. Барнаул, улица Партизанская, дом 187. E-mail: info@alt.ranepa.ru

DEMAKOV Ruslan, Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of Labor and Business Law, Altai Branch of FSBEI HE "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation". 656008, Barnaul, Partizanskaya street, 187. E-mail: info@alt.ranepa.ru

Лебедева Ю. Н., Руссу Я. С.

РАЗЛИЧИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ АГИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Lebedeva Yu. N., Russu Ya. S.

DIFFERENCES IN THE LEGAL REGULATION OF JOINT CAMPAIGN ACTIVITIES IN FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION

В работе рассмотрены правовые коллизии между федеральным и региональным законодательством в правовом регулировании совместных агитационных мероприятий на телевидении и радио, причины и история возникновения различий в правовом регулировании. Также в работе содержится анализ действующего правового регулирования института совместных агитационных мероприятий на телевидении и радио на примере законодательства отдельных субъектов Российской Федерации, раскрываются правовые механизмы замены кандидатов в совместных агитационных мероприятиях на третьих лиц.

Ключевые слова: правовые коллизии, избирательное право, предвыборная агитация, совместные агитационные мероприятия.

In article were reviewed collisions in legal regulation of debates on television and radio between Federal and regional legislations, reasons and background of differences in legal regulation. Article contains an analyze of debate's current legal regulation on television and radio on the example of region's legislations. Legal instruments of candidate's replacement in debates are being considered in article.

Keywords: legal collisions, elective law, election campaign, election debates.

Предвыборная агитация (далее – так же агитация) занимает в структуре избирательного процесса одно из центральных мест [1, с.76], это комплексное и многогранное явление. Агитация одновременно является институтом избирательного права, разновидностью информирования граждан в период избирательной кампании, политической рекламой и деятельностью, в ходе которой реализуются конституционные права на свободное распространение информации [2, с.89] и права на участие в политической жизни общества.

Легальное определение предвыборной агитации закреплено в статье 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ). Согласно этой статье предвыборная агита-

ция – это деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателя голосовать за (против) кандидата или кандидатов, за (против) списки кандидатов. Считается, что предвыборная агитация проводится любым незапрещенными методом, в том числе: в периодических печатных и в сетевых изданиях; посредством проведения агитационных публичных мероприятий; через выпуск и распространение печатных, аудиовизуальных и других материалов, на каналах организаций телерадиовещания [3, с.94].

В настоящей статье исследуются отдельные особенности правового регулирования проведения совместных агитационных мероприятий на телевидении и радио (далее – так же дебаты).

Согласно части 4.1 статьи 51 Федерального закона № 67-ФЗ в совместных агитационных мероприятиях могут уча-

ствовать зарегистрированные кандидаты исключительно лично (от имени избирательного объединения только зарегистрированные кандидаты, выдвинутые этим избирательным объединением на соответствующих выборах), за исключением предусмотренных федеральным законом случаев. Такое исключение составляют совместные агитационные мероприятия на выборах Президента Российской Федерации (часть 7 и часть 8 статьи 52 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19 «О выборах Президента Российской Федерации»). Поэтому, руководствуясь статьей 51 Федерального закона № 67-ФЗ, следует полагать, что на выборах в органы государственной власти субъекта и в органы местного самоуправления не предусмотрена возможность участия в совместных агитационных мероприятиях иных лиц за исключением зарегистрированных кандидатов. Однако на практике это не совсем так.

Например, частью 4 статьи 63 Закона Республики Крым от 07 июня 2014 г. «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым» установлено, что в совместных агитационных мероприятиях на каналах организаций телерадиовещания зарегистрированные кандидаты (в том числе выдвинутые в составе списка) могут участвовать только лично. Представители зарегистрированного кандидата для участия в таких совместных агитационных мероприятиях не допускаются, за исключением случаев, когда кандидат болен, содержится в местах содержания под стражей. При этом данный факт должен быть удостоверен администрацией стационарного лечебно-профилактического учреждения, в котором кандидат находится на излечении или администрацией учреждения, в котором кандидат содержится под стражей.

Частями 5 и 6 статьи 43 Закона Республики Саха (Якутия) от 28 июня 2012 г. № 1084-З № 1075-IV «О выборах Главы Республики Саха (Якутия)» закреплено, что в совместных агитационных мероприятиях, проводимых на каналах республиканских государственных организаций телерадиовещания, зарегистрированные кандидаты могут участвовать только лично. Представители зарегистрированного кандидата к участию в совместных агитационных мероприятиях не допускаются, за исключением случаев, если зарегистрированный кандидат по вынуждающим к тому обстоятельствам (болезнь, выполнение должностных обязанностей) не может участвовать в совместном агитационном

мероприятии, вместо него может участвовать его доверенное лицо. Современные телекоммуникационные сети позволяют ознакомиться с ходом проведения дебатов, так в период избирательной кампании на пост главы Республики Саха (Якутия) в 2018 году на телеканале «Якутия 24» в совместном агитационном мероприятии участвовали доверенные лица кандидатов¹. Таким образом, несмотря на наличие нормы Федерального закона № 67-ФЗ, регулирование агитации на выборах Главы Республики Саха (Якутия) осуществлялось на основании регионально-го закона.

Аналогичные положения также содержатся в Законе Республики Хакасия от 28 июня 2012 г. № 52-ЗРХ «О выборах Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия» и в Законе Пермского края от 28 июня 2012 г. № 68-ПК «О выборах Губернатора Пермского края». На прошедших в 2018 году выборах Главы республики Хакасия в совместных агитационных мероприятиях так же участвовали представители кандидатов.

Ретроспективный анализ норм Федерального закона № 67-ФЗ показывает, что возможность участия доверенных лиц в дебатах существовала в федеральном законодательстве до вступления в силу Федерального закона от 09 марта 2016 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в статью 51 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в статью 65 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Интереснее и сложнее устроен институт совместных агитационных мероприятий на телевидении и радио в Брянской области. В соответствии с частями 5 и 6 Закона Брянской области от 29 июня 2012 года № 37-З «О выборах Губернатора Брянской области» в совместных агитационных мероприятиях вместо зарегистрированного может участвовать его доверенное лицо или иной представитель, действующий по поручению кандидата. Такое поручение должно быть оформлено в письменном виде по форме, утвержденной Избирательной комиссией Брянской области, и представлено кандидатом в Избирательную комиссию Брянской области и государственную региональную организацию телерадиовещания не позднее дня, предшествующего дню выхода в

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=ubqqJLm5n-E> (дата обращения 25.11.2019)

эфир. Последний пример исключает объяснение сложившейся практики простым не приведением норм регионального закона в соответствие с федеральным законодательством. Как видно из нормы Закона «О выборах Губернатора Брянской области» региональный законодатель самостоятельно сформировал механизм реализации права на участие в совместных агитационных мероприятиях.

В заключение следует отметить, что федеральный законодатель не закрепил за регионами права на самостоятельное определение лиц, которые могут участвовать в совместных агитационных меро-

приятиях. Как показало проведенное исследование федеральное законодательство императивно закрепляет невозможность участия в совместном агитационном мероприятии на телевидении или на радио кого-либо кроме самих зарегистрированных кандидатов. Такое толкование не только следует из буквы закона, но и соответствует назначению нормы права, которое вкладывал в него законодатель, отменяя ранее существовавшую норму. Несмотря на это некоторые законодательные акты субъектов все же допускают возможность участия в совместных агитационных мероприятиях доверенных лиц.

Литература

1. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации / Большаков С.В., Головин А.Г. – М.: Весь мир, 2007. С. 76.
2. Савченко М.С. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебное пособие / М.С. Савченко, Т.Ю. Дьякова – Краснодар: КубГАУ, 2015. С. 89.
3. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации. Большаков С.В. и Головин А.Г. / Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, 2007. С. 94.

References

1. Informatsionnoye obespecheniye vyborov i referendumov v Rossiyskoy Federatsii / Bol'shakov S.V., Golovin A.G. – M.: Ves' mir, 2007. S. 76.
2. Savchenko M.S. Izbiratel'noye pravo i izbiratel'nyy protsess v Rossiyskoy Federatsii : uchebnoye posobiye / M.S. Savchenko, T.YU. D'yakova – Krasnodar: KubGAU, 2015. S. 89.
3. Informatsionnoye obespecheniye vyborov i referendumov v Rossiyskoy Federatsii. Bol'shakov S.V. i Golovin A.G. / Rossiyskiy tsentr obucheniya izbiratel'nyim tekhnologiyam pri Tsentral'noy izbiratel'noy komissii Rossiyskoy Federatsii, 2007. S. 94.

ЛЕБЕДЕВА Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и финансового права Хабаровского государственного университета экономики и права. 680042, Хабаровский край, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. E-mail: lbdeva@mail.ru

РУССУ Ярослав Сергеевич, магистрант кафедры конституционного, административного и финансового права Хабаровского государственного университета экономики и права. 680042, Хабаровский край, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. E-mail: yaroslav.russu@gmail.com

LEBEDEVA Yuliya, Candidate of Law, Associate Professor, Chair of Constitutional, Administrative and Financial Law, Khabarovsk State University of Economics and Law. 680042, Khabarovsk region, Khabarovsk, st. Pacific, 134. E-mail: lbdeva@mail.ru

RUSSU Yaroslav, master student of the Department of Constitutional, Administrative and Financial Law of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 680042, Khabarovsk region, Khabarovsk, st. Pacific, 134. E-mail: yaroslav.russu@gmail.com

УДК 351.753(476)

Шмидт А. А.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛИЦЕНЗИОННО- РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Shmidt A. A.

ADMINISTRATIVE LEGAL FRAMEWORK OF THE STATE LICENSE-LICENSE POLICY IN THE FIELD OF CIVILIAN WEAPON TURNOVER IN RUSSIA AND BELARUS: COMPARATIVE LEGAL STUDY

В статье на основе российского и белорусского законодательства рассматриваются особенности правового регулирования оборота гражданского оружия в России и Белоруссии. Констатируется общность подходов в правовом регулировании и близость правовых систем. Определено содержание государственной лицензионно-разрешительной политики в области оборота оружия, выделены ее регулятивная и охранительная функции. Анализируется регулятивная составляющая лицензионно-разрешительной политики: цели приобретения оружия и его соответствующие виды, а также запреты и ограничения на его оборот; возраст, с достижением которого связано право на приобретение оружия и требования, предъявляемые к соискателям лицензии (разрешения) на приобретение оружия; порядок хранения, использования, передачи оружия, другие элементы оборота оружия. На основе сравнительного анализа обобщены выводы касающиеся оптимизации отечественной лицензионно-разрешительной системы.

Ключевые слова: гражданское оружие, административно-правовое регулирование, государственная политика, законодательство Республики Беларусь.

Based on Russian and Belarusian legislation, the article discusses the features of the legal regulation of the circulation of civilian weapons in Russia and Belarus. The community of approaches in legal regulation and the proximity of legal systems are stated. The content of the state licensing and permitting policy in the field of arms trafficking is determined, its regulatory and protective functions are highlighted. The regulatory component of the licensing and permitting policy is analyzed: the purpose of acquiring weapons and their respective types, as well as prohibitions and restrictions on its circulation; age, with the achievement of which is associated with the right to acquire weapons and the requirements for applicants for a license (permit) to acquire weapons; order of storage, use, transfer of weapons, other elements of the circulation of weapons. Based on a comparative analysis, conclusions on the optimization of the domestic licensing system are summarized.

Keywords: civilian weapons, administrative regulation, state policy, legislation of the Republic of Belarus.

15

Конституция,
государство и общество

Оборот оружия и боеприпасов как предметов, бесконтрольное обращение которых способно причинить существенный вред охраняемым законом интересам, является весьма актуальным вопросом не только в России, но и во многих других странах, где оружие разрешено к приобретению гражданами. Проведение эффективной государственной лицензионно-разрешительной политики в области оборота оружия является важным элементом общественной безопасности.

Распространенность оружия в качестве предметов совершения преступных посягательств вызывает обеспокоенность как правительств многих стран, так и международных организаций. В своих докладах Генеральный секретарь и Верховный комиссар ООН по правам человека отмечают, что доступ к огнестрельному оружию и его неправомерное применение создают опасность существенного вреда, оружие является главным инструментом для совершения насильственных действий и преступлений [1, с. 15,16;2, с.3]. В тоже время гражданское оружие является частью национальной культуры, оно широко используется для занятий охотой и спортом, в культурной и образовательной среде, охранной деятельности, а также для самообороны.

Наиболее близкой к отечественной в плане правового регулирования оборота гражданского оружия является правовая система Республики Беларусь. Однако законодательные акты об оружии имеют как много общего, так и существенные отличия. Опыт сравнительно-правового исследования как представляется может выявить как недостатки в правовом регулировании, так и сформулировать предложения по оптимизации государственной лицензионно-разрешительной политики, проводимых в наших странах. Подобное исследование также актуально в контексте Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союза государств» и «Программы действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства».

Лицензионно-разрешительная политика государства в области оборота гражданского оружия как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность органов государственной власти, а также участников оборота и институтов гражданского общества по совершенствованию механизма административно-правового регулирования оборота оружия и оптимизации лицензионно-раз-

решительной системы имеет свое правовое закрепление. В России и Белоруссии лицензионно-разрешительная политика закреплена в законодательных актах (Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», Закон Республики Беларусь от 13.11.2001 № 61-З «Об оружии»), которые определяют основные элементы лицензионно-разрешительной политики:

- цели приобретения оружия и его соответствующие виды, а также запреты и ограничения на его оборот;
- возраст, с достижением, которого связано право на приобретение оружия и требования, предъявляемые к соискателям лицензии (разрешения) на приобретение оружия;
- порядок приобретения, хранения, перевозки, использования, передачи, продажи оружия, другие элементы оборота оружия;
- основания и порядок аннулирования разрешений и изъятия оружия;
- основы государственной системы контроля за оборотом оружия и юридическая ответственность.

Первые три элемента содержательно воплощают регулятивную функцию лицензионно-разрешительной политики государства, а последние два – охранительную.

В национальных правовых системах России и Белоруссии разрешенные к обороту виды оружия находятся в зависимости от целей его приобретения. Статьи 3 и 7 законодательных актов об оружии России и Республики Беларусь соответственно в зависимости от целей использования называют следующие виды гражданского оружия: оружие самообороны, спортивное и охотничье оружие. В качестве самостоятельных разновидностей гражданского оружия российский закон называет сигнальное оружие; холодное клинковое оружие, предназначенное для ношения с национальными костюмами; оружие, используемое в культурных и образовательных целях.

Важной особенностью белорусского законодательства является запрет на оборот в качестве гражданского или служебного оружия огнестрельного оружия ограниченного поражения – оружия травматического действия (ст. 8). Интересным представляется тот факт, что в Белоруссии интерес граждан к травматическому оружию также высок [3] как интерес российских граждан к короткоствольному оружию с нарезным стволом [4]. По вопросам оборота летального и нелетального оружия самообороны ведется острая общественная и научная дискуссия. По

мнению автора при решении указанных вопросов должны учитывать следующие обстоятельства, определяющим образом влияющие на политику государства в сфере оборота оружия. Прежде всего вопрос о разрешенных видах оружия подлежит рассмотрению в области соотношения частного и публичного интересов; оценки благ, достижению которых способствует его реализация и соответствующих рисков, связанных с таким правом.

Огнестрельное оружие ограниченного поражения и огнестрельное короткоствольное оружие как средства самообороны характеризуются высокой и очень высокой останавливающей силой, поражающей действием. При решении рассматриваемого вопроса следует исходить из ответа на вопрос: существуют ли в реальной жизни такие угрозы, которые требуют такого противодействия? Конечно, любые суждения на эту тему будут оценочными, но очевидно, что уровень криминогенной угрозы в наших странах позволяет выйти на улицу без оружия. С другой стороны, материалы проверок по фактам применения оружия, сообщения СМИ о происшествиях с оружием наглядно свидетельствуют о том, что именно оружие самообороны значительно чаще используется как средство нападения или орудие хулиганства. Автор полагает, что такими же соображениями руководствовался законодатель и Конституционный суд Российской Федерации (в частности, в определении от 21 декабря 2006 № 626-О), отмечая что право граждан на приобретение оружия не относится к закрепленным в Конституции Российской Федерации правам, не является абсолютным и может быть ограничено, что также корреспондируется с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Также следует учитывать, что доля граждан – владельцев оружия, в том числе владельцев оружия самообороны, проявляющих наиболее активный интерес к указанным видам оружия, составляет менее 5% и около 1,5 % в России и Белоруссии соответственно. Автор полагает, что указанные обстоятельства также необходимо учитывать при решении вопроса о видах разрешенного к обороту оружия.

Следующий элемент государственной лицензионно-разрешительной политики – возраст, с достижением, которого связано право на приобретение оружия, и требования, предъявляемые к соискателям лицензии (разрешения) на приобретение оружия. В обеих странах право на приобретение оружия связывается с достижением совершеннолетия и стажем владения гладкоствольным охотничьим

оружием, необходимого для приобретения нарезного охотничьего оружия. В России огнестрельное оружие ограниченного поражения может быть приобретено по достижении 21 года.

Законодательные акты двух стран содержат в общем схожий перечень препятствий для реализации права на приобретение оружия: медицинские противопоказания; противоправное поведение; отсутствие места жительства или условий, обеспечивающих сохранность оружия. Условием реализации права на приобретение оружия также является первоначальное обучение правилам безопасного обращения с оружием, и проверка наличия навыков обращения с ним.

Однако, как представляется из анализа происшествий с применением оружия, приведенный перечень не в полной мере соответствует интересам обеспечения безопасного обращения с оружием. Собранный эмпирический материал свидетельствует, что значительная часть фактов противоправного применения оружия – спонтанные конфликты. В этом отношении представляет интерес правовой опыт Германии, где лица в возрасте до 25-летнего возраста, до приобретения оружия должны также пройти психологическое обследование для выявления склонности к суициду или причинению вреда другим лицам (§ 6 Waffengesetz vom 11. Oktober 2002 (BGBl. I S. 3970, 4592; 2003 I S. 1957), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 30. Juni 2017 (BGBl. I S. 2133) geändert worden ist. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/waffg_2002/BJNR397010002.html (дата обращения: 19 сентября 2019 г.)).

Следующий элемент – порядок приобретения, хранения, перевозки, использования, передачи и продажи оружия. Порядок приобретения оружия, как и во многих странах предусматривает последовательное получение лицензии (разрешения) на приобретение оружия и последующая постановка оружия на учет с выдачей разрешения на соответствующий вид его использования. Срок действия разрешительных документов отличаются, как и срок постановки оружия на учет. Сроки в белорусской правовой системе сокращены. Разрешения на использование оружия выдаются на три и пять лет, а постановка оружия на учет производится в 10-дневный и двухнедельный срок в Белоруссии и России соответственно. Хранение оружие – пожалуй, наиболее важный элемент оборота оружия, с точки зрения контролирующих органов. Законодательные акты обоих государств устанавливают предельно допустимое количе-

ство хранящегося оружия, а также общие требования к хранению оружия боеприпасов. Общее количество находящегося в собственности граждан оружия в России не должно превышать пяти единиц каждого вида (газового, гладкоствольного и нарезного) и двух единиц огнестрельного ограниченного поражения. В Беларуси - охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом, охотничьего огнестрельного комбинированного оружия не должно превышать двух единиц, охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия - трех единиц. Исключением в обоих странах составляет коллекционируемое оружие, которое может храниться без количественных ограничений. Условия хранения оружия в законодательных и подзаконных актах весьма схожи – оружие и боеприпасы должны храниться с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом. Особенностью белорусского законодательства является требование в отношении юридических лиц хранить огнестрельное оружие с нарезным стволом в помещениях оборудованных средствами систем охранной сигнализации (в России такое требование распространяется на всех юридических лиц вне зависимости от конструктивных особенностей оружия).

Еще одна особенность правил хранения оружия – возможность хранения вне места жительства или места пребывания. В Белоруссии граждане, являющиеся членами спортивных стрелковых обществ и клубов, могут хранить принадлежащие им оружие и боеприпасы на спортивных стрелково-стендовых объектах по месту проведения тренировочных стрельб и соревнований, а также в организации, ведущие охотничье хозяйство, для обеспечения сохранности оружия и боеприпасов перед проведением охоты либо по ее завершении. Такое хранение осуществляется на основании записи в книгах приема и выдачи оружия, которые ведутся указанными организациями. Такой порядок представляется весьма обоснованным. В России также предусмотрена возможность временного хранения гражданского оружия спортсменов на стрелковых объектах, а также хранение оружия на предприятиях по торговле оружием, имеющим дополнительную лицензию на хранение оружия. Однако в России такая практика не является распространенной.

Важная особенность белорусского законодательства об обороте оружия возможность использования и передачи оружия лицам, не являющимся его собственниками. Порядок оборота служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 30.08.2002 № 473, предусматривает возможность получения охотничьего оружия во временное пользование на время охоты. Оружие выдает пользователь охотничьих угодий, который также оформляет соответствующее разрешение.

Такой подход законодателя представляется более чем рациональным. Главный положительный аспект такого решения даже не правовой, а социально-психологический. Действительно интерес к охоте, оружию, особой субкультуре проявляют очень многие, но это вовсе не означает, что все мечтающие стать охотниками станут ими. Опросы российских владельцев оружия, нарушивших сроки продления сроков действия разрешений на хранение и ношение оружия, показывают, что около 85% нарушили сроки «потому что забыли», а 70 % из них не были на охоте более 3-5 лет. Также значительная часть лиц, приобретших охотничье оружие после первой охоты более оружием не пользовались. Оружие для них становится бременем – продать за те же деньги не представляется возможным, необходимость продления разрешения требует времени, финансов, прохождения бюрократических процедур.

Подводя итоги краткого сравнительно-правового исследования регулятивной составляющей государственной лицензионно-разрешительной политики в России и Белоруссии следует отметить, что наши правовые системы, методология правового регулирования весьма близки друг другу. Это является весьма значимым обстоятельством в плане продолжающегося сближения двух государств, и является основой для дальнейшей гармонизации отношений.

Значимым и полезным представляется опыт Белоруссии по вовлечению профессиональных участников лицензионно-разрешительной системы (юридических лиц, осуществляющих деятельность в области спорта и охотничьего хозяйства) в оборот гражданского оружия, предоставляя возможность хранить оружие граждан на стрелковых объектах и в охотничьих угодьях под ответственность юридических лиц, а также право на выдачу охотничьего оружия юридическим лицам во временное пользование гражданам в целях

охоты на охотничьих угодьях. Такой подход с одной стороны упрощает гражданам реализацию прав в области спорта, охоты и оборота оружия в целом, и с другой стороны упрощает систему государственного контроля за оборотом оружия. Ведь очевидно, что в плане временных и организационных затрат значительно проще проверить сохранность множества единиц оружия граждан, хранящегося у

соответствующих юридических лиц, чем множество граждан, осуществляющих хранение оружия по месту жительства.

Представляется что последовательное осмысленное вовлечение институтов гражданского общества, профессиональных участников лицензионно-разрешительной системы должно способствовать совершенствованию государственной лицензионно-разрешительной политики.

Литература

1. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), Global Study on Homicide (Vienna, 2013), 166 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/GSH2013/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf.
2. Доклад Управления верховного комиссара ООН по правам человека «Права человека и регулирование приобретения, хранения и применения гражданскими лицами огнестрельного оружия», 15 апреля 2016, 21 с. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/576b83e64.html>.
3. Климова И.В. Сравнительный анализ и правовые пробелы законодательства в части применения огнестрельного оружия травматического действия // Право. бу. 2014. № 4 (30). С. 89-95.
4. Сургутсков В.И. Право граждан России на хранение и ношение отдельных образцов летального оружия в целях самообороны (приглашение к дискуссии) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 29-36.

References

1. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), Global Study on Homicide (Vienna, 2013), 166 r. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/GSH2013/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf.
2. Doklad Upravleniya verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka «Prava cheloveka i regulirovaniye priobreteniya, khraneniya i primeneniya grazhdanskimi litsami ognestrel'nogo oruzhiya», 15 aprelya 2016, 21 s. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/576b83e64.html>.
3. Klimova I.V. Sravnitel'nyy analiz i pravovyye probely zakonodatel'stva v chasti primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya travmaticheskogo deystviya // Pravo.by. 2014. № 4 (30). S. 89-95.
4. Surgutskov V.I. Pravo grazhdan Rossii na khraneniye i nosheniye otdel'nykh obraztsov letal'nogo oruzhiya v tselyakh samooborony (priglaseniye k diskussii) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2017. № 4 (42). S. 29-36.

ШМИДТ Артем Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия. 454135, г. Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63. E-mail: artem-shmidt@yandex.ru

SHMIDT Artem, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of государстваиправа Department, Ural Branch of the Federal State Budget Educational Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice». 454135, Russian Federation, Chelyabinsk, st. Energetikov, d. 63, E-mail: artem-shmidt@yandex.ru

Коршунов Л. А., Демаков Р. А.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК УЧАСТНИК ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Korshunov L. A., Demakov R. A.

PUBLIC CHAMBER OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A PARTICIPANT OF THE LEGISLATIVE PROCESS

Статья посвящена участию общественной палаты субъекта Российской Федерации в осуществлении законодательного процесса. Приводится подробный анализ взаимодействия органов публичной власти с общественными палатами, доказывается необходимость участия общественных палат в законотворческих процедурах, приводятся примеры совместной деятельности общественной палаты и органа законодательной власти субъекта Российской Федерации, с учетом результатов практической деятельности общественных палат доказывается необходимость предоставления общественной палате права законодательной инициативы на уровне субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательный процесс, субъект Российской Федерации, общественная палата, общественное объединение, проект закона, право законодательной инициативы.

The article is devoted to the participation of the public chamber of a subject of the Russian Federation in the implementation of the legislative process. A detailed analysis of the interaction of public authorities with public chambers is given, the need for participation of public chambers in legislative processes is proved, examples of joint activities of the public chamber and the legislative body of a constituent entity of the Russian Federation are given, taking into account the results of the practical activities of public chambers, the necessity of granting the public chamber the right to take legislative initiative on level of the subject of the Russian Federation.

Keywords: legislative process, subject of the Russian Federation, public chamber, public associations, draft law, law of legislative initiative.

20

Конституция,
государство и общество

Современные социальные явления, возникновение новых тенденций развития общества, особенности рыночной экономики, а также политические условия, при которых формируются международные отношения, актуализируют проблематику учета потребностей граждан и их объединений при отправлении государственной политики в национальных правовых системах. Российская Федерация в этом смысле не является исключением. В начале двадцать первого века многие отечественные ученые констатировали, что социальная структура российского общества обретает новые очертания – изменяется не только соотношение, но и характер ее составляющих в процессе социокультурной трансформа-

ции, включая изменение социальных связей между элементами общества, что без должного внимания со стороны государства обусловит отрицательный социальный эффект и, как следствие, выступит препятствием на пути становления российского общества в качестве гражданского общества [1].

Не вызывает сомнения, что данный вопрос помимо прочего предполагал выработку системы последовательного взаимодействия гражданского общества и органов публичной власти, которая была бы способна обеспечить высокую эффективность деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по всем социально значимым направлениям. Таким образом, при

федеральных органах исполнительной власти и их территориальных управлениях, при органах государственной власти субъектов Российской Федерации были сформированы и начали свою деятельность общественные советы, задачей которых является обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации при осуществлении властных полномочий, а также решение наиболее важных проблем деятельности органа публичной власти с участием общественности, включая представителей независимого экспертного сообщества и правозащитных организаций.

Данная тенденция не обошла стороной также и судебную власть. Так, активная роль общественности отмечается в деятельности квалификационных коллегий судей. Согласно положениям Федерального закона от 14.03.2002 №30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», квалификационные коллегии судей формируются из числа судей федеральных судов, судей субъектов Российской Федерации, представителей общественности и представителей Президента Российской Федерации. Представители общественности включаются в состав Высшей квалификационной коллегии судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В субъекте Российской Федерации представители общественности назначаются в квалификационные коллегии судей законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации [2]. При этом важно отметить, что конфигурация норм действующего законодательства, отводя важную роль представителям общественности в приведенном аспекте, действует таким образом, что в полной мере сохраняется система регулирования, при которой судьи в своей деятельности подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, что оставляет незабываемым такой важнейший принцип как независимость судей.

Данная точка зрения подтверждает высокую важность участия гражданского общества в делах государства в контексте деятельности как исполнительной так и судебной ветвей власти, что обеспечивается соответствующими законоположениями.

В этом смысле необходимо отметить, что сфера деятельности органов местного самоуправления также предполагает участие общественности в процессе ре-

ализации функций по решению вопросов местного значения – динамика федерального законодательства складывается таким образом, что законом установлено правило, согласно которому, уже упомянутые общественные советы могут создаваться при органах местного самоуправления, при этом цель деятельности общественных советов обуславливает высокую социальную значимость, которая выражается в том, что общественные советы содействуют учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций при общественной оценке органов местного самоуправления [3].

Однако, наиболее существенно выражение взаимодействия государства и гражданского общества складывается в плоскости реализации публично-правовых полномочий органа законодательной власти. Является очевидной, и неоднократно подтвержденной отечественной и зарубежной наукой, правильность тезиса о том, что парламент по своей сути выступает посредником между гражданским обществом и государством. Гражданское общество через парламент определяет задачи и функции государства, пределы государственного вмешательства в сферы частных и публичных интересов [4].

Данные характеристики взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества и которые, вне всякого сомнения, являются объективными, диктуют необходимость обратить исследовательское внимание на участие представителей общественности в законотворческих процедурах.

Деятельность законодательных (представительных) органов в виду их особой государственной важности является упорядоченной и последовательно регламентированной на конституционном уровне, на уровне основных законов субъектов Российской Федерации, она также детально регулируется в нормах специальных федеральных законов и законов субъектов. Также законодательный процесс во многом определяется регламентами соответствующих органов. Следовательно, законотворчество требует соответствие всех субъектов этого процесса тем нормам и правилам, которые определяются федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации. Данные требования проецируются на лиц, участвующих в законодательном процессе как в части организации их деятельности по рассматриваемому направлению, так и в части их правового статуса.

Гражданское общество само по себе не представляет единую систему, более того, действующее законодательство не содержит формально определенного понятия гражданского общества, равно как нормы законодательства определенно не устанавливают во многом такой тождественной категории как общественность. Сложившаяся практика свидетельствует о том, что гражданское общество организуется и осуществляет свой функционал в формате деятельности общественных объединений. В свою очередь взаимодействие правового государства и общественности представляется возможным через посредство зарегистрированных в установленном порядке общественных объединений, что имеет особую важность для такого вида юридической деятельности как законодательный процесс, в том числе в субъекте Российской Федерации.

Деятельность общественных объединений входит в предмет конституционно-го регулирования, что также обуславливает ее высокую значимость для общества и государства. Конституция Российской Федерации гарантирует свободу деятельности общественных объединений, а также устанавливает право каждого на объединение [5]. Нормативной основой более детального регулирования права граждан на объединение выступает Федеральный закон «Об общественных объединениях», по правилам которого общественными объединениями являются общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, а также политическая партия [6].

Учредительные процедуры, регистрация и, собственно, сама деятельность общественных объединений предполагает самоорганизацию и активное участие граждан, основанное на автономии личности относительно государственной политики и обладающих созидательной позицией в вопросах, касающихся развития современного общества [7]. Такое участие является многогранным, оно объективным образом складывается в тех сферах общественной жизни, которые отличаются наиболее острой проблематикой, которая во многих случаях требует последовательного подхода к решению соответствующих задач именно в формате сотрудничества общественности и государства. При этом работа членов общественных объединений и иных лиц, привлекаемых к такой работе охарактеризуется особой конструктивностью, присущей именно гражданскому обществу. Такая

работа во многом является высококвалифицированной, мероприятия, проводимые общественными объединениями отличаются особой конструктивностью, которая обеспечивается именно независимым экспертным участием и которая позволяет выявлять те сложности, которые требуют необходимых действий как с позиций и при помощи ресурсов самого гражданского общества, так и со стороны государства и органов местного самоуправления посредством привлечения материальных ресурсов и при помощи необходимых механизмов публично-правового регулирования.

Так, деятельность общественных объединений складывается в таких сферах как защита прав и законных интересов человека и гражданина, социальное обеспечение, охрана окружающей среды, здравоохранение, образование, культура, благоустройство территорий и многие другие направления, которые составляют предмет деятельности объединений граждан, объединившихся на основе общности их интересов для реализации духовных или иных нематериальных потребностей [8].

Деятельность общественных объединений, действительно обширна и многообразна, об этом свидетельствуют ежегодные статистические показатели – по состоянию на конец 2018 года в Российской Федерации действовали 90835 общественных объединений, в том числе 1678 благотворительных общественных организации, 1320 общественных движений, 2796 общественных фондов, 20066 профессиональных союзов, 1229 национально-культурных автономии [9].

Поскольку законодательный процесс, как указывалось, является строго упорядоченной процедурой, учет результатов деятельности многочисленных и многообразных общественных объединений, включая предложения по совершенствованию действующего законодательства, требует систематизации может быть обеспечен специальным единым субъектом, посредством которого происходит институционализация гражданского общества. При этом в силу принципиальных особенностей институтов гражданского общества данный субъект должен быть также максимально независимым от государства, его деятельность должна ограничиваться только в строго установленных случаях, предусмотренных федеральным законом либо законом субъекта.

В настоящее время единственным и, в этом смысле, уникальным субъектом, способным в полной мере обеспечить

наиболее эффективное взаимодействие гражданского общества и органа законодательной власти в процессе законотворчества является такая структура как общественная палата.

В Российской Федерации на основе норм специальных законов действует целая система общественных палат, которая включает в себя Общественную палату Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, а также общественные палаты муниципальных образований.

При исследовании и обобщении практики деятельности общественных палат в части их вовлеченности в законодательные процедуры наибольший интерес вызывает опыт именно общественных палат субъектов Российской Федерации. Так, если Общественная палата Российской Федерации осуществляет взаимодействие по большей части с Федеральным собранием Российской Федерации, то общественные палаты субъектов Российской Федерации реализуют практику участия в законотворческом процессе соответствующего значительного количества органов законодательной власти субъектов Российской Федерации, что обеспечивает наиболее обстоятельную и обширную вовлеченность общественности в мероприятия по подготовке законопроектов и принятию законов.

Следует отметить, что в действующем законодательстве отсутствует нормативная дефиниция общественной палаты. Однако, правовой статус общественной палаты субъекта, общие положения, цели и задачи определяются как на уровне федерального законодательства, так и на уровне законодательства субъекта Российской Федерации. При этом примечательно, что в ретроспективном контакте формирование соответствующего сегмента законодательства на уровне субъектов складывалось раньше, чем на федеральном уровне.

Обращаясь непосредственно к источнику нормативного регулирования, в первую очередь следует отметить Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», положения которого позволяют определить общественную палату субъекта Российской Федерации как общественную структуру, обеспечивающую взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, и некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных

групп, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации с органами публичной власти, в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты прав и свобод граждан, прав и законных интересов некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также государственных, муниципальных и иных организаций, осуществляющих публичные полномочия на территории субъекта Российской Федерации [10].

Сданное понятие не является лаконичным и, возможно оно требует более оптимального нормативного изложения, однако оно позволяет достоверно определить существенные характеристики целей деятельности общественных палат. Стоит также отметить, что законы субъектов Российской Федерации, содержат практически аналогичную трактовку сущности общественной палаты субъекта Российской Федерации.

Очень важно и примечательно, что приведенные нормативные характеристики общественной палаты субъекта Российской Федерации указывают, что общественная палата Российской Федерации взаимодействует с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, при этом общественный контроль осуществляется в отношении органов исполнительной власти, тем самым, выводя за скобки контроль в отношении органа законодательной власти. Очевидно, что подобная диспозиция свидетельствует о том, что федеральный законодатель отводит особый функционал общественной палате субъекта, Признавая как важное значение контрольных полномочий региональных парламентов в части парламентского контроля, так и контрольных полномочий общественных палат субъектов, практически отождествляя их важность. Также особой важностью отмечается и любое иное взаимодействие между органом законодательной власти и общественной палатой субъекта Российской Федерации, включая, в первую очередь, их сотрудничество в интересах жителей соответствующих территорий в формате законодательного процесса [11].

Практика выработала значительное количество форм участия общественной палаты субъекта Российской Федерации в законотворческом процессе. При наличии единой нормативной основы деятельности общественных палат в виде Федерального закона «Об общих принципах

организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», в субъектах действуют собственные законы и внутренние регламенты, регулирующие деятельность общественных палат. Также источниками нормативного регулирования законодательства в отдельных субъектах Российской Федерации являются специальные законы, которые также обуславливают специфику участия общественной палаты субъекта в правотворческой деятельности [12].

Таким образом, представляется возможным выделить как универсальную модель, так и отдельные специальные направления участия общественной палаты субъекта в законодательном процессе.

Так, универсальная модель участия общественной палаты субъекта в отправлении законодательских процедур будет включать в себя широко применяемые формы, основанные на нормах федерального законодательства и принципах деятельности общественных палат. К их числу будут относиться:

- общественный мониторинг правоприменительной практики;
- общественная экспертиза;
- общественное обсуждение;
- публичные слушания.

Такая методика, применяемая в законодательстве как правовой мониторинг широко используется в деятельности субъектов правотворчества. Современная правовая доктрина позволяет охарактеризовать мониторинг правоприменительной практики в рассматриваемом контексте как систематическую, комплексную, деятельность общественных палат по осуществлению сбора, анализа и обобщения информации о состоянии законодательства субъекта Российской Федерации, практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников законодательного процесса, институтов гражданского общества и, главное, граждан.

Осуществляя мониторинг правоприменения, общественная палата субъекта использует ресурс общественных объединений для выявления дефектов правового регулирования, вырабатывая предложения по изменению действующего законодательства в интересах граждан, проживающих на соответствующей территории. При этом мониторинг правоприменения осуществляется комиссиями общественных палат, сообразно их компетенции с учетом обращений граждан и некоммерческих организаций. Это сообщает высокую правотворческую значи-

мость итогам мониторинга правоприменения, получаемым в результате деятельности общественных палат субъектов, впрочем, как и итогам иных мероприятий общественной палаты, проводимых в процессе законотворчества.

Общественная экспертиза является действенным механизмом участия гражданского общества в законодательном процессе. Следует понимать, что общественная экспертиза институционально оформилась именно с вступлением в силу Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Однако об особой ценности общественной экспертизы свидетельствует тот факт, что она осуществлялась задолго до вступления в силу названного федерального закона и соответствующих законов субъектов Российской Федерации об общественном контроле, что подтверждается статистическими данными о количестве проведения общественных экспертиз общественными палатами субъектов Российской Федерации [13].

Как правило, общественная экспертиза проводится на этапе разработки проекта закона. Во многих случаях отправной точкой проведения общественной экспертизы выступает обращение органа законодательной власти субъекта в общественную палату, в котором ставятся необходимые вопросы и к которому прилагается текст предлагаемого законопроекта с целью проведения его исследования членами общественной палаты и экспертами, привлекаемыми общественной палаты. В случае необходимости по решению совета общественной палаты может быть сформирована экспертная комиссия, в которую включаются компетентные представители профильных общественных объединений, представители ученого сообщества и иные лица, обладающие необходимой квалификацией и специальными познаниями в той сфере общественных отношений, на которую направлен исследуемый проект закона. По результатам проведения общественной экспертизы принимается итоговый документ. Данный итоговый документ может быть подготовлен общественным экспертом в форме заключения по результатам общественной экспертизы, либо несколькими специалистами, осуществляющими общественную экспертизу в форме общего заключения по результатам общественной экспертизы. Обязательным императивным требованием к итоговому документу по результатам общественной экспертизы проекта закона является то, что он должен содержать

объективные, достоверные и обоснованные выводы о результатах общественной экспертизы, на основе которых законодатель в необходимом случае корректирует текст исследованного проекта закона.

Общественное обсуждение также является той формой взаимодействия гражданского общества и законодателя, которая активно применяется при обсуждении законодательных инициатив. В деятельности многих общественных объединений, общественных советов при органах публичной власти, в самих органах публичной власти для обсуждения и выработки эффективных подходов к разрешению соответствующей проблематики применяется практика проведения таких мероприятий как «круглый стол». Если вести речь об органах публичной власти, то в рамках их деятельности указанные мероприятия продолжают проводиться, что, действительно, наряду с заседаниями координационных совещаний и научно-консультативных советов позволяет определить наиболее конструктивные пути совершенствования деятельности публичной власти.

Анализируя опыт работы общественных палат субъектов Российской Федерации, приходится констатировать, что общественные палаты стали все чаще применять общественные обсуждения, предметом которых становятся в том числе проекты нормативных актов, в том числе проектов законов субъектов. Современная научная концепция деятельности общественных палат позволяет раскрыть содержание общественного обсуждения как серию мероприятий или длящуюся акцию, включающую обмен мнениями по определенному общественно значимому вопросу в течение определенного отрезка времени (от нескольких недель до нескольких месяцев), а также подведение итогов данного обмена мнениями [14]. Итоги общественного обсуждения систематизируются и сводятся в форму итогового протокола по результатам общественного обсуждения.

Общественное обсуждение проектов законов субъекта в подавляющем большинстве случаев проводится с участием представителей депутатского корпуса и работников аппарата органа законодательной власти субъекта, при этом к обсуждению привлекается максимально широкая общественность. Также формат общественного обсуждения предполагает, что свои предложения относительно проекта закона, могут направлять не только участники деятельности зарегистрированных общественных объединений, но также и граждане, которые не участвуют в работе

некоммерческих организаций, но желающие выразить свою позицию относительно законодательных нововведений. Общественное обсуждение может проводиться как путем направления в общественную палату предложений относительно обсуждаемого законопроекта в письменной форме, также организатор общественного обсуждения может предусмотреть проведение очной части общественного обсуждения. К примеру, опыт Общественной палаты Алтайского края демонстрирует выработанную систему проведения общественных обсуждений при которой общественная палата публикует на своем официальном сайте информацию о начале общественного обсуждения, после чего начинается прием письменных предложений заинтересованных субъектов относительно социально значимого вопроса, затем обязательно проводится очная часть общественного обсуждения, которая проводится с обязательным участием представителей Алтайского краевого Законодательного Собрания, затем Общественной палатой Алтайского края подводятся итоги и оформляется итоговый протокол по результатам общественного обсуждения. Такой формат предполагает, что гражданское общество проводит наиболее полное и всестороннее рассмотрение проекта закона, а орган законодательной власти субъекта Российской Федерации получает возможность максимально обстоятельно учитывать мнение общественности при осуществлении правотворческой деятельности.

Публичные слушания также являются очень важной формой взаимодействия общественной палаты и органа законодательной власти субъекта Российской Федерации, однако данная форма является своеобразной поскольку публичные слушания во-первых проводятся в случаях установленных, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, во-вторых публичные слушания в отдельных случаях могут организовываться самими органами публичной власти. Цель проведения публичных слушаний – обсуждение вопросов, касающихся деятельности органов публичной власти либо затрагивающих права и свободы человека и гражданина общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. Общественная палата при публичных слушаниях выступает субъектом обеспечивающим участие широкой общественности в рассмотрении такого рода вопросов.

Публичные слушания могут проводиться в ключе взаимодействия обще-

ственной палаты с органом законодательной власти субъекта Российской Федерации. В качестве примера можно привести природоохранное законодательство, согласно которому, вопрос о создании лесопаркового зеленого пояса решается органом законодательной власти по результатам публичных слушаний, организуемых общественной палатой субъекта Российской Федерации [15]. Подобный опыт находит широкое применение в субъектах Российской Федерации [16].

Помимо названных форм участия общественной палаты субъекта Российской Федерации в законодательном процессе, которые во многом совпадают с методикой общественного контроля, практика осуществления законотворчества в субъекте Российской Федерации складывается также в таких формах как:

- участие депутатов органов законодательной власти в заседаниях общественных палат субъектов;
- участие членов общественных палат субъектов в работе сессий органов законодательной власти;
- участие членов общественных палат субъектов в заседаниях постоянных комитетов органов законодательной власти;
- участие членов общественных палат субъектов в работе сессий органов законодательной власти;
- участие членов общественных палат субъектов в депутатских и парламентских слушаниях;
- проведение совместных рабочих заседаний председателей комиссий общественных палат субъектов и председателей постоянных комитетов органов законодательной власти.

Названные аспекты относительно участия общественной палаты, и как следствие, гражданского общества субъекта Российской Федерации в законодательном процессе формируют эффективный нормотворческий механизм, формируемый в ключе конструктивного сотрудничества общественности и законодателя.

Однако эффективность всех перечисленных форм участия общественной палаты субъекта в процессе подготовки законопроектов нивелируется тем, что результаты практически всех проводимых мероприятий общественной палатой субъекта Российской Федерации, направленных на выработку предложений по совершенствованию действующего законодательства, имеют лишь рекомендательный характер. Такая модель участия общественной палаты субъекта в законотворчестве не позволяет с уверенно-

стью констатировать, что в субъектах Российской Федерации сформирована логически выверенная и завершенная система законодательного процесса, неотъемлемым и необходимым субъектом которой является общественная палата.

Представляется, что решение данной проблемы лежит в плоскости законотворческой правосубъектности общественных палат, которая в полной мере выражается при наличии у общественной палаты права законодательной инициативы.

Так, в направлении наделения общественной палаты правом законодательной инициативы складывается система правового регулирования некоторых субъектов Российской Федерации. Динамика законодательства таких субъектов в части наделения общественной палаты правом законодательной инициативы свидетельствует о том, что высшие органы государственной власти субъектов признают необходимость рассмотрения предложений по изменению законов субъектов, исходящих от общественных палат именно посредством внесения оформленных законопроектов на рассмотрение органа законодательной власти субъекта. Стоит отметить, что наделение общественной палаты субъекта таким правом, как правило, требует внесения соответствующего изменения в основной закон субъекта, что в свою очередь требует квалифицированного большинства голосов депутатов. Это означает, что в тех субъектах Российской Федерации, в которых общественные палаты обладают правом законодательной инициативы, государство признает важную роль гражданского общества в социально-экономическом развитии.

Так в настоящее время правом законодательной инициативы обладают общественные палаты Калининградской, Тверской, Саратовской, Самарской, Ульяновской, Оренбургской областей и некоторых иных субъектов Российской Федерации. В 2019 году право законодательной инициативы получила Общественная палата Алтайского края, необходимые изменения были внесены в Устав (Основной закон) Алтайского края посредством принятия Алтайским краевым Законодательным Собранием закона Алтайского края «О внесении изменения в статью 75 Устава (Основного Закона) Алтайского края». Данный закон принимался с мотивировкой, в которой указывалось, что предоставление права законодательной инициативы Общественной палате Алтайского края обеспечит наиболее последовательное взаимодействие граждан и некоммерческих организаций, осуществляю-

щих деятельность на территории Алтайского края с органами государственной власти Алтайского края. Решение предоставить право законодательной инициативы Общественной палате Алтайского края было принято единогласно [17]. Наш взгляд данное обоснование лаконично и исчерпывающе дает положительный ответ на вопрос о необходимости предоставления общественной палате права вносить проекты законов вместе с сопроводительными документами на рассмотрение органа законодательной власти субъекта Российской Федерации.

Участие общественной палаты субъекта Российской Федерации в законодательном процессе, формирует правовую платформу для реализации богатого потенциала гражданского общества, который может

быть реализован в формате законодательной политики государства, выстраиваемой с учетом конструктивных предложений общественных объединений и граждан с активной гражданской позицией. Общественная палата призвана обеспечить такое взаимодействие общества и органов публичной власти, при котором будут приниматься проработанные, исполнимые, справедливые и актуальные законы, положения которых будут гарантировать соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также служить нормативной основой для социального развития. Такая система способна эффективно функционировать при активизации общественной палаты в качестве полноправного субъекта законодательного процесса в субъекте Российской Федерации.

Литература

1. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. - М. ЮНИТИ-ДАНА. 2002. С.232-233.
2. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: федеральный закон от 14 марта 2002 г. №30-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 марта 2002 г., № 11, Ст. 1022.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2019 г. №212-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 2014 г., № 30 (Часть I), Ст. 4213.
4. Нудненко Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004 - С. 29.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрании законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014г. № 31. Ст. 4398.
6. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 мая 1995 г., № 21, Ст. 1930.
7. Смирнов В.Э. Гражданственность и гражданское общество: самоорганизация и социальный порядок / В.Э.Смирнов; Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. – Минск: Беларус. наука, 2013. С. 89.
8. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12 января 1996 г. №7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 15 января 1996 г., № 3, Ст. 145.
9. Россия в цифрах. 2019: Крат.стат.сб./Росстат – М. 2019 – С.175.
10. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. №183-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 27 июня 2016 г., № 26 (Часть I), Ст. 3852.
11. Пискунова Е.А. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации: монография / Е.А. Пискунова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 113.
12. О правотворческой деятельности: закон Алтайского края от 9 ноября 2006 г. № 122-ЗС //Сборник законодательства Алтайского края, № 127, Ч. 2, 2006 г., С. 157.
13. Юридическая техника. 2015 № 9. С.А. Абраминов, Э.Ф. Мамедов. С.83.
14. Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / Под общей редакцией Доктора юридических наук, проф., председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М.А. Федотова. – М.: Статут, 2017. С.185.
15. Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 14 января 2002, № 2, Ст. 133.
16. Ульяновская область к сотрудничеству готова // URL:// https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2445/newsitem/425/ (дата обращения: 23.09.2019).
17. Тридцать шестая сессия Алтайского краевого Законодательного Собрания // URL:// <http://www.akzs.ru/sessions/135/2862/> (дата обращения: 01.11.2019).

References

1. Luchin V.O. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii. - M. YUNITI-DANA. 2002. S.232-233.
2. Ob organakh sudeyskogo soobshchestva v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 14 marta 2002 g. №30-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 18 marta 2002 g., № 11, St. 1022.
3. Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2019 g. №212-FZ //Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyulya 2014 g., № 30 (Chast' I), St. 4213.
4. Nudnenko L.A. Konstitutsionno-pravovoy status deputata zakonodatel'nogo organa gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii. – SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskiy tsentr Press». 2004 - S.29.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 g. // Sobranii zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 4 avgusta 2014g. № 31. St. 4398.
6. Ob obshchestvennykh ob'yedineniyakh: federal'nyy zakon ot 19 maya 1995 g. № 82-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 22 maya 1995 g., № 21, St. 1930.
7. Smirnov V.E. Grazhdanstvennost' i grazhdanskoye obshchestvo: samoorganizatsiya i sotsial'nyy poryadok / V.E.Smirnov; In-t sotsiologii Nats. akad. nauk Belarusi. – Minsk :Belarus. navuka, 2013. S. 89.
8. O nekommercheskikh organizatsiyakh: federal'nyy zakon ot 12 yanvarya 1996 g. №7-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii, 15 yanvarya 1996 g., № 3, St. 145.
9. Rossiya v tsifrakh. 2019: Krat.stat.sb./Rosstat – M. 2019 – S.175.
10. Ob obshchikh printsipakh organizatsii i deyatel'nosti obshchestvennykh palat sub'yektov Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 23 iyunya 2016 g. №183-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii, 27 iyunya 2016 g., № 26 (Chast' I), St. 3852.
11. Piskunova Ye.A. Zakonodatel'nyy protsess v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii: monografiya / Ye.A. Piskunova. – M.: ID «Yurisprudentsiya», 2017. S. 113.
12. O pravotvorcheskoy deyatel'nosti: zakon Altayskogo kraya ot 9 noyabrya 2006 g. № 122-ZS //Sbornik zakonodatel'stva Altayskogo kraya, № 127, CH. 2, 2006 g., S. 157.
13. Yuridicheskaya tekhnika. 2015 № 9. S.A. Abramov, E.F. Mamedov. S.83.
14. Pravovyye osnovy obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: Postateynnyy nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii» / Pod obshch.red. dokt. yurid. nauk, prof., predsedatelya Soveta pri Prezidente RF po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka M.A. Fedotova. – M.: Statut, 2017. S.185.
15. Ob okhrane okruzhayushchey sredy: federal'nyy zakon ot 10 yanvarya 2002 № 7-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii, 14 yanvarya 2002, № 2, St. 133.
16. Ul'yanovskaya oblast' k sotrudnichestvu gotova // URL:// https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2445/newsitem/425/ (data obrashcheniya: 23.09.2019).
17. Tridtsat' shestaya sessiya Altayskogo krayevogo Zakonodatel'nogo Sobraniya // URL:// <http://www.akzs.ru/sessions/135/2862/> (data obrashcheniya: 01.11.2019).

КОРШУНОВ Лев Александрович, доктор экономических наук, председатель Общественной палаты Алтайского края. 656043 г. Барнаул, улица Никитина, дом 78. E-mail: apparatorpak@mail.ru

ДЕМАКОВ Руслан Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 656008, г. Барнаул, улица Партизанская, дом 187. E-mail: info@alt.ranepa.ru

KORSHUNOV Lev, Doctor of Economics, Chairman of the Public Chamber of Altai Krai. 656043 Barnaul, Nikitin street, 78. E-mail: apparatorpak@mail.ru

DEMAKOV Ruslan, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Department of Labor and Entrepreneurial Law, Altai Branch of FSBEI HE "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation". Partizanskaya Street 187, Barnaul, 656008, Russia. E-mail:info@alt.ranepa.ru

Кудинов В. В., Хлюстова О. Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Kudinov V. V., Khlyustova O. N.

INTERACTION OF STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF ENSURING BORDER SECURITY: FEATURES OF LEGAL REGULATION IN STATES - MEMBERS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

В статье рассмотрено правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере обеспечения пограничной безопасности в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС). Проанализированы общие основы и отличительные особенности правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в указанной сфере, содержащиеся в конституциях, законах и правовых актах государств-членов ЕАЭС. Выделены основные формы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере обеспечения пограничной безопасности, сформулировано определение понятия взаимодействия органов государственной власти и муниципального самоуправления с учетом обеспечения пограничной безопасности государств-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: государство, Евразийский экономический союз, органы государственной власти, органы местного самоуправления, защита государственной границы, охрана государственной границы, безопасность, национальные интересы, пограничная безопасность, правовое регулирование.

The article deals with the legal regulation of interaction between state authorities and local authorities in the field of border security in the member States of the Eurasian economic Union (hereinafter the EAEU). The General bases and distinctive features of legal regulation of interaction of public authorities and local governments in the specified sphere contained in the constitutions, laws and legal acts of the EAEU member States are analyzed. The main forms of interaction between state authorities and local self-government bodies in the field of border security are identified, the definition of the concept of interaction between state authorities and municipal self-government is formulated, taking into account the provision of border security of the EAEU member States.

Keywords: state, Eurasian Economic Union, government bodies, local government bodies, protection of the state border, state border protection, Security, national interests, border security, legal regulation.

Противодействие угрозам (внешним и внутренним) интересам и безопасности является задачей любого государства. Поэтому целью формирования системы защиты интересов России в пограничной сфере является создание благоприятных условий для эффективной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти приграничных субъектов и органов местного самоуправления в интересах обеспечения пограничной безопасности [1-4].

Особое значение приобретает совершенствование правового регулирования в указанной сфере в системе обеспечения безопасности нашего государства, как участника ЕАЭС, поскольку оно имеет свои особенности и закреплено в конституциях и законах государств-членов ЕАЭС по-разному.

В соответствии с Конституцией России, Президент России, Федеральное Собрание Российской Федерации (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации осуществляют государственную власть на всей территории [7, 10].

Как самостоятельная ветвь государственной власти, исполнительная власть, состоит из «элементов», составляющим элементом которой являются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации реализуют свои полномочия через образуемые ими органы государственной власти [6, 12]. При этом, несмотря на единство исполнительной власти, в Конституции России закреплено самостоятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Таким образом, являясь элементами одной системы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Федерации образуют собственную систему, но уровнем ниже.

Российское законодательство определяет меры по обеспечению пограничной безопасности, наиболее важными из которых являются правовые гарантии, суть которых заключается в совокупности правовых норм, регулирующих деятельность на государственной границе и устанавливающих механизм их реализации. Поэтому эффективность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению пограничной безопасности во многом зависит от качества и полноты его правового урегулирования.

Одной из наиболее важных составля-

ющих в сфере обеспечения пограничной безопасности нашей страны является защита Государственной границы Российской Федерации, в которой непосредственное участие принимают как федеральные органы государственной власти, так и органы государственной власти субъектов Российской Федерации (особенно приграничные), а непосредственно на государственной границе и органы местного самоуправления [9].

Вместе с тем, на наш взгляд, несмотря на важность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, их взаимоотношения, возникающие в этой сфере, в настоящее время урегулированы недостаточно четко и полно. Например, из анализа статьи 15 Федерального закона от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», следует, что органы безопасности осуществляют свою деятельность (в том числе и пограничную) во взаимодействии с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности. Но органы местного самоуправления не включены в положение указанной статьи как субъекты взаимодействия, вопреки конституционным положениям о местном самоуправлении. Таким образом, законодательство Российской Федерации не регламентирует взаимоотношения ФСБ России с органами местного самоуправления в интересах обеспечения пограничной безопасности.

В 2014 году Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация образовали Евразийский экономический союз. С 2015 года состав ЕАЭС вошли Республика Армения и Кыргызская Республика. Одной из наиболее важных задач в образованном межгосударственном союзе является защита общих экономических интересов (особенно на государственной границе, как на внешних ее участках, так и внутренних) путем совершенствования национального законодательства, а также его унификации и гармонизации, с учетом ЕАЭС, в сфере обеспечения пограничной безопасности [10].

Анализ полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, закрепленных в национальном законодательстве государств-членов ЕАЭС, позволяю сделать вывод, что порядок их формирования, компетенция и полномочия на государственной границе имеют свои особенности и различны.

Например, в Конституции Республики Армения, закреплено, что местное самоуправление это, прежде всего, право и способность муниципалитета решать под собственную ответственность все вопросы местного значения в соответствии законами Армении в интересах благополучия жителей. Предоставленное право муниципалитет осуществляет посредством органов местного самоуправления (муниципального совета и руководителя муниципалитета), которые избираются сроком на четыре года. Они в соответствии с предоставленными полномочиями вправе распоряжаться собственностью, утверждать и контролировать муниципальный бюджет, устанавливать местные налоги, пошлины и платежи, а также принимать правовые акты, подлежащие обязательному исполнению на муниципальной территории [4-6]. Охрана государственной границы является неотъемлемой частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Армения, полномочия органов государственного управления в данной сфере устанавливаются законами и иными правовыми актами Республики Армения. Пограничные войска согласуют действия других государственных органов, осуществляющих различные виды контроля за соблюдением режима государственной границы, не вмешиваясь в эти действия. Таким образом, национальное законодательство Армении определяет формы участия государственных органов, должностных лиц, граждан и организаций в охране государственной границе, но во-первых, органы местного самоуправления не включены как субъекты взаимодействия в данной сфере и во-вторых, не регламентировано их взаимоотношения с пограничными войсками, что несомненно снижает эффективность их взаимодействия, особенно в приграничных субъектах [10].

В Республике Беларусь, глава государства, обеспечивает преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти. Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах.

Пограничная безопасность является составной частью национальной безопасности республики и представляет собой

состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз в пограничном пространстве, обеспечиваемое в соответствии законодательством Республики Беларусь, в том числе путем осуществления охраны государственной границы, ее оперативного обеспечения, пропуска через государственную границу физических лиц, транспортных средств и товаров, предупреждения и пресечения правонарушений на приграничной территории [2].

Президент Республики Беларусь, как глава государства, осуществляет общее руководство государственными органами по вопросам реализации государственной пограничной политики и обеспечивает взаимодействие между ними. Совет Министров Республики Беларусь организует работу подчиненных ему республиканских органов государственного управления по реализации государственной пограничной политики, осуществлению международного сотрудничества по пограничным вопросам. Государственный пограничный комитет Республики Беларусь организует взаимодействие и осуществляет координацию деятельности государственных органов и иных организаций в области обеспечения пограничной безопасности.

Местные исполнительные и распорядительные органы на подведомственной территории организуют разъяснение законодательства о государственной границе физическим и юридическим лицам; создают необходимые условия для обеспечения пограничной безопасности и принимают в этих целях правовые акты; принимают участие в проведении мероприятий, направленных на поддержание и дальнейшее развитие инфраструктуры государственной границы и приграничной территории; предоставляют в установленном порядке органам пограничной службы в постоянное безвозмездное пользование земельные участки, необходимые для охраны государственной границы, осуществляют контроль за их использованием; информируют органы пограничной службы об обстановке на приграничной территории, создают условия для участия на добровольной основе граждан в охране государственной границы [2].

Областные исполнительные комитеты принимают решения об установлении пределов пограничной полосы по предложениям уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы и об установлении пределов пограничной зоны, образуют комиссии по вопросам

проведения государственной пограничной политики, в компетенцию которых входят обеспечение на подведомственной территории согласованности действий государственных органов и иных организаций в данной сфере, разработка предложений по совершенствованию актов законодательства государственной границы, финансированию мероприятий по обеспечению пограничной безопасности.

Районные (городские) исполнительные и распорядительные органы по предложениям уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы принимают решения о местах установки предупреждающих знаков, обозначающих пределы пограничной зоны, устанавливают предупреждающие знаки и обеспечивают их содержание.

Местные исполнительные и распорядительные органы предоставляют органам пограничной службы административные и иные помещения, коммунальные, бытовые и иные услуги в соответствии с законодательством; оказывают содействие в решении вопросов, связанных с оборудованием государственной границы и объектов инфраструктуры органов пограничной службы; оказывают содействие в обеспечении военнослужащих и гражданского персонала органов пограничной службы и членов их семей жилыми помещениями; обеспечивают в пределах своей компетенции реализацию гарантий правовой и социальной защиты военнослужащих и гражданского персонала органов пограничной службы и членов их семей; осуществляют иные полномочия, предусмотренные законодательством. Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий принимают участие в обеспечении деятельности органов пограничной службы [2-4].

Таким образом в национальном законодательстве Республики Беларусь определены полномочия государственных органов и органов местного самоуправления в сфере обеспечения пограничной безопасности государства, государственные органы взаимодействуют между собой в области охраны государственной границы, оказывают содействие органам пограничной службы в охране государственной границы, информируют органы пограничной службы об обстановке на приграничной территории, а также способствуют привлечению на добровольной основе физических лиц к охране государственной границы.

Пограничная безопасность Республики Казахстан, является составной частью

национальной безопасности и представляет собой состояние защищенности политических, экономических, информационных, гуманитарных и иных интересов личности, общества и государства в пограничном пространстве [3].

Правительство Казахстана по представлению местных исполнительных органов, согласованному с Комитетом национальной безопасности Республики Казахстан (далее КНБ РК) и Министерством внутренних дел Республики Казахстан, устанавливает перечень приграничных территорий, входящих в пограничную зону, где может исключаться или приостанавливаться действие отдельных ограничений, входящих в пограничный режим.

Местные исполнительные органы в пределах своей компетенции издаются нормативные правовые акты, направленные на создание условий для защиты государственной границы; информируют пограничную службу по вопросам, касающимся обстановки в пограничном пространстве и предоставляют земельные участки для ее нужд; оказывают помощь уполномоченным органам, осуществляющим защиту государственной границы, рассматривают и исполняют их представления; для оперативного разрешения вопросов обеспечения пограничной безопасности назначают ответственных должностных лиц и организуют деятельность координационных советов по пограничным вопросам, создаваемых при акиматах приграничных районов (городов), с возложением на них функций координации (на своих территориях) за выполнением органами, организациями, общественными объединениями и гражданами требований законодательства в области защиты государственной границы [3].

Таким образом, особенностью правового регулирования в сфере обеспечения пограничной безопасности является определение компетенции Правительства Республики Казахстан, местных исполнительных и иных уполномоченных органов, которые при выполнении возложенных на них задач взаимодействуют между собой, реализуют совместные меры и информируют друг друга по вопросам, относящимся к их компетенции.

Жогорку Кенеш Кыргызской Республики в интересах обеспечения пограничной безопасности осуществляет законодательное регулирование и осуществляет контроль за исполнением законов в сфере национальной безопасности.

Систему национальной безопасности образуют органы государственной власти, государственные, общественные и

иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности в соответствии с законодательством, регламентирующим отношения в сфере безопасности [10].

На Государственную пограничную службу Кыргызской Республики (далее Пограничная служба) возлагаются задачи в сфере обеспечения пограничной безопасности по охране и защите государственной границы. Для выполнения возложенных задач Пограничная служба организует взаимодействие с государственными органами, органами местного самоуправления в интересах охраны и защиты государственной границы, предоставляет информационно-аналитические материалы по этим вопросам Президенту Кыргызской Республики, Жогорку Кенешу Кыргызской Республики, Правительству Кыргызской Республики, Генеральному штабу Вооруженных Сил Кыргызской Республики, а также иным заинтересованным государственным органам Кыргызской Республики [10].

Таким образом, особенностью правового регулирования в Кыргызской Республике является возложение на Пограничную службу организации взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере обеспечения пограничной безопасности, определение их полномочий и задач, координация совместных действий уполномоченных государственных и местных органов, оказывающих содействие в охране государственной границы.

Произведенный анализ национально-го законодательства в сфере обеспечения пограничной безопасности государств-членов ЕАЭС позволяет прийти к выводам, во-первых, способы формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления, их компетенция и полномочия на государственной границе различны; во-вторых, в правовых актах *государств-членов* ЕАЭС, в прямой постановке формы их взаимодействия не всегда определены (основными можно выделить содействие и координация); в-третьих, взаимодействие по охране государственной границе осуществляется на различных уровнях, что приводит к появлению проблем исполнения и ответственности за исполнение со стороны взаимодействующих сторон.

С учетом вышеизложенного можно сформулировать определение понятия взаимодействия органов государственной власти и муниципального самоуправления в сфере обеспечения пограничной безопасности *государств-членов* ЕАЭС. По мнению авторов, под взаимодействием следует понимать согласованную по задачам, целям, принципам, методам и средствам их достижения, совместную деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере обеспечения пограничной безопасности *государств-членов* ЕАЭС, учитывающую комплекс экономических, культурных, этнополитических, религиозных, военных и других особенностей на государственной границе, а также современные политические реальности.

Литература

1. См., например: Конституция Российской Федерации [По состоянию на 10.03.14.]; О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269 [По состоянию на 25.12.14.]; О Государственной границе Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 // Рос. газ. 1993. № 84. 04 мая. [По состоянию на 25.12.14.]; Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере: утв. решением Государственной пограничной комиссии от 28 января 2005 г. М., 2005.
2. См., например: Конституция Республик Беларусь [По состоянию на 10.03.14.]; Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 года №74-З Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь (В редакции Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 г. №83-З); Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь» (в ред. Закона Республики Беларусь от 10.01.2015 № 242-З); Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2008 г. № 454-З «Об органах Пограничной службы Республики Беларусь» (в ред. Закона Республики Беларусь от 10.01.2015 № 242-З).
3. См., например: Конституция Республики Казахстан [По состоянию на 10.03.14.]; Закон Республики Казахстан «О Государственной границе Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2015 г.) ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz>; Указ Президента Республики Казахстан от 10 декабря 1999 года № 282 «Вопросы Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.11.2014 г.)
4. См., например: Конституция Республики Армения [По состоянию на 10.03.14.]; Закон Республики Армения от 17 декабря 2001 года №ЗР-265 «О государственной границе» (с изменениями и дополнениями по состоя-

нию на 20 октября 2003 года).; Закон Республики Армения «О Пограничных войсках» от 20.11.2001 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.04.2003г.) <http://www.odkbarmenia.am/index.php/ru/document/database/22-zakon-respubliki-rmeniya-o-borbe-s-terrorizmom-ot-22-marta-2005-goda>.

5. См., например: Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.); Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств-членов Евразийского экономического сообщества от 21 февраля 2003 года.; Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 13 мая 2002 г. № 55 «Об Основах пограничной политики государств-членов Евразийского экономического сообщества»; Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 444 «О Положении об основных принципах, направлениях и формах сотрудничества государств - членов Евразийского экономического сообщества по поддержанию режима внешних границ» (г. Минск).

6. Еремина О.Ю. Система органов исполнительной власти Российской Федерации, Москва, 2004 г.

7. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации коллектива ученых-правоведов под руководством ректора МГЮА, академика РАН О.Е.Кутафина (Официальный текст на 1 августа 2003 г.). Предисловие Председателя Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессора В.Д.Зорькина. - ЗАО «Библиотека «Российской газеты», 2003 г.

8. Редкоус В.М. Пограничная деятельность: проблемы определения понятия и административно-правового регулирования (опыт России и государств-участников СНГ) // Аграрное и земельное право. 2010. № 3 (63). С. 116-126.

9. Кудинов В.В. К вопросу о формах взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в обеспечении пограничной безопасности России // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 44-51.

10. Кудинов В.В., Минаев А.В. Полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы (на примере государств-участников Содружества Независимых Государств): монография Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2016. – 188 с.

References

1. См., например: Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Po sostoyaniyu na 10.03.14.].; O federal'noy sluzhbe bezopasnosti: feder. zakon ot 3 aprelya 1995 goda № 40-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 1995. № 15. St. 1269 [Po sostoyaniyu na 25.12.14.]; O Gosudarstvennoy granitse Rossiyskoy Federatsii: zakon Ros. Federatsii ot 1 aprelya 1993 goda № 4730-I // Ros. gaz. 1993. № 84. 04 maya. [Po sostoyaniyu na 25.12.14.]; Kontseptsiya formirovaniya sistemy obespecheniya interesov Rossiyskoy Federatsii v pogranichnoy sfere: utv. resheniyem Gosudarstvennoy pogranichnoy komissii ot 28 yanvarya 2005 g. M., 2005.

2. См., например: Konstitutsiya Respublik Belarus' [Po sostoyaniyu na 10.03.14.].; Zakon Respubliki Belarus' ot 3 yanvarya 2002 goda №74-Z Ob utverzhdenii Voyennoy doktriny Respubliki Belarus' (V redaksii Zakona Respubliki Belarus' ot 12.12.2013 g. №83-Z).; Zakon Respubliki Belarus' ot 21 iyulya 2008 g. № 419-Z «O Gosudarstvennoy granitse Respubliki Belarus'» (v red. Zakona Respubliki Belarus' ot 10.01.2015 № 242-Z); Zakon Respubliki Belarus' ot 11 noyabrya 2008 g. № 454-Z «Ob organakh Pogranichnoy sluzhby Respubliki Belarus'» (v red. Zakona Respubliki Belarus' ot 10.01.2015 № 242-Z).

3. См., например: Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Po sostoyaniyu na 10.03.14.].; Zakon Respubliki Kazakhstan «O Gosudarstvennoy granitse Respubliki Kazakhstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 10.01.2015 g.) IS Paragraf WWW <http://online.zakon.kz>.; Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 10 dekabrya 1999 goda № 282 «Voprosy Pogranichnoy sluzhby Komiteta natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 14.11.2014 g.)

4. См., например: Konstitutsiya Respubliki Armeniya [Po sostoyaniyu na 10.03.14.].; Zakon Respubliki Armeniya ot 17 dekabrya 2001 goda №ZR-265 «O gosudarstvennoy granitse» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 20 oktyabrya 2003 goda).; Zakon Respubliki Armeniya «O Pogranichnykh voyskakh» ot 20.11.2001 g. (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 10.04.2003g.) <http://www.odkbarmenia.am/index.php/ru/document/database/22-zakon-respubliki-rmeniya-o-borbe-s-terrorizmom-ot-22-marta-2005-goda>.

5. См., например: Dogovor o Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze (Astana, 29 maya 2014 g.); Dogovor o sotrudnichestve v ohrane vneshnikh granits gosudarstv-chlenov Yevraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva ot 21 fevralya 2003 goda.; Resheniye Mezhgosudarstvennogo Soveta Yevraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva ot 13 maya 2002 g. № 55 «Ob Osnovakh pogranichnoy politiki gosudarstv-chlenov Yevraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva»; Resheniye Mezhgosudarstvennogo Soveta YevrAzES ot 27 noyabrya 2009 g. № 444 «O Polozhenii ob osnovnykh printsipakh, napravleniyakh i formakh sotrudnichestva gosudarstv - chlenov Yevraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva po podderzhaniyu rezhima vneshnikh granits» (g. Minsk).

6. Yemina O.YU. Sistema organov ispolnitel'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii, Moskva, 2004 g.
7. Postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii kolektiva uchenykh-pravovedov pod rukovodstvom rektora MGYUA, akademika RAN O.Ye.Kutafina (Ofitsial'nyy tekst na 1 avgusta 2003 g.). Predisloviye Predsedatelya Konstitutsionnogo Suda RF, d.yu.n., professora V.D.Zor'kina. - ZAO "Bibliotekha "Rossiyskoy gazety", 2003 g.
8. Redkous V.M. Pogranichnaya deyatel'nost': problemy opredeleniya ponyatiya i administrativno-pravovogo regulirovaniya (opyt Rossii i gosudarstv-uchastnikov SNG) // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2010. № 3 (63). S. 116-126.
9. Kudinov V.V. K voprosu o formakh vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya v obespechenii pogranichnoy bezopasnosti Rossii // Problemy prava. 2015.№ 2 (50). S. 44-51.
10. Kudinov V.V., Minayev A.V. Polnomochiya organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya v sfere zashchity i okhrany gosudarstvennoy granitsy (na primere gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv): monografiya Kyzyl: Izd-vo TuvGU, 2016. – 188 s.

КУДИНОВ Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности экономического факультета, Курганская государственная сельскохозяйственная академия им Т.С. Мальцева. 641300, Россия, Курганская область, Кетовский район, с. Лесниково, ФГБОУ ВО Курганская ГСХА. E-mail: kudinov45@mail.ru

ХЛЮСТОВА Ольга Николаевна, эксперт Фонда национальной и международной безопасности. 117342, Россия, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 ком. 607. E-mail: dkflbvhbdfyd45@mail.ru

KUDINOV Vladimir, Doctor of Law, Associate Professor, Kurgan state agricultural Academy named after T. S. Maltsev. 641300, Russia, Kurgan region, Ketovsky district, s. Lesnikovo, FSBEI HE Kurgan State Agricultural Academy. E-mail: kudinov45@mail.ru

KHLYUSTOVA Olga, expert of the National and International Security Fund. 117342, Russia, Moscow, Sevastopol Avenue, 56/40 room. 607. E-mail: dkflbvhbdfyd45@mail.ru

УДК 342.5

Конева Н. С.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Koneva N.S.

TRANSFORMATION OF THE MODEL OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND GOVERNMENT IN THE DIGITAL STATE

Рассматриваются вопросы трансформации традиционных форм общественного участия в осуществлении публичной власти и общественного контроля над публичной властью. Общественное участие рассматривается как участие лиц, не наделенных властными полномочиями, в подготовке, принятии решений органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы этих лиц. Обозначены изменения в концепции взаимодействия личности и государства. Сделаны предположения о причинах таких изменений. В качестве одной причины назван поиск оптимальной модели демократической государственности. В качестве второй – изменение концепции взаимодействия публичной власти и гражданского общества в условиях цифровизации государства. Раскрыто значение общественного участия в процессе формирования и отражения общественного запроса к органам публичной власти. Обозначен потенциал конституционного права как метатеоретической отрасли в обосновании новой модели взаимодействия гражданского общества и публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, гражданское общество, общественное участие, общественный контроль, цифровое государство.

The issues of transformation of traditional forms of public participation in the exercise of public power and public control over public power are considered. Public participation is considered as the participation of persons not vested with authority in the preparation, decision-making by public authorities and local authorities on issues directly affecting the interests of these persons. changes in the concept of interaction between the individual and the state are indicated. Assumptions about the reasons of such changes are made. The search for the optimal model of democratic statehood is cited as one reason. As the second – change of the concept of interaction of the public power and civil society in the conditions of digitalization of the state. The importance of public participation in the process of formation and reflection of public inquiry to public authorities is revealed. The potential of constitutional law as a meta-theoretical branch in substantiating a new model of interaction between civil society and public authorities is indicated.

Keywords: public power, civil society, public participation, public control, digital state.

Признание за обществом права на высказывание мнения, протеста, предложения к власти – важная сторона жизни демократического государства. Формы такого диалога личности и общества с властью различны и меняются, равно как меняется и сама демократия – и тогда речь

может идти об управляемой, суверенной, общественной, электронной, делиберативной демократии.

Поскольку демократия предполагает не только способность народа передавать осуществление своей власти представительным органам, но и возможность

36

Конституция,
государство и общество

контролировать осуществление власти, вопросы общественного или гражданского контроля, а если более широко – то и вопросы общественного участия, составляют актуальную повестку как правовых, так и политологических исследований. И нам представляется важным обозначить такой подход к общественному участию и общественному контролю, который позволит отразить тенденции и реальности меняющегося в цифровую эпоху государства, диктующие изменение форм взаимодействия государственной власти и человека, а также предположить роль и возможности конституционного права и конституционной доктрины в этих процессах.

Конституция закладывает основы общественного контроля, закрепляя в ст. 32 право граждан на участие в управлении делами государства. Механизм общественного контроля в качестве правовой основы включает Федеральные законы от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Принятие последнего стало важным ожидаемым шагом в развитии механизма общественного контроля, попыткой обобщить уже закрепленные в законодательстве отдельные элементы общественного контроля и отразить сложившиеся на практике формы общественного контроля. Закон предусматривает такие формы общественно-контроля как общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения общественные (публичные) слушания. Существуют также формы общественного контроля и общественного участия, осуществляемые в рамках законодательства о местном самоуправлении (местный референдум, местные выборы, инициатива по отзыву депутата или выборного лица местного самоуправления, народная правотворческая инициатива, сход граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрания граждан, опросы граждан). Кроме того, вопросы, требующие обязательного участия общественности, перечисляются также в Земельном Кодексе, в Градостроительном кодексе, Лесном кодексе, федеральных законах «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе».

При этом конституционный принцип народовластия со всей очевидностью предполагает невозможность ограничить граждан только теми формами общественного участия и контроля, которые государство закрепило и санкционировало. Механизм взаимодействия органов публичной власти и гражданского общества должен быть живым и способным реагировать на социально-политические тенденции. А это значит, что система общественного контроля и общественного участия должна дополняться новыми формами, в первую очередь по запросу общества. Однако, на деле, как пишет С.А. Авакьян: «история свидетельствует, что обществу за все надо бороться: за участие в формировании государственных органов; за публичное обсуждение проблем бытия граждан, в том числе и той части дел, которые непосредственно касаются граждан» [1, с. 11]. И это конечно выводит нас на вопрос о том, является ли общество субъектом, или только объектом влияния государства, может ли оно создавать свои организационные механизмы, или же должно ограничиться «соучастием» (С.А. Авакьян) во власти государства [1, с. 10-11].

Анализ российского законодательства свидетельствует о том, что именно концепция «соучастия» граждан в осуществлении государственной власти близка российскому законодателю. И в науке конституционного права также часто ведется речь о «привлечении институтов гражданского общества к участию в управлении делами государства» [2, с. 33-34]. М.А. Липчанская пишет: «доминирующей стратегией вовлечения российских граждан в публично-властные отношения становится не принятие решений самими гражданами, а выработка решений с участием представителей гражданского общества» [3, с. 4].

С одной стороны, такая модель вполне жизнеспособна и ориентирована на сотрудничество между государством и гражданским обществом, с другой – она зачастую нивелирует значимость и важность непосредственного прямого участия граждан в осуществлении власти, исключает гражданское общество из концепции народовластия и народного представительства, имеет тенденцию к огосударствлению элементов гражданского общества.

Значимость и роль общественных палат, общественных советов, других форм участия граждан в публичной власти – именно в возможности отражать общественное мнение, формируемое «снизу»,

и умения это мнение донести до власти, коммуницировать с ней. То «огосударствление», в котором нередко обвиняют эти органы, происходит в случае, когда власть встраивает (или предпринимает попытки встроить) общественные органы и общественный контроль в свою вертикаль [4, с. 39].

Но не только в этом причина своеобразного отчуждения существующих форм общественного участия и общественного контроля от гражданского общества. Представляется, что меняется и сама стратегия взаимодействия личности и государства, традиционные формы участия граждан в управлении государством (выборы и референдум) зачастую начинают носить имитационный характер, современную демократию нередко называют ритуалом, а избирательную демократию – средством узаконивания правящих режимов [5, с. 17]. И дело не в конкретном политическом режиме. Скорее, в том, что формы общественного участия и общественного контроля трансформируются и требуют иных правил взаимодействия личности и государства.

Причин такой трансформации, конечно, несколько. С одной стороны, происходит постоянный поиск демократической модели государственности. Достаточно вспомнить столь популярную когда-то идею суверенной демократии и постепенный отход от этого тренда. С другой стороны – и государство, и общество, и человек испытывают на себе влияние цифрового мира. Цифровизация проникает во все большие сферы общественной жизни и публично-властное пространство не исключение.

Проникновение цифровизации в публично-властную сферу меняет сам механизм исполнения публичных обязательств и функций государства. Возможности цифровизации используются в избирательных отношениях (Австралия, Дания, США, ЕС, Эстония). Например, электронное голосование в Эстонии (KLI-бесключевая подпись, Cybernetica), D-Demos (распределенное, e2e проверяемое интернет голосование).

Технологии блокчейна внедряются в сферах здравоохранения, социального обеспечения, в механизме проведения закупочных процедур, ряда нотариальных услуг, в процедурах регистрации права собственности на землю, проверках сделок с недвижимостью (Швеция, Грузия, Гана, Гондурас). Федеральное агентство по труду Германии анализирует массивы данных о безработных гражданах на основе сегментации клиентов [6, с. 27]. В ноя-

бре 2016 года компания HashCoins презентовала рабочий прототип сервиса учета транспортных средств на блокчейне Emer. На днях Народно-освободительная армия Китая анонсировала внедрение системы вознаграждений на блокчейне, чтобы управлять личными данными и стилизовать военнослужащих.

В свою очередь и гражданское общество ищет новые формы взаимодействия с государством. Меняется концепция взаимодействия государства и общества, и в первую очередь в вопросах общественного участия и контроля это заметно в плоскости формулирования общественного запроса к власти. Отразить общественный запрос к власти – задача сложная, поскольку необходимо, прежде всего, правильно выявить этот запрос, что в эпоху коммуникационного изобилия и постоянного изменения модели взаимодействия власти и гражданина зачастую сделать непросто. Не случаен успех таких парламентских наблюдательных инициатив как инновационные веб-платформы ParliamentWatch, Abgeordnetenwatch.de (Германия), VoteCompass (Канада). Так, Государственный совет Франции отметил, что цифровизация влияет на само государство, и функция принятия политических решений зависит от консультаций с обществом на базе цифровых платформ [6, с. 27]. В Великобритании на онлайн-платформе Predictiv проводятся поведенческие эксперименты, позволяющие в режиме реального времени проверять эффективность мер регулирования через получение обратной связи. Есть исследования, подтверждающие существование офлайн-эффекта онлайн-петиций, размещаемых на цифровой платформе Change.org (Н.К. Радина, Д.А. Крупная). При этом формы выявления такого запроса могут быть самыми разнообразными, подчас нетрадиционными. Так, по мнению А.Т. Карасева и В.А. Мещерягиной: «в известном смысле даже бюллетень может считаться особой разновидностью обращения к органам государственной власти, поскольку в этом случае гражданин требует в императивном порядке от органа власти учесть его голос» [7, с. 28].

Сегодня изменения коснулись не только каналов коммуникации общества и государства, это не только проникновение в эту сферу цифровизации, но и в целом природы таких взаимодействий, сути категории «общественное участие». Государство, сохраняя монополию на принуждение, вынуждено считаться с такими трендами как демократизация информации, новая публичность – как новое раз-

деление публичного и частного, новое макрекерство, появление неизбранных представителей (Дж. Кин).

Признавая, что такие аспекты взаимодействия общества и государства как общественный запрос, общественное участие, общественный контроль носят в том числе политологический и социологический характер, все же позволим предположить, что и потенциал конституционного права может быть задействован для создания действенной системы взаимоотношений гражданского общества и публичной власти, прежде всего, на основе принципов демократизма, народовластия, признания человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Полагаем, потенциал конституционного права как метатеоретической отрасли – в его способности сформулировать конституционно-правовые правила для публичной политики как процесса достижения общественного согласия и производства публичных решений через широкое общественное обсуждение, обозначаемое в литературе как «делиберативный процесс» – еще не использован. И ключевой категорией, позволяющей оставить эти процессы в конституционно-правовой плоскости, остается народовластие и народное представительство. Попытаемся обозначить возможности конституционно-правового законодательства и конституционно-правовой доктрины в трансформации модели взаимодействия общества и государства.

Первое. Трансформация модели взаимодействия общества и государства – процесс длительный, многоэтапный. Именно конституционное право, как отрасль, предметной областью которой, являются властеотношения задает конкретные параметры этой модели. Но свои параметры задают и неконституционные факторы (развитие гражданского общества, политическая и правовая культура, общий уровень социально-экономического развития, культурно-политические ценности и ориентиры общества).

Конституционная модель, в основании которой – принцип ценности, презумпции как метаконструкции дополняется моделями неформальной (неформализованной) коммуникации институтов власти и общества. Определенного пересмотра требуют параметры конституционно-правового законодательства в сфере обеспечения участия человека в осуществлении публичной власти и возможности защиты этих форм участия, в том числе с помощью конституционной юстиции. Иначе складывается парадоксальная си-

туация, когда на фоне развития новых форм взаимодействия гражданского общества и государства, происходит одновременное сужение, ограничение прав и свобод при реализации традиционных форм, закрепленных в конституционно-правовом законодательстве (право на митинги, право на протест).

Второе. Представляется, что не использован и потенциал таких вспомогательных инструментов для нахождения баланса интересов разных групп гражданского общества как неполитические некоммерческие организации (НКО). Такие объединения граждан вполне способны заполнить нишу «soft security» – «мягкой безопасности», снижая градус напряжения в обществе и переводя протестные настроения в продуктивное русло в таких вариантах как предварительные общественные экспертизы принимаемых государственных решений и гражданские инициативы.

Третье. В рамках концепции взаимодействия государства и гражданского общества одна из центральных мест должна занять категория общественного доверия как конституционно-правовая ценность, разработка теоретико-методологических основ которой – перспективное направление исследований.

Полагаем, взгляд на общественный (гражданский) контроль как на составляющую концепции государственной власти и концепции взаимодействия государства, общества, личности позволяет в свою очередь уйти от строгого деления форм демократии на прямые и представительные и, что более значимо, от их противопоставления. Более того, именно через такую центральную категорию конституционного права как народовластие только и можно раскрыть роль и значение общественного участия и общественного контроля как форм коммуникации общества и государства, а также создать механизм их взаимной ответственности и контроля гражданского общества над публичной властью.

Г. В. Мальцев, справедливо полагая, что только демократические механизмы способны более или менее эффективно решить эту сложнейшую проблему, пишет так: «При всех политических вариантах, которые могут возникать в ходе эволюции государственных форм и правовых режимов, демократия была, несмотря на известные свои несовершенства, возможно, невысокую степень развития, и остается своего рода цитаделью, которую следует укреплять в процессе противоборства общественных сил и бюрократии» [8, с. 78].

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения. Сборник материалов Международной научной конференции. Москва: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 21-23 апреля 2015 г. / Отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015. С. 10-17.
2. Чеботарев Г.Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 33-36.
3. Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2012. 58 с.
4. Никитина Е.Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 37-49.
5. Крауч, К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. М.: Изд. дом гос.ун-та - Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
6. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26-31.
7. Карасев А.Т., Мещерягина В.А. Соотношение конституционного права на обращение с политическими правами и свободами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 66-70.
8. Мальцев Г. В. Бюрократия как правовая и моральная проблема. М., 2009. 100 с.

References

1. Avak'yan S.A. Konstitucionnaya teoriya i praktika publichnoj vlasti: zakonovernosti i otkloneniya // Konstitucionnaya teoriya i praktika publichnoj vlasti: zakonovernosti i otkloneniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva: Yuridicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. 21-23 aprelya 2015 g. / Otv. red. prof. S.A. Avak'yan. M.: Yusticinform, 2015. pp. 10-17.
2. Chebotarev G.N. Konstitucionalizaciya obshhestvennogo uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2018. № 12. pp. 33-36.
3. Lipchanskaya M.A. Uchastie grazhdan Rossijskoj Federacii v upravlenii delami gosudarstva: konstitucionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ...d-ra jurid. nauk. Saratov, 2012. 58 p.
4. Nikitina E.E. Sistema institutov grazhdanskogo obshhestva v Rossii: konstitucionno-pravovoj aspekt // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 6. pp. 37-49.
5. Krauch, K. Postdemokratiya / per. s angl. N. V. E'del'mana; Gos. un-t - Vy'sshaya shkola e'konomiki. M.: lzd. dom gos.un-ta - Vy'sshej shkoly e'konomiki, 2010. 192 p.
6. Saurin A.A. Cifrovizaciya kak faktor transformacii prava // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 8. pp. 26-31.
7. Karasev A.T., Meshcheryagina V.A. Sootnoshenie konstitucionnogo prava na obrashhenie s politicheskimi pravami i svobodami // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2017. № 3 (76). pp. 66-70.
8. Mal'cev G. V. Byurokratiya kak pravovaya i moral'naya problema. M., 2009. 100 p.

КОНЕВА Наталья Сергеевна, доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76. E-mail: konevans@susu.ru

KONEVA Natalia, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University. natalykoneva@yandex.ru Office. 204, bld. 149, Kommuny St., Chelyabinsk, 454080 E-mail: konevans@susu.ru

УДК 342.56

Лаврентьева И. М.

СУДЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Lavrentieva I. M.

COURTS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE JUDICIAL SYSTEM OF RUSSIA: CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESEARCH

Суды субъектов РФ являются составной частью судебной системы России. К ним относятся конституционные (уставные) суды и мировые судьи. Конституционно-правовые основы их функционирования закреплены как федеральным, так и региональным законодательством. Указанные суды интегрированы в региональную систему государственной власти, но, в то же время, осуществляют свои полномочия самостоятельно, независимо и организационно обособленно от других органов государственной власти субъекта РФ. На сегодняшний день все еще повсеместно в регионах, где функционируют конституционные (уставные) суды, наблюдается недостаточная активность и низкая эффективность их работы. В статье также рассматриваются актуальные вопросы организации деятельности мировых судей.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система РФ, федеральные суды, субъект РФ, конституционные (уставные) суды, мировые судьи.

Courts of subjects of the Russian Federation are an integral part of the judicial system of Russia. These include constitutional (statutory) courts and justices of the peace. The constitutional and legal bases of their functioning are fixed by both Federal and regional legislation. These courts are integrated into the regional system of state power, but, at the same time, exercise their powers independently, independently and organizationally apart from other public authorities of the subject of the Russian Federation. To date, there is still a lack of activity and low efficiency of their work in the regions where constitutional (statutory) courts operate. The article also deals with topical issues of the organization of magistrates.

Keywords: judicial power, judicial system of the Russian Federation, Federal courts, subject of the Russian Federation, constitutional (statutory) courts, justices of the peace.

Восновепостроениясудебнойсистемы Российской Федерации лежит принципеединства. Он закреплен в Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» (статья 3) [1] и выражается в том, что:

- она установлена Конституцией России и указанным федеральным конституционным законом;
- судопроизводство всеми федеральными судами и мировыми судьями осуществляется на основе соблюдения единых правил, установленных федеральными законами;

- все суды в процессе своей деятельности применяют в равной степени конституционные нормы, нормы действующего федерального и регионального законодательства;

- судебные решения, вступившие в законную силу, обязательны к исполнению во всех субъектах РФ;

- все судьи обладают единым статусом;

- финансовое обеспечение функционирования всех федеральных судов и деятельности мировых судей осуществляется за счет средств федерального бюджета.

41

Конституция,
государство и общество

Одной из важных особенностей судебной системы России является тот факт, что ее единство обеспечивается учетом федеративного устройства Российского государства. Реализация суверенной государственной власти, в условиях необходимости поддержания сбалансированности отношений между федеральным центром и регионами, основывается на учете интересов всех территорий Российской Федерации во всех сферах государственного управления, в том числе и в области осуществления правосудия.

Сущность принципа федерализма, который присутствует в деятельности всех ветвей единой государственной власти, заключается в том, чтобы обеспечить единство и территориальную целостность государства, устойчивое и действенное функционирование всех органов государственной власти, в том числе и судебной. Поэтому судебная система России построена с учетом такого важного в федеративном государстве принципа в сфере судостроения, как судебного федерализма. Он представляет собой «принцип устройства судебной власти в федеративном государстве, связанный с приспособлением институтов судебной власти к федеративному характеру отношений между федеральным центром и составными частями федерации» [2, с. 354].

Судебная система, под которой принято понимать совокупность судебных органов, предназначенных для осуществления судебной власти, на территории субъектов Российской Федерации в настоящее время представлена в двух организационных формах. Она включает в себя как федеральные суды (верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды), так и суды субъектов (конституционные (уставные) суды, мировые судьи). Однако не следует последних рассматривать как какую-то самостоятельную систему, поскольку функционирующая на территории субъекта судебная система есть составная часть единой судебной системы Российской Федерации.

Конституции республик и уставы других субъектов РФ содержат положения, касающиеся организации судебной власти. Наиболее полно они отражаются в конституциях республик. Так, в республиках: Адыгея, Алтай, Башкортостан, Дагестан, Карелия, Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Тыва в их конституциях предусмотрена специальная глава «Судебная

власть». В них содержатся основные положения, касающиеся осуществления правосудия в республиках. К примеру, Конституция Республики Башкортостан устанавливает, что судебную власть в республике осуществляют такие суды, как: Конституционный Суд, федеральные суды и мировые судьи. При этом она определяет, что к судам республики относятся Конституционный Суд Республики Башкортостан и мировые судьи [3].

Она не определяет конкретный порядок образования и деятельности судов общей юрисдикции, поскольку эти вопросы регламентируются федеральными законами. Зато в ней достаточно подробно изложены нормы, устанавливающие компетенцию Конституционного Суда, которая направлена на обеспечение защиты конституционного строя республики.

В конституциях Бурятии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Коми, Крыма, Татарстана, Хакасии, Чувашии судебная система отражена в главе «Судебная власть и прокуратура» [4]. Большинство статей в этих главах посвящены организации деятельности судебных органов, прежде всего являющихся судами субъектов (конституционных судов и мировых судей). Одной или двумя статьями в этих конституциях характеризуется положение прокуратуры на территории этих регионов.

Некоторые республики пошли по пути закрепления статуса и функционирования системы судебных и других правоохранительных органов в одной главе под общим названием. Так, в конституциях Республики Саха (Якутия) предусмотрена глава «Судебная власть, охрана законности и правопорядка», Удмуртской и Чеченской республик - «Судебная власть, прокуратура, адвокатура и нотариат».

Несколько отличается по своей структуре от основных законов других субъектов Российской Федерации Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия. Оно не предусматривает группировки статей по отдельным главам. Тем не менее, в Конституции закреплены 8 статей, определяющие систему осуществления правосудия на территории республики [5].

В Конституции Республики Мордовия, по сравнению с аналогичными актами других республик, функционирование судебной системы определено достаточно лаконично. Основным законом республики ограничился установлением конституционных норм, касающихся только определения статуса мировых судей на территории региона, не упомянув каким-либо об-

разом о наличии и функционировании федеральных судов.

Как правило, в основных законах регионов закрепляется статус, полномочия судебных органов конституционного (уставного) контроля, гарантируются их самостоятельность и независимость при осуществлении конституционного судопроизводства. Конкретные нормы, определяющие порядок образования и организации деятельности судов, устанавливаются специальными законами о них. На данный момент они образованы и функционируют в 15 субъектах РФ.

В целом исследование отдельных конституционных положений, касающихся функционирования судебной системы на территории субъектов РФ, позволяет нам сделать вывод о том, что все суды интегрированы в региональную систему государственной власти, но, в то же время, осуществляют свои полномочия самостоятельно, независимо и организационно обособленно от других органов государственной власти субъекта РФ.

В вопросе об учреждении своего конституционного (уставного) суда субъекты РФ самостоятельны. Это исходит из конституционного принципа о том, что вне пределов ведения РФ и ее полномочий по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов регионы обладают всей полнотой власти, в том числе и в сфере судебной власти, исходя из положений, установленных ФКЗ от 31.12.1996 г. Поэтому их учреждение в регионах отнесено к сфере возможного, а не должного, т. е. это означает, что они создаются по усмотрению самих субъектов. Основанием для этого являются их конституции и уставы.

На сегодняшний день конституционные суды функционируют в 12 республиках - Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карелия, Республика Коми, Марий Эл, Республика Саха, Республика Северная Осетия - Алания, Татарстан, Чеченская Республика. В г. Санкт-Петербурге, Калининградской и Свердловской областях действуют уставные суды. Тот факт, что больше всего конституционное судопроизводство нашло свою поддержку именно в республиках, на наш взгляд, объясняется тем, что наличие у них данного института рассматривается, прежде всего, как один из элементов их государственности.

В 4 республиках (Республика Алтай, Карачаево-Черкесия, Удмуртия и Хакасия) и в уставах еще 22 регионов заложены правовые основы возможности учреждения института конституционного (уставного) контроля. В них устанавлива-

ется, что для рассмотрения вопросов ответственности нормативных правовых актов органов государственной и муниципальной власти региона Конституции РФ, федеральным законам и конституции (уставу) субъекта может создаваться или создается конституционный (уставной) суд.

Как правило, в основных законах регионов закрепляется статус, полномочия судебных органов конституционного (уставного) контроля, гарантируются их самостоятельность и независимость при осуществлении судопроизводства. Основные законы субъектов определяет, что нормативные правовые акты или их отдельные положения, которые признаны неконституционными, сразу же утрачивают силу. При этом следует иметь в виду, что решения конституционного (уставного) суда, которые принимаются в пределах его полномочий, не могут быть пересмотрены каким-либо другим судом. Конкретные нормы, определяющие порядок образования и организации деятельности судов, устанавливаются специальными законами о них. В них же более подробно регламентируется круг их полномочий.

Однако количество органов конституционного (уставного) контроля, сформировавшихся в конце 90-х прошлого века и в начале 2000-х годов за последние годы не увеличилось. Наоборот, наблюдается обратный процесс. Так, за последние пять лет они были упразднены в трех субъектах РФ: с марта 2014 года в Челябинской области; с мая 2018 года в Республике Бурятия и с января 2019 года в Республике Тыва. При их ликвидации в качестве основных аргументов прежде всего приводились неоправданные финансовые затраты на содержание указанных судов и утрата престижа конституционного (уставного) суда в силу их недостаточной активности. Также здесь следует учитывать и чисто политические мотивы, которые связаны с отсутствием единых подходов к пониманию необходимости института конституционного (уставного) контроля в регионах между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Следует отметить, что на сегодняшний день все еще повсеместно в регионах, где функционируют конституционные (уставные) суды, наблюдается недостаточная активность и низкая эффективность их работы. Анализ деятельности некоторых органов конституционного (уставного) контроля, на основании данных, имеющихся на их официальных сайтах, по отправлению правосудия показывает их низкую загруженность. Так, конституци-

онными судами: Республики Адыгея в 2017 году было рассмотрено в судебном заседании и приняты итоговые документы по 4 делам, а в 2018 не рассмотрено ни одного дела; Кабардино-Балкарской Республики в 2017 году было принято всего лишь одно определение, а в 2018 г. – ни одного решения; Республики Марий Эл – в 2017 году 2 постановления, в 2018 году дела не рассматривались. Уставным Судом Санкт-Петербурга в 2017 году было принято 4 определения, а в 2018 году – 2 определения и 1 постановление.

В абсолютном большинстве случаев в качестве итоговых документов рассмотрения обращений в конституционные (уставные) суды выступают определения, которые носят в основном «технический характер». Они связаны с принятием или отказом к рассмотрению жалоб граждан, запросов депутатов, с удовлетворением или отказом различных ходатайств, о назначении слушания, с прекращением производства по делу и т.д.

Мировые судьи, являясь судьями общей юрисдикции как и другие судьи, руководствуются в своей деятельности принципами судопроизводства, установленными Конституцией РФ и федеральными законами. Полномочия, порядок функционирования института мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются не только федеральным, но и региональным законодательством. Они выносят свои решения от имени Российской Федерации и осуществляют правосудие на единых правилах судопроизводства, установленных как для федеральных судов, так и для мировых судей в соответствии с федеральными законами.

Статус мировых судей имеет сложную правовую природу. С одной стороны, они определены законодателем в качестве судов субъектов РФ. Это проявляется в том, что назначение мировых судей (либо их избрание), организация их деятельности регулируются наравне с федеральным и региональным законодательством. К тому же, на субъекте Федерации лежит бремя по организационно-техническому обеспечению функционирования мировой юстиции (выплата заработной платы работникам аппарата мирового судьи, обеспечение помещениями, их ремонт и содержание, оснащение оргтехникой, канцелярскими товарами, почтово-марочной продукцией и прочим). С другой стороны, несмотря на это, они тесно встроены в федеральную систему судов общей юрисдикции.

Согласно Конституции РФ федераль-

ные суды и мировые судьи, как нами уже отмечалось, финансируются из единого источника – федерального бюджета. Данное положение является одной из существенных гарантий, призванных обеспечить осуществление эффективного и независимого правосудия в России. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время из федерального бюджета финансируются только расходы, связанные с содержанием мировых судей.

В современных условиях уделяется большое внимание деятельности мировых судей в качестве первичного звена судебной системы Российской Федерации. За достаточно непродолжительный период своей деятельности они способствовали ускорению осуществления правосудия в стране, резко снизили нагрузку в федеральных судах и, таким образом, обеспечили быстрый доступ граждан к правосудию.

В настоящее время мы наблюдаем увеличение объема рассматриваемых мировыми судьями дел. Данное обстоятельство, в свою очередь, ведет к перегруженности мировых судей. Это наглядно видно из статистических данных о деятельности мировых судей в субъектах РФ. К примеру, мировыми судьями Чувашской Республики в 2018 году было рассмотрено 4022 уголовных дела, что на 8,6 % больше чем в 2017 году и 69612 дел об административных правонарушениях, с ростом по отношению к 2017 году на 16,9 %. Также в 2018 году было принято к производству 127335 исков и заявлений по гражданским и административным делам. Увеличение по сравнению с предыдущим годом составило на 16,1 % [6]. При этом в течение 2018 года средняя нагрузка рассмотрения судебных дел на одного мирового судью составила 3143 дела, в то время как в 2017 году этот показатель был равен 2747.

Такое увеличение объема рассматриваемых мировыми судьями дел характерно практически для всех субъектов Российской Федерации. Так, мировыми судьями Пензенской области за 2018 год всего гражданских и административных дел и материалов было рассмотрено с вынесением решения всего 140190. В то же время аналогичный показатель за 2017 год составил в количестве 133114. Объем рассмотренных дел мировой юстицией области вырос на 5,3 % [7].

Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» (ст. 10) устанавливает, что организационное обеспечение функционирования мировых судей осуществляется органами исполни-

тельной власти соответствующего субъекта РФ в порядке, который определяется региональным законодательством [8]. Оно подразумевает проведение мероприятий, связанных с кадровым, финансовым, материально-техническим, информационным и иными действиями, направленными на то, чтобы создавать условия для полного и независимого осуществления правосудия. По нашему мнению, региональные органы исполнительной власти пока еще недостаточно эффективно реализуют нормы федерального законодательства по созданию должных условий организации мировой юстиции на местах. В ряде регионов до настоящего времени не решена проблема достаточного и полноценного выделения финансовых и материально-технических ресурсов обеспечения деятельности мировых судей из регионального бюджета.

На уровне субъектов на сегодняшний день отсутствует законодательно закрепленный порядок финансирования функционирования мировых судей, то есть отсутствуют установленные нормативы (для федеральных судов они определены). Финансирование ежегодно меняется в зависимости от возможностей бюджетных ассигнований субъектов на конкретный финансовый год. Следствием недостаточного финансирования зачастую являются длительное отсутствие ремонта в судебных участках, слабое оснащение архивных помещений, несвоевременная замена вышедшей из строя оргтехники и прочее.

В целях сокращения расходов до настоящего времени во многих субъектах Российской Федерации активно практикуется расположение нескольких судебных участков в одном здании. При этом не учитывается положение о том, что осуществление мировым судьей правосудия вне пределов своего судебного участка влечет нарушение прав граждан на доступ к правосудию.

Региональное законодательство устанавливает порядок определения структуры и утверждения штатного расписания аппарата мирового судьи. Таким образом, каждый регион самостоятельно определяет численность работников аппарата, а также устанавливает их должностные обязанности. К примеру, в судебных участках Нижегородской области аппарат мирового судьи состоит из трех работников: двоих секретарей и помощника мирового судьи. Соответственно, в перечень должностных обязанностей последнего входит оказание содействия мировому судье в отправлении правосу-

дия, как-то: оказание помощи мировому судье в подготовке дела к судебному разбирательству, подготовка проектов судебных решений по всем категориям дел, осуществление подбора нормативных правовых актов, материалов по судебной практике, готовит заключения по спорным вопросам применения законодательства и прочее [9]. По нашему мнению, такая структура аппарата более рациональна и способствует повышению качества судопроизводства мировых судей.

Вместе с тем, в большинстве субъектов РФ уполномоченными органами исполнительной власти столь необходимая для судей должность помощника мирового судьи не предусмотрена. Так, аппарат мирового судьи Чувашской Республики состоит из трех работников-специалистов разных уровней. На судебных участках Пензенской области предусмотрены должности двух секретарей (судебного участка и судебного заседания), в ряде судебных районов имеется единая для данного района канцелярия по административным делам. В связи с этим нам представляется, что на уровне всех мировых судей назрела необходимость в составе их аппарата иметь должность помощника мирового судьи.

Статья 9 Федерального закона о мировых судьях предусматривает руководство мирового судьи деятельностью своего аппарата. В то же время на сегодняшний день прием и увольнение, вопросы, связанные с поощрением и объявлением взыскания сотрудникам аппаратов мировых судей, а также проведение мероприятий, касающихся кадрового состава, находятся в ведении региональных органов исполнительной власти. Зачастую вопросы согласования с мировыми судьями при их решении носят весьма формальный характер. Такая неопределенность полномочий судей в отношении своих аппаратов не способствует повышению уровня служебной дисциплины сотрудников и, как результат, оказывает существенное влияние на качество судопроизводства мирового судьи. Все это говорит о том, что назрела реальная необходимость закрепления в региональном законе норм, которые установили бы компетенции мировых судей в отношении к своим аппаратам.

Уровень квалификации и профессиональной подготовленности работников аппарата напрямую влияет в целом на качество судопроизводства на конкретном судебном участке. На сегодняшний день работники аппаратов мировых судей несут очень большую нагрузку, связанную с

обеспечением ведения делопроизводства, осуществлением иных полномочий при недостаточном финансовом обеспечении. Прежде всего это связано с низкой оплатой их труда. Такая ситуация ведет к нестабильности кадрового состава. В результате частой смены работников, нередко они к началу работы не имеют достаточного опыта и знаний для эффективного исполнения своих обязанностей.

Загруженность мирового судьи и его аппарата также напрямую зависит и от того, что при создании судебных участков законами субъекта Российской Федерации учитывается лишь требование о численности населения на одном участке от 15 до 23 тысяч человек. При этом не берется в расчет наличие крупных торговых предприятий, организаций, транспортных узлов на судебном участке, а также уровень преступности в отдельных районах. Полагаем, что в данной части следует законодательно уменьшить разницу в градации плотности населения на судебном участке.

Также следует осуществлять контроль нагрузки мирового судьи и аппарата для мобильного изменения штатного расписания и перемещения работников аппарата на наиболее загруженные участки, либо выделения дополнительных штатных единиц. Необходимо наладить должный контроль уровня и качества осуществления должностных полномочий работниками аппаратов, внедрить действенный механизм контроля за качеством осуществления работниками аппаратов мировых судей своих полномочий.

На наш взгляд, нуждается в дальнейшем совершенствовании деятельность самих уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, призванных обеспечить деятельность мировых судей. В этих целях во всех субъектах Российской Федерации следовало бы разработать и утвердить Инструкции по судебному делопроизводству в аппаратах мировых судей.

Положительный опыт в указанном направлении имеется. Так, Управлением общественной безопасности и обеспечения деятельности мировых судей в Пензенской области утверждена специальная «Инструкция по организации судебного делопроизводства в аппаратах мировых судей Пензенской области» [10].

В современных условиях нередко высказываются мнения по поводу возможности передачи на федеральный уровень вопросов деятельности мировых судей. При этом иногда ссылаются на сложившийся значительный и небезуспешный опыт в данной области у Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Однако реализация принципа единства судебной власти связана с необходимостью обеспечения единства и целостности российского государства. Оно основывается на сбалансированности отношений между центром и регионами, которое достигается путем обеспечения в полной мере только учитываемая интересы субъектов Российской Федерации во всех областях, в том числе и в сфере реализации судебной власти на местах.

Литература

1. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
2. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: Энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. С. 354.
3. Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 г. (в ред. от 04.03.2014) // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 2003. № 1 (157). Ст.3.
4. См., например, Конституция Чувашской Республики: принята Государственным Советом Чувашской Республики 30.11.2000 г. № 11 (ред. от 30.03.2018) // Ведомости Государственного Совета ЧР. 2001. № 39.
5. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия: принята Конституционным Собранием Республики Калмыкия 05.04.1994 г. (ред. от 09.06.2018) // Сайт Конституции РФ. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/
6. Официальный сайт Управления Судебного департамента в Чувашской Республике - Чувашии. Информация о работе судов Чувашской Республики за 2018 год. <http://usd.chv.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=244>
7. Официальный сайт Управления Судебного департамента в Пензенской области. Сводные статистические отчеты о деятельности мировых судей области. URL: http://usd.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=14
8. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.
9. Должностной регламент главного специалиста – помощника мирового судьи. URL: <https://ums.government-nnov.ru/?id=84237>

10. Инструкция по организации судебного делопроизводства в аппаратах мировых судей Пензенской области: утверждена приказом Управления общественной безопасности и обеспечения деятельности мировых судей в Пензенской области от 18.07.2017 г. № 33 (ред. от 27.09.2017). URL: http://archivejudge.pnzreg.ru/sprav_inf/Instrukciya_po_sudebnomu_deloproizvodstvu_mirovogo_sudi

References

1. O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 31 dekabrya 1996 g. № 1-FKZ (red. ot 30.10.2018) // SZ RF. 1997. № 1. St. 1.
2. Ivanets G.I., Kalinskiy I.V., Chervonyuk V.I. Konstitutsionnoye pravo Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar' / Pod obshchey red. V.I. Chervonyuka. M.: Yurid. lit., 2002. S. 354.
3. Konstitutsiya Respubliki Bashkortostan ot 24.12.1993 g. (v red. ot 04.03.2014) // Vedomosti Gosudarstvennogo Sobraniya, Prezidenta i Kabineta Ministrov Respubliki Bashkortostan. 2003. № 1 (157). St.3.
4. Sm., naprimer,:Konstitutsiya Chuvashskoy Respubliki: prinyata Gosudarstvennym Sovetom Chuvashskoy Respubliki 30.11.2000 g. № 11 (red. ot 30.03.2018) // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta CHR. 2001. № 39.
5. Stepnoye Ulozheniye (Konstitutsiya) Respubliki Kalmykiya: prinyata Konstitutsionnym Sobraniyem Respubliki Kalmykiya 05.04.1994 g. (red. ot 09.06.2018) // Sayt Konstitutsii RF.URL:https://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/
6. Ofitsial'nyy sayt Upravleniya Sudebnogo departamenta v Chuvashskoy Respublike - Chuvashii. Informatsiya o rabote sudov Chuvashskoy Respubliki za 2018 god.<http://usd.chv.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=244>
7. Ofitsial'nyy sayt Upravleniya Sudebnogo departamenta v Penzenskoy oblasti. Svodnyye statisticheskiye otchety o deyatel'nosti mirovykh sudeyoblasti.URL:http://usd.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=14.
8. O mirovykh sud'yakh v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ (red. ot 18.04.2018) // SZ RF. 1998. № 51. St. 6270.
9. Dolzhnostnoy reglament glavnogo spetsialista – pomoshchnika mirovogo sud'i. URL: <https://ums.government-nnov.ru/?id=84237>
10. Instruksiya po organizatsii sudebnogo deloproizvodstva v apparatakh mirovykh sudey Penzenskoy oblasti: utverzhdena prikazom Upravleniya obshchestvennoy bezopasnosti i obespecheniya deyatel'nosti mirovykh sudey v Penzenskoy oblasti ot 18.07.2017 g. № 33 (red. ot 27.09.2017). URL: http://archivejudge.pnzreg.ru/sprav_inf/Instrukciya_po_sudebnomu_deloproizvodstvu_mirovogo_sudi

ЛАВРЕНТЬЕВА Ирина Михайловна, аспирант Пензенского государственного университета. 440026, г. Пенза, ул. Красная, дом 40. E-mail: imlavrenteva@yandex.ru

LAVRENTIEVA Irina, postgraduate student of Penza state University. 440026, Penza, Krasnayastr., house 40. E-mail: imlavrenteva@yandex.ru

УДК 340.12

Магомедова Е. А.

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Magomedova E. A.

LEGAL MONITORING AS A TOOL TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION

В статье характеризуется правовой мониторинг как средство повышения эффективности правового регулирования. Автор характеризует современный этап развития отечественной правовой системы как этап интенсивных трансформаций всех её структурных элементов. Это сопряжено с высокими темпами правотворчества, что порождает не всегда высокое качество нормативных правовых актов. В этом контексте предлагается обратить внимание на правовой мониторинг и его роль в правотворческом процессе и правоприменении. Также констатируется, что данный правовой феномен нуждается в дальнейшей теоретико-методологической разработке и правовой регламентации на законодательном уровне.

Ключевые слова: эффективность правового регулирования, правовой мониторинг, мониторинг правоприменения, правотворчество, правоприменение, законодательный процесс.

The article describes legal monitoring as a means of increasing the effectiveness of legal regulation. The author characterizes the modern stage of development of the domestic legal system as a stage of intensive transformations of all its structural elements. This is associated with high rates of lawmaking, which generates not always high quality of normative legal acts. In this context, it is proposed to pay attention to legal monitoring and its role in the law-making process and law enforcement. It is also stated that this legal phenomenon needs further theoretical and methodological development and legal regulation at the legislative level.

Keywords: efficiency of legal regulation, legal monitoring, monitoring of law enforcement, lawmaking, law enforcement, legislative process.

48

Последние два десятилетия развитие правовой системы России характеризуется интенсивными изменениями всех её составляющих. Данная ситуация, на наш взгляд, обусловлена реформированием практически всех сфер жизнедеятельности нашего общества. Именно в условиях радикальных социальных трансформаций принимаемые нормативные правовые акты призваны адекватно отражать объективные правовые потребности общества. Следует отметить, что обозначенный период отличается активной правотворче-

ской деятельностью. Вместе с тем однозначно оценивать результаты этой деятельности как положительные нельзя. Право, к сожалению, не всегда своевременно отражает стремительно развивающуюся действительность. Как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, «законодательное регулирование «не успевает» за развитием отношений, служит средством их «запоздалого регулирования» [1, с. 49]. В сфере правового регулирования по-прежнему имеются общественные отношения, которые объективно нуждаются в

качественной правовой регламентации, но по сей день не урегулированы правом. В связи с этим актуализируется вопрос об эффективности правового регулирования в целом и эффективности правотворчества в частности. В теории права правотворчество рассматривается как начальная стадия правового регулирования, поэтому от того, насколько методологически корректно выстроен правотворческий процесс, зависит эффективность правового регулирования.

В этом контексте представляет интерес позиция проф. В. М. Сырых, который констатирует, что «под эффективностью правового регулирования понимается степень практического достижения целей, которые преследовали правоустановители (законодатели, иные правотворцы), издавая, изменяя или отменяя соответствующие норма права, выражаемые в тех или иных нормативных правовых актах, при минимальных затратах на данное достижение» [2, с. 220]. Логическим продолжением правотворчества в формате правового регулирования является правореализация. В теории права выделяют три непосредственные формы реализации права – соблюдение, исполнение, использование; а также одну особую – правоприменение. Все перечисленные формы реализации права представляют собой воплощение правовых предписаний в реальное поведение субъектов права, однако лишь правоприменение характеризуется государственно властным характером, что позволяет, наряду с правотворчеством, обозначить его как разновидность юридической деятельности. Помимо этого, представляется, что при оценке эффективности действия правовых норм необходимо выявить объективные факторы, позитивно или негативно влияющие на результаты правоприменительной деятельности. Следует согласиться с Н.Н. Черногором, который определяет, что выявлять недостатки правотворческой и правоприменительной деятельности призван правовой мониторинг, рассматриваемый в качестве одного из главных инструментов повышения уровня эффективности правового регулирования [3, с. 27].

Необходимо констатировать, что современная юридическая наука уделяет большое внимание вопросам теории и практики правового мониторинга, который определяют как «методически обоснованную комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их

применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности» [3, с. 18].

Если рассуждать о «жизненном цикле» нормативного правового акта как основной формы выражения права в отечественной правовой системе, то, по нашему мнению, в целях повышения эффективности правового регулирования объектом правового мониторинга должен быть весь правотворческий и правоприменительный процесс. Так, на стадии познания правовых потребностей общества целесообразно осуществлять мониторинг правового поля с целью выявления потребностей в правовом регулировании. На наш взгляд, именно системная, адекватная оценка общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации, позволит сформировать конструктивную правовую идею, которая станет добротной основой принимаемого нормативного правового акта. Именно такой нормативный правовой акт в последующем будет органично воспринят субъектами права и предопределит позитивные тенденции общественного развития.

Кроме того, ученые-теоретики, фокус интересов которых сконцентрирован на общей теории правотворчества в целом и теории законотворчества в частности, отмечают, что в рамках осуществления законодательной деятельности необходимо проводить мониторинг законодательной инициативы, а также мониторинг прохождения законопроекта в законодательном процессе. Такой подход предполагает системное наблюдение, анализ и оценку стадийного прохождения законопроекта в законодательном органе и дает возможность своевременно оценить и при необходимости в той или иной мере скорректировать регулятивный потенциал принимаемой законодательной новеллы.

На наш взгляд, практическим примером проведения подобного мониторинга в определенной степени можно считать внедрение в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности «Законотворчество». Анализ содержательного наполнения данной системы позволяет сделать вывод о том, что в ней отражены результаты практически всех организационно-процессуальных и процедурно-процессуальных действий,

осуществляемых в формате законодательного процесса – от описания субъекта права законодательной инициативы, её содержания и даты реализации до опубликования принятого закона. С 2017 года данная система проходит апробацию в Государственной Думе. Представляется, что при условии положительной оценки деятельности данной системы её целесообразно экстраполировать на деятельность региональных парламентов.

Принимая во внимание тот факт, что эффективность правового регулирования во многом зависит от качества правоприменительной деятельности, целесообразно уточнить, что мониторинг правоприменения является разновидностью правового мониторинга. Качественная разработка теории мониторинга правоприменения в структуре теории правового мониторинга стала основой для правовой регламентации данного вида мониторинга. Однако, к сожалению, на федеральном уровне правовые основы этого важного инструмента повышения эффективности правового регулирования заложены только в Указе Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в

Российской Федерации». При этом в целом правовой мониторинг как вид юридической деятельности не имеет системной правовой основы в формате действующего законодательства. В связи с чем считаем целесообразным предложить принять федеральный закон «О правовом мониторинге в Российской Федерации» или включить его правовую регламентацию самостоятельным разделом в закон «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

Следует признать, что теория и практика правового мониторинга развиваются в единстве. Методологическая основа осуществления данного вида юридической деятельности, пройдя стадию становления, в настоящее время активно разрабатывается учеными, причем потенциал данного правового феномена, по нашему мнению, в полной мере пока не реализован на практике. Представляется, что дальнейшая разработка теории правового мониторинга и законодательное закрепление правового формата его осуществления позволит повысить эффективность правового регулирования в стране, что в свою очередь повлечет за собой укрепление режима законности в России.

Литература

1. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 46-52.
2. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. 528 с.
3. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / Д.Б. Горохов, В.И. Радченко, Н.Н. Черногор и др.; под ред. Н.Н. Черногора. М.: Изд-во Международного юридического института, 2010. 232 с.

References

1. Tikhomirov YU.A. Metodologiya analiza i otsenki riskov v zakonodatel'noy deyatel'nosti // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 46-52.
2. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik / Pod red. V.M. Syrykh. – M.: Eksmo, 2008. 528 s.
3. Pravovoy monitoring: aktual'nyye problemy teorii i praktiki: monografiya / D.B. Gorokhov, V.I. Radchenko, N.N. Chernogor i dr.; pod red. N.N. Chernogora. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta, 2010. 232 s.

МАГОМЕДОВА Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. 248023, Калужская область, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26. E-mail: Elena-magomedova@yandex.ru

MAGOMEDOVA Elena, candidate of law, associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law, Kaluga state University. K. E. Tsiolkovsky. 248023, Kaluga region, Kaluga, Stepan Razin str., 26. E-mail: Elena-magomedova@yandex.ru

УДК 347 + 347.73

Очкуренко С. В.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Ochkurenko S. V.

DELIMITATION OF CIVIL LAW AND FINANCIAL LAW

В статье излагаются некоторые результаты исследования проблемы разграничения гражданского и финансового права. Критически оцениваются попытки доказать невозможность такого разграничения вследствие разрушения границы между гражданским и финансовым правом в процессе развития общественных отношений. Такие попытки поясняются недостаточным исследованием проблемы межотраслевых связей, а также смешиванием категорий право и законодательство. Формулируется и доказывается вывод о том, что отрасль права – это не онтологическое явление, а научная абстракция, которая задумана как совокупность норм исключительно этой отрасли. Отрасль права как основной элемент деления (классификации) системы права по правилам логики не может пересекаться с другими ее элементами.

Обосновывается практическая необходимость разграничения гражданского и финансового права, норм этих отраслей права, гражданских и финансовых правоотношений для практики правоприменения и правотворчества. Отраслевая квалификация конкретной нормы права или урегулированного правом общественного отношения является основанием для применения общих правил соответствующей отрасли права, определяет содержание механизма реализации нормы права и санкции в случае ее нарушения. Без установления отраслевой принадлежности правовых норм и общественных отношений невозможно разрешение коллизий и преодоление пробелов в праве. Отраслевая квалификация общественных отношений является также неотъемлемой частью правотворческой деятельности. В статье формулируются предложения по внесению изменений в законодательство с целью совершенствования нормативных ориентиров для межотраслевого разграничения.

Вместе с тем автор обосновывает, что проблема четкого разграничения гражданского и финансового права может быть успешно решена при существующем состоянии развития общественных отношений и законодательства, регулирующего эти отношения. Нормативной опорой для такого разграничения являются общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом гражданское право не должно выходить за свои пределы, которые удовлетворительно определены законом, а финансовое право не должно осуществлять экспансию в сферу гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, финансовое право, законодательство, право, разграничение гражданского и финансового права.

The article presents some results of a study the problem of delineation between civil and financial law. Attempts to prove the impossibility of such distinction due to the destruction of the border between civil and financial law in the process of development of public relations are critically evaluated. Such attempts are explained by an insufficient study of the problem of interbranch rela-

tions, as well as a mixture of categories of law and legislation. The conclusion that the branch of law is not an ontological phenomenon, but a scientific abstraction, which is conceived as a set of norms exclusively for this branch is formulated and proved. The branch of law as the main element of the division (classification) of the law system according to the rules of logic cannot overlap with its other elements.

Practical necessity of differentiation of civil and financial law, norms of these branches of law, civil and financial legal relations for practice of application of the law and law-making is proved. The branch qualification of a specific rule of law or public relations, which is regulated by this norm, is the basis for applying the general rules of the relevant branch of law, determines the content of the mechanism for implementing the rule of law and sanctions in case of its violation. Resolution of law collisions and overcoming gaps in the law is impossible without the establishment of branch affiliation of legal norms and public relations. Branch qualifications of public relations, which are subject to legal regulation, is also an integral part of lawmaking. The article formulates proposals for legislative changes in order to improve the normative guidelines for interbranch differentiation.

However, the author substantiates that the problem of a clear distinction between civil and financial law can be successfully solved in the current state of development the public relations and the legislation governing these relations. The General provisions of the Civil code of the Russian Federation are the normative basis for this distinction. In this case, civil law should not go beyond its limits, which are satisfactorily defined by law, and financial law should not expand into the sphere of civil law.

Keywords: civil law, financial law, legislation, law, delimitation of civil and financial law.

Вопросы разграничения гражданского и финансового права, норм этих отраслей права, гражданских и финансовых правоотношений, общественных отношений, входящих в предмет регулирования названных отраслей права, приобрели значительную остроту. Однако интенсивность их исследования не отвечает потребностям развития юридической науки, задачам правотворчества, а особенно, – нуждам правоприменения, что обосновывает актуальность темы настоящей статьи.

Методологическая основа для научного решения проблемы разграничения гражданского и финансового права создана трудами ведущих теоретиков права, а также фундаментальными цивилистическими и финансово-правовыми исследованиями. В современный период на указанную проблему больше внимания обращают в науке финансового права. Отдельные аспекты этой тематики нередко затрагиваются и цивилистами. Вместе с тем, создается впечатление, что общее развитие современной научной мысли идет не в направлении решения вопросов отраслевого разграничения, а в направлении их осложнения.

Целью настоящей статьи является формулирование научных положений, которые могут внести вклад в решение проблемы разграничения гражданского и финансового права.

Связи между отношениями, которые регулируются нормами смежных отраслей права, и между нормами таких отраслей права являются весьма интенсивными. Однако научные исследования этих связей и в советское время и в постсоветский период осуществлялись лишь эпизодически и не характеризовались глубиной. Не может отрицаться то обстоятельство, что исследования С.С. Алексеевым системы [1] и структуры [2] советского права стали классикой советской теоретико-правовой мысли. Однако проблемы связей отраслей права, норм отдельных отраслей права, правоотношений разной отраслевой принадлежности, отношений, которые регулируются нормами разных отраслей права, С.С. Алексеевым не были даже в полной мере сформулированы. При этом без осознания межотраслевых связей попытки разграничить отрасли права приобретают упрощенный характер.

Недостаточное исследование стало причиной прямого или косвенного отрицания самой возможности, а также необходимости и целесообразности разграничения внутри системы права. Общее положение такого содержания сформулировал С.В. Дорохин: «... Четкой границы между публичным и частным правом нет и быть не может, они могут восприниматься лишь как два полюса, к которым в большей или меньшей мере притягивают

нормы той или иной отрасли права» [6, с. 45]. Из этого высказывания общеправового содержания Д.А. Гетманцев сделал вывод о том, что четко разграничить финансово-правовые и гражданско-правовые нормы невозможно вообще [5, с. 15]. Подобные высказывания ученых находят опору в фундаментальном теоретическом положении, которое сформулировал Ю.К. Толстой: «... Химически чистые отрасли права выделить невозможно, их просто нет» [13, с. 43].

Несмотря на то уважение, которым пользуется ученый в Российской Федерации и за ее пределами, эту позицию Ю.К. Толстого нельзя оценить иначе, как отказ от разграничения понятий законодательства и права. Если бы Ю.К. Толстой сказал, что химически чистых кодексов, то есть кодексов, которые формулируют исключительно нормы одной отрасли права, нет, его следовало бы безоговорочно поддержать. Ю.К. Толстого следует поддержать и тогда, когда он утверждает, что книга четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) является продуктом «не столько кодификации, сколько инкорпорации законодательства об интеллектуальной собственности, которое было включено в Гражданский кодекс как комплексная отрасль законодательства» [14, с. 160]. Однако же «отрасль права» является научной абстракцией, которая не может подобно материальному веществу содержать примеси других веществ. Поэтому отрасль права – это понятие, обозначающее систему норм одной, единой отраслевой принадлежности. В этом аспекте отрасли права всегда являются «абсолютно чистыми». В составе отрасли права (если это не комплексное образование, а результат первичного деления системы права на отрасли) нет и по определению не может быть даже одной нормы другой отраслевой принадлежности.

Доказывать обратное – это все равно, что на основе наличия примесей в золотых ювелирных изделиях и даже в банковских слитках обосновывать вывод о том, что золото в таблице Менделеева также является сплавом с другими элементами этой таблицы. Не нужно быть химиком для того, чтобы понять, – этот вывод отрицает как само существование золота, так и истинность таблицы Менделеева, созданной именно для систематизации и разграничения в научной абстракции химических элементов. Автор такого суждения противоречил бы собственным выводам в попытке установить свойства не существующего, по его мнению, золота на ос-

нове опровергаемой им системы Менделеева. Точное такое же противоречие содержится, например, в распространенном выводе о том, что определенная группа общественных отношений регулируется финансовым и гражданским правом, а соответствующие нормы или правоотношения ввиду их тесной взаимосвязи не подлежат теоретическому разграничению. Гражданское и финансовое право были сформулированы как элементы системы права, в частности, для того, чтобы отличаться друг от друга, и если ученый обосновывает обратное даже применительно к отдельной сфере правового регулирования, то он, по сути, отрицает существование гражданского права, финансового права и системы права в целом, а не указывает на комплексность регулирования в этой сфере. Возможно, и такая позиция имеет право на существование, но тогда следует предлагать свою альтернативную систему, а не опираться на низвергаемые постулаты.

В финансово-правовых исследованиях тенденция смешивания законодательства, права и их структурных элементов проявляется особенно ярко. Стали обычными такие высказывания как «... в рамках финансового права важное значение имеет взаимодействие частноправовой и публично-правовой регламентации» [12, с. 14]; «... функционирование гражданско-правовых средств в финансовом праве» [4, с. 12]. Взаимодействие частноправовой и публично-правовой регламентации действительно имеет место и является очень важным. Однако же это взаимодействие никак не может иметь место « в рамках финансового права», потому что финансовое право частноправовой регламентации не осуществляет и осуществлять не может. Такая регламентация осуществляется за пределами предмета регулирования финансового права даже при наличии ее тесного взаимодействия с финансовыми отношениями. Серьезные сомнения вызывает и «функционирование гражданско-правовых средств в финансовом праве», если только речь не идет о субсидиарном правоприменении или об аналогии закона.

Подобно этому Д.А. Гетманцев пишет об «обогащении налогового права инструментами налогового залога и налогового поручительства» [5, с. 15]. По нашему мнению, инструментами налогового залога и налогового поручительства обогатились налоговое законодательство и гражданское право, а не налоговое (финансовое) право.

Залог, в том числе, как способ обеспе-

чения обязанности по уплате налогов, – это сугубо гражданско-правовое явление. Правовая конструкция залога, о чем писали в свое время Ф.К. Савиньи и Р. Иеринг [9, с. 546; 11, с. 352], включает в себя вещные и обязательственные элементы. Но обязательственные элементы, как показала А.Р. Чанышева [16, с. 62], являются сугубо вспомогательными. В правовой конструкции налогового залога часть обязательственных элементов заменяются публично-правовыми. При этом сущность залога заключается в вещном (абсолютном) правоотношении. Оно состоит в праве залогодержателя удовлетворить свое требование за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодержателя. Сама суть здесь выражается в слове «преимущественно». Это – право отстранить любое лицо от претензий на вещь, а после этого – удовлетворить свое требование за счет этой вещи. Если бы в правовой конструкции залога не было преобладающего права залогодержателя, она бы потеряла вещный характер. Только тогда возникли бы основания для дискуссии о гражданско-правовом или публично-правовом характере налогового залога. Правда, и в науке гражданского права дискуссия о характере залога не закончена. К сторонникам концепции обязательственного характера залога присоединился В.В. Витрянский, который сформулировал восемь доводов в пользу этой концепции [3, с. 402-403]. Объем и тема статьи не дают возможности проанализировать и опровергнуть эти доводы. Вместе с тем, финансовые публичные правоотношения вещными (абсолютными) не могут быть по определению.

Что касается налогового поручительства, то невозможно согласиться с мнением о том, что правоотношение, возникающее на основании свободного волеизъявления поручителя и контролирующего органа, становится публичным (финансовым, налоговым) из-за того, что контролирующий орган является субъектом, наделенным публичными полномочиями, или из-за того, что налоговым поручительством обеспечивается публичная обязанность. И первый и второй из этих факторов не могут изменить гражданско-правовой характер поручительства даже при использовании его для обеспечения исполнения финансово-правовых обязанностей.

Следует также указать, что п. 7 ст. 73 и п. 6 ст. 74 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) прямо предусматривают применение гражданского

законодательства к отношениям по залого имущества и отношениям поручительства как к способам обеспечения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах. В законодательстве Украины, на основе которого проводил свои исследования Д.А. Гетманцев, подобное положение прямо не предусмотрено, но это не изменяет правовую природу рассматриваемых отношений. Дополнительные подтверждения нашей позиции можно найти и в законодательстве других государств. Например, согласно ч. 7 ст. 28 Закона Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 (в редакции по состоянию на 19.01.2017 г.) установление, изменение и прекращение залоговых прав и обязательств поручительства осуществляется в соответствии с правилами Гражданского кодекса, а споры сторон решаются в порядке, установленном Гражданским процессуальным законом.

С другой стороны, Д.А. Гетманцев прав, когда он не допускает распространения действия гражданского законодательства на отношения, которые возникают при заключении договора о рассрочке или отсрочке денежного обязательства или налогового долга и на его основании [5, с. 15]. Это утверждение имеет следующие логические обоснования: договор о рассрочке или отсрочке имеет смысл только в пределах налоговых правоотношений, за их пределами настоящий договор теряет смысл. Поэтому в Российской Федерации при предоставлении отсрочки или рассрочки по уплате налога, сбора или страховых взносов договорная форма, как правило, не применяется (ст. 64 НК РФ). Вместе с тем, даже в случаях применения такой формы, например, при инвестиционном налоговом кредите (ст.ст. 66, 67 НК РФ), она, по нашему мнению, не изменяет финансово-правовую природу этих отношений.

Приведенные выше высказывания ученых имеют характер определенных эпизодов. Есть, однако, и масштабные научные исследования, в которых граница между гражданским и финансовым правом полностью стирается. А.Т. Ковальчук в своей монографии приспособил для этих целей даже понятийный аппарат правовой науки. Предметом финансово-правового регулирования здесь определены не общественные отношения, а: «1) образование (накопление), распределение и использования финансовых ресурсов и финансового капитала; 2) финансовые ресурсы и золото-

валютные резервы Национального банка; 3) денежно-кредитные ресурсы коммерческих банков, финансы предприятий, сферы услуг; 4) игорный и лотерейный бизнес, страховые резервные фонды, разного рода децентрализованные фонды» [10, с. 28]. Кроме того, по мнению А.Т. Ковальчука, в орбиту финансового права попадают денежные ресурсы и высоколиквидные активы финансового рынка (в том числе фондового рынка) и рынков финансовых услуг (страховое дело, негосударственные пенсионные фонды, институты посреднического инвестирования, кредитные союзы, ломбарды» [10, с. 28]. А «финансово-правовая система включает в себя в качестве субъектов правоотношений ... рынки финансовых услуг» [10, с. 30].

После такой концептуально-понятийной подготовки автор признает финансовое право «комплексной отраслью юриспруденции», которой, конечно, тесно в сфере публичного права, но выйти на пространство частного права ей мешают научные ортодоксы, в руках которых теоретическое выражение реальной, но неприемлемой действительности превратилось в собрание физически и морально устаревших догм [10, с. 86]. Такая критика «научных ортодоксов», а также революционное определение предмета финансового права, по нашему мнению, лишены какой-либо позитивной основы, хотя бы уже потому, что рынки финансовых услуг – не субъекты правоотношения, а игорный бизнес – не предмет финансово-правового регулирования.

Гораздо более основательными являются позиции С.В. Запольского, который исключает возможность отграничения финансового права от гражданского права. Он выдвигает гипотезу, согласно которой осложнение и обогащение экономических и политических отношений влечет за собой появление отраслей, которые не подвергаются классификации по критерию «публичное» или «частное». Такие отрасли, по мнению С.В. Запольского, отражают особенности производственных отношений в их развитом состоянии. «Гипотетически финансовое право могло быть такой отраслью» [7, с. 15]. Фундаментальность научных поисков С.В. Запольского заключается в том, что он осуществляет их, осознавая, что место финансового права в системе права нужно искать с учетом изменений в общественных отношениях, которые выражаются в развитом состоянии производственных отношений, и в осложнении и обогащении экономических и политических отношений. Фикса-

ция этих изменений и определение социальной роли отраслей права с учетом таких изменений – это правильное и перспективное направление научных изысканий.

Далее Запольский С.В. пишет, что юридические и физические лица вступают в конкретные финансовые правоотношения с государственными органами. Оснований называть эти отношения частнопровыми мало, однако невооруженным глазом видно, что «они не являются чисто публично-правовыми» [7, с. 31]. «Несмотря на регулирование в форме договоров и соглашений ... в силу превалирования публичности целей и задач вступления в эти отношения государственный кредит и государственный долг должны быть отнесены к системе институтов финансового права. Из этих же соображений страхование, сберегательное дело, банковские расчеты, банковское кредитование, то есть институты, которые базируются на договоре ... представляют собой части единой системы финансового права» [7, с. 93]. Следует согласиться с тем, что общественные отношения в сферах государственного кредита, государственного долга, страхования, сберегательного дела, банковского кредитования и расчетов в значительной мере регулируются нормами финансового права. Сущностной причиной этого действительно является превалирование публичности целей и задач вступления в эти отношения. Однако это не исключает комплексности указанных отношений и необходимости регулирования той их части, которая осуществляется в форме договоров и соглашений, преимущественно нормами гражданского права. Это обосновывается не столько их договорной формой, а, в большей мере сутью, - юридическим равенством сторон в рамках таких договорных отношений, как правило, свободой волеизъявления относительно вступления в договорные отношения, и относительной обособленностью указанных отношений от финансово-правовой надстройки (например, от резервных требований и экономических нормативов, имеющих безусловную публично-правовую природу, непосредственно влияющих на договорные отношения в процессе осуществления банковского кредитования и расчетов, но не являющихся их составной частью). Поэтому полное включение вышеназванных отношений в систему финансового права вызывает серьезные возражения.

Изложенные рассуждения В.В. Запольского приводят к обоснованию им идеи частного финансового права [7, с. 102],

исключающей какие-либо надежды на разграничение гражданского и финансового права. В конце концов, ставится задача создать адекватный гражданскому законодательству и другим источникам гражданского права режим правового регулирования финансовых отношений» [7, с. 148], что, по сути, является концепцией решительной экспансии финансового права в сферу гражданских отношений.

Следует обратить внимание и на сугубо практический аспект проблемы. Если бы сторонники идеи абсолютной финансово-правовой природы вышеназванных отношений попробовали бы обосновать правовую позицию в суде, например, по делу о взыскании задолженности по кредиту, используя исключительно нормы финансового права, и неминуемо потерпели бы при этом фиаско, то возможно они бы отказались от такого решительного передела границ между гражданским и финансовым правом. Положения гражданского законодательства широко применяются судами также и в спорах относительно кредитных и других договоров, предусматривающих использование бюджетных средств. Причиной этого является гражданско-правовая природа большинства договорных отношений, возникающих на стадии использования бюджетов и других публичных фондов денежных средств. Сказанное не опровергает не только параллельную реализацию финансово-правовых отношений по поводу такого использования, но и ведущую (определяющую) роль финансового права в таких отношениях, поскольку при использовании бюджетных средств и других публичных денежных фондов всегда преобладают публичные цели и задачи. Однако нормы гражданского права также объективно необходимы для регулирования таких отношений, включая нормы, сформулированные в общих положениях ГК РФ. Нет никакой необходимости дублировать их, издавая специальные нормативные акты как источники так называемого «частного финансового права», поскольку это неминуемо приведет к коллизиям и другим существенным проблемам в сферах правоприменения и правотворчества. Роль финансового права также не возрастет, а напротив, вместо одной из основных отраслей отечественной системы права финансовое право станет размытым комплексным правовым образованием. С другой стороны, как практика правотворчества, так и практика правоприменения, остро нуждаются в научно обоснованных теоретических положениях, являющихся методологической осно-

вой для разграничения гражданских и финансовых отношений.

Иную позицию высказывает С.В. Запольский: «Объявляя финансы сферой властно-имущественных отношений, мы, по логике вещей, должны исключить из предмета финансового права, а следовательно, и из его системы институты, строящиеся на диспозитивной основе, такие как страхование, сберегательное дело, банковский кредит, правовой режим инвестиций, без чего финансы вообще немыслимы и бессмысленны. Нередко для преодоления этого теоретического затруднения используется прием «расщепления» того или иного экономического явления на гражданско-правовую и финансово-правовую составляющие. В этом случае, думается, страдает формальная логика, поскольку соответствующий финансовый институт возник как результат единообразного правового регулирования, но не вследствие сложения реализации норм права различной отраслевой принадлежности. Так, расщепляя страховое право на его договорную составляющую и императивное начало, мы вообще рискуем этот институт потерять, настолько взаимозависимы названные части. Кроме того, трудно говорить о единстве отрасли финансового права, составленной во многом из частей отдельных правовых институтов, входящих в другие отрасли права» [8, с. 5].

Испытывая избыток возражений по поводу цитируемого положения С. В. Запольского, обратимся к классику мировой юридической мысли Р. Иерингу: «Обстоятельство, как мало еще сама наука понимает сущность метода расщепления, обнаружилось особенно в споре о противоположности между римским и германским правом. Два современных философа права думали, что недостаток римского права состоял в том, что в нем не хватало «организмов, органических форм, положительного начала органического образования»... Но на чем основана эта мысль? Пока юридическая разлагающая сила еще не поработала над каким-нибудь правовым институтом, последний легко создает впечатление «организма»; все прекрасно в нем переплетается, правовые и этические моменты, форма и содержание, вещные и обязательственные аспекты и т.д. Но едва лишь юриспруденция завладела этим институтом и выполнила относительно него свой долг и обязанности, как, без малейшего изменения в его реальном практическом состоянии, в нем исчезают и поэтическая «срощенность», и «органическое взаимопроникновение», прекрасный цве-

ток умирает, и, вместо него, у нас остаются азот, кислород и пр... Элементы института расходятся в разные стороны, и один попадает в систему сюда, другой туда.... Но разлагающая сила римского духа разлагала не вещи, а одни понятия, и не для того разлагала их, чтобы мешать практическому существованию организмов, но для того, чтобы обеспечить это существование» [9, с. 351].

Формальная логика «не страдает от расщепления» отношений страхования, кредитных и расчетных отношений на частные и публичные отношения и от отнесения первых к предмету гражданского права, а вторых – к предмету финансового права. Напротив, она «страдает» в случае объединения названных отношений в составе предмета финансового права. А еще больше страдает от такого объединения практика правоприменения, в которой необходимо точно осуществлять квалификацию конкретных общественных отношений в качестве гражданско-правовых или финансово-правовых и в зависимости от этого применять те или иные положения законодательства, осуществлять выбор между нередко противоположными принципами, приемами и средствами, используемыми в частном и публичном праве. Без этого правильное правоприменение является невозможным. Наука же должна содействовать, а не препятствовать правильному правоприменению.

Разграничению гражданского и финансового права препятствует также господствующее в науке представление о том, что существуют специальные финансовые законы, включая Налоговый и Бюджетный кодексы, которые регулируют исключительно финансовые отношения, и законы, в которых формулируются отдельные нормы финансового права [15, с. 86]. Суть проблемы состоит в наличии в НК РФ положений, формулирующих нормы гражданского, трудового и процессуального права. Что касается Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ), то в нем количество норм гражданского и процессуального права переходит все разумные границы. Создается впечатление, что законодатель осуществил в БК РФ приспособление гражданского и процессуального права целям комфортности бюджетно-правового регулирования. Например, уже базовое понятие денежного обязательства, которое содержится в абз. 24 ст. 6 БК РФ и широко используются в бюджетном законодательстве, является преимущественно гражданско-правовым по содержанию.

Поэтому даже Налоговый и Бюджетный кодексы не могут быть признаны финансовыми законами, регулирующими исключительно финансовые отношения. Более целесообразным было бы признавать названные кодексы финансовыми законами, выделяя последние по критерию основной их направленности (основного состава отношений, которые ими регулируются).

Налоговый и Бюджетный кодексы могли бы внести более существенный вклад в отграничение финансового права от других отраслей права, если бы в них определялись не отношения, которые регулируются этими кодексами (ст. 1 НК РФ; ст. 1 БК РФ), а отношения, которые регулируются налоговым и бюджетным правом или хотя бы отношения, которые регулируются налоговым и бюджетным законодательством. Состав отношений, которые регулируются соответствующим кодексом можно определить и путем его прочтения, а поэтому такое нормативное обобщение не является существенным ориентиром для практики правоприменения. Однако сейчас сложилась традиция определять в кодексах отношения, которые регулируются ими, а в лучшем случае – соответствующим отраслевым законодательством. Учитывая отсутствие в системе российского законодательства закона, формулирующего общие положения этой отрасли права, следует вывод о том, что понятие финансового права существует, в основном, как научное понятие и термин, используемый в учебном процессе, а не как признанное и определенное законом понятие. Поэтому финансовому праву как отрасли права крайне необходима законодательная опора в виде закона о финансах или о финансово-кредитной системе.

Если сравнить вышеуказанные положения Бюджетного и Налогового кодексов РФ с положениями Гражданского кодекса РФ, то следует отметить, что в ст. 2 ГК РФ определяются отношения, регулируемые гражданским законодательством, что является гораздо более значимым ориентиром для правоприменения, нежели определение отношений, регулируемых соответствующим кодексом. При этом нормативно формулируются существенные отличительные признаки гражданских отношений и указывается, что гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуаль-

ной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Большое значение для разграничения гражданского и финансового права имеет положение о том, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

По нашему мнению, проблема четкого разграничения финансового и гражданского права успешно решается уже при существующем законодательстве и при существующем состоянии общественных отношений.

Разграничение предметов финансового и гражданского права может осуществляться с помощью последовательного использования метода правового регулирования. Финансовое право регулирует лишь властные отношения и не может регулировать отношения, которые основаны на началах юридического равенства и свободного волеизъявления сторон даже в случаях, когда финансовое право существенным образом влияет на такие отношения. Однако в последних случаях, безусловно, имеет место и финансово-правовое регулирование, но не указанных, а смежных отношений, преимущественно отличающихся и по субъектному составу. Например, обязанность получателя бюджетных средств относительно их целевого использования, безусловно, влияет на гражданские отношения этого субъекта с продавцом товара, но эта обязанность входит в состав финансового правоотношения получателя бюджетных средств с субъектом, наделенным публичными полномочиями (распорядителем, органом Федерального казначейства или с другим уполномоченным субъектом), а не в состав обязанностей такого получателя относительно продавца товара по условиям договора купли-продажи.

Таким образом, тесная взаимосвязь гражданского и финансового права является причиной появления научных взглядов о невозможности или нецелесоо-

бразности разграничения этих отраслей права, о неразрывности гражданских и финансовых отношений, особенно в таких сферах как банковское регулирование и правовое регулирование денежного обращения, а также об отсутствии «химически чистых» отраслей права.

Выделяя положительные аспекты этих научных взглядов, следует согласиться с неразрывным единством фактического содержания урегулированных правом отношений, которые возникают в процессе банковской и многих других видов деятельности. Такие виды деятельности невозможно без дублирования разделить на действия, которые направлены исключительно на реализацию финансовых или гражданских прав и обязанностей, поскольку значительная часть действий будет иметь и гражданское и финансово-правовое значение. Также следует констатировать наличие почти во всех законах, а также в Налоговом, Бюджетном и даже в Гражданском кодексах положений, которые формулируют нормы разных отраслей права. В связи с этим правильнее было бы определять понятие финансового закона как нормативного акта, направленного на реализацию целей финансово-правового регулирования, в котором формулируются преимущественно нормы финансового права.

Однако тезис об отсутствии «химически чистых» отраслей может быть приемлемым лишь, если речь будет идти об отраслях законодательства или о комплексных правовых образованиях, а не об отраслях, которые составляют первичную структуру системы права. Отрасль права – это не онтологическое явление, а научная абстракция, которая задумана как совокупность норм исключительно этой отрасли, и в качестве основного элемента деления (классификации) системы права по правилам логики не может пересекаться с другими ее элементами. Поэтому основные отрасли права являются «химически чистыми» логическими образованиями и разграничение финансового и гражданского права возможно, хотя и вызывает определенные трудности. Аналогичным образом норма финансового права и урегулированное этой нормой финансовое отношение никогда не совпадает с нормой гражданского права и соответствующим гражданским отношением, а потому они подлежат разграничению даже при регулировании тесно взаимосвязанных отношений.

В теоретическом аспекте разграничение финансового и гражданского права является одним из направлений реализа-

ции фундаментальных теоретических достижений в области исследования норм права, правоотношений, механизма деления системы права на отрасли. Такое разграничение имеет также важное правоприменительное значение, поскольку определение отраслевой принадлежности конкретной нормы права или урегулированного правом общественного отношения является основанием для применения общих правил и методологии той или иной отрасли права, определяет содержание механизма реализации нормы права и негативные последствия в случае ее нарушения. Без установления отраслевой принадлежности правовых норм и урегулированных ими отношений невозможно разрешение коллизий и преодоле-

ние пробелов в праве. Отраслевая квалификация отношений, подлежащих регулированию, является также неотъемлемой частью правотворческой деятельности.

Поэтому разграничение норм финансового и гражданского права, отношений, которые регулируются этими отраслями права, финансовых и гражданских правоотношений является не только возможной, но и необходимой задачей. Такое разграничение должно проводиться с учетом того, что гражданское право не должно выходить за свои пределы, которые удовлетворительно определены законом, а финансовое право не должно осуществлять экспансию в сферу гражданского права.

Литература

1. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. – М.: Госюристиздат, 1961. – 187 с.
2. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1975. – 258 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
4. Гаффарова Г. Р. О гражданско-правовых средствах в финансовом праве / Г. Р. Гаффарова // Финансовое право. – 2010. – № 11 – С. 12-14.
5. Гетманцев, Д. О. До питання про предмет і метод фінансового права / Д. О. Гетманцев // Фінансове право. – 2008. – № 2. – С. 13-16.
6. Дорохин, С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект / С. В. Дорохин. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 136 с.
7. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы финансового права: монография. / С. В. Запольский. – М.: РАП, Эксмо, 2008. – 160 с.
8. Запольский С. В. К вопросу о роли финансового права в правовой системе России / С. В. Запольский // Финансовое право. – М.: Юрист, 2010. – № 8. – С. 2-7.
9. Иеринг Р. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2 / Иеринг Р. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 547 с.
10. Ковальчук А. Т. Финансовое право в рыночных системах (теоретическое исследование в практическом аспекте) / А. Т. Ковальчук. – К.: Парламентское издательство, 2008. – 506 с.
11. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. / Савиньи Ф. К.; Пер.: Мандро Н., Фукс В. – М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. – 579 с.
12. Саттарова Н. А. Современные аспекты межотраслевых связей финансового права / Н. А. Саттарова // Финансовое право – М.: Издательская группа «Юрист», 2012. – № 5. – С. 11-14.
13. Толстой Ю. К. О преподавании гражданского права на современном этапе / Ю. К. Толстой // Преподавание гражданского права в современных условиях: Сборник. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. – С. 42-48.
14. Толстой Ю. К., Суханов Е. А. На путях совершенствования отечественного законодательства / Ю. К. Толстой, Е. А. Суханов // Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 152-161.
15. Финансовое право: учебник / Под ред. О. Н. Горбуновой. – М.: Юристъ, 2000. – 393 с.
16. Чанишева А. Р. Іпотечні цивільні правовідносини: Монографія / А. Р. Чанишева. – Одеса: Фенікс, 2009. – 148 с.

References

1. Alekseev, S. S. Obshchie teoreticheskie problemy sistemy sovetskogo prava [General theoretical problems of the system of Soviet law]. Moscow, 1961, 187 p.
2. Alekseev, S. S. Struktura sovetskogo prava [The structure of Soviet law]. Moscow, 1975, 258 p.
3. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Obshchie polo-zheniya [Contract law. General Provisions]. Moscow, 1997, 682 p.
4. Gaffarova G. R. O grazhdansko-pravovykh sredstvakh v finansovom prave [On civil remedies in financial law]. Finansovoe pravo. [Financial law]. 2010, № 11, pp. 12-14.
5. Getmantsev, D. O. Do pitannya pro predmet i metod finansovogo prava [On the

- subject and method of financial law]. *Finansovoe pravo*. [Financial law]. 2008, № 2, pp. 13-16.
6. Dorokhin, S. V. *Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Division of the law into public and private: constitutional law aspect]. Moscow, 2008, 136 p.
7. Zapol'skiy S.V. *Diskussionnyye voprosy finansovogo prava: mono-grafiya*. [Discussion questions of financial law: monograph]. Moscow, 2008, 160 p.
8. Zapol'skiy S.V. *K voprosu o roli finansovogo prava v pravovoy sisteme Rossii* [On the role of financial law in the legal system of Russia]. *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2010, № 8, pp. 2-7.
9. Iering R. *Izbrannyye trudy. V 2-kh tomakh. T. 2* [Selected Works. In 2 volumes]. Saint-Petersburg, 2006, Vol. 2, 547 p.
10. Koval'chuk A.T. *Finansovoe pravo v rynochnykh sistemakh (teoretichesko-issledovanie v prakticheskom aspekte)* [Financial law in market systems (theoretical study in practical aspect)]. Kiev, 2008, 506 p.
11. Savin'i F. K. *Obyazatel'stvennoe pravo*. [Law of obligations]. Per.: Mandro N., Fuks V. [translated by Mandro N., Fuks V.] Moscow, 1876, 579 c.
12. Sattarova N. A. *Sovremennyye aspekty mezhotraslevykh svyazey finansovogo prava* [Modern aspects of intersectoral relations of financial law]. *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2012, № 5, pp. 11-14.
13. Tolstoy Yu. K. *O prepodavanii grazhdanskogo prava na sovremennoy etape* [On the teaching of civil law at the present stage]. *Prepodavanie grazhdanskogo prava v sovremennykh usloviyakh: Sbornik*. [The teaching of civil law in modern conditions: Collection]. Saint-Petersburg, 1999, pp. 42-48.
14. Tolstoy Yu. K., Sukhanov E. A. *Na putyakh sovershenstvovaniya otechestvennogo zakonodatel'stva* [On the ways to improve domestic legislation]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 2007, № 1, pp. 152-161.
15. *Finansovoe pravo: uchebnyy* [Financial law: a textbook]. Moscow, 2000, 393 p.
16. Chanisheva A. R. *Ipotechni tsivil'ni pravovidnosini: Monografiya* [Mortgage Civil Relations: Monograph]. Odessa, 2009, 148 p.

ОЧКУРЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Финансовое и налоговое право» Юридического института, Севастопольский государственный университет. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

OCHKURENKO Sergei, Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Head of Department «Financial and Tax Law» of Law Institute, Sevastopol State University. 299053, Russian Federation Sevastopol, st. Universitetskaya, d. 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

УДК 347.637

Худойкина Т. В., Сюваева Н. В.

РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА¹

Khudoykina T. V., Syuvaeva N. V.

THE ROLE OF FAMILY MEDIATION IN THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS

Внедрение альтернативных средств в практику разрешения правовых споров отвечает национальным целям и стратегическим задачам развития Российской Федерации. В семейных конфликтах происходит наслоение материальных и личных интересов конфликтующих сторон, в связи с этим весьма актуально применение института медиации в области семейного права. В данной статье раскрываются цель и значение семейной медиации в защите прав ребенка как альтернативного способа урегулирования споров. Дается общая характеристика данного института. Анализируется его нормативно-правовое регулирование. Определяется роль медиатора при проведении примирительной процедуры. Выявляются достоинства семейной медиации. Раскрываются особенности медиативной процедуры, отличающие ее от других форм защиты прав ребенка.

Ключевые слова: медиация, семейная медиация, процедура медиации, родители, интересы ребенка, защита прав ребенка.

The introduction of alternative means in the practice of resolving legal disputes meets the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation. In family conflicts, the material and personal interests of the conflicting parties are stratified; in this regard, the use of the institution of mediation in the field of family law is very important. This article reveals the purpose and importance of family mediation in protecting the rights of the child as an alternative way to resolve disputes. The general characteristic of this institution is given. Its legal regulation is analyzed. The role of the mediator during the conciliation procedure is determined. The advantages of family mediation are revealed. The features of the mediation procedure that distinguish it from other forms of protecting the rights of the child are revealed.

Keywords: mediation, family mediation, mediation procedure, parents, interests of the child, protection of the rights of the child.

В Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., ратифицированной Российской Федерацией, закреплено следующее: «дети имеют право на особую защиту и помощь» и «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения» [1]. То же закреплено и в Конституции Российской Федерации: «забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей» [2].

В Семейном кодексе РФ закреплено, что у ребенка есть право на свою защиту (ст. 56) и заботу со стороны обоих родителей (ст. 54, 55). Родители должны нести за

него ответственность вне зависимости от того, находятся ли они в браке и проживают ли они вместе. Семейный кодекс рассматривает следующие способы защиты семейных прав: судебный, административный и иные способы, предусмотренные законом (ст. 8) [3]. Одним из иных способов выступает альтернативная процедура урегулирования спора, одна из сторон которого - посредник (процедура медиации).

27 июля 2010 г. принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [4]. Данный способ защиты для семьи и каждого из ее членов является

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00570

очень действенным. Нормы указанного закона органично дополняют положения, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, Семейном кодексе РФ и других нормативных правовых актах, призванных регулировать семейные отношения, различные аспекты защиты прав детей. В силу своего недавнего появления в российском правовом поле, медиация в настоящий момент еще не получила широкого распространения при разрешении споров связанных с защитой прав ребенка. Данный институт находится на этапе становления и российским семьям только предстоит апробирование этого инструмента в спорных ситуациях.

Идея внедрения в российскую правовую практику института посредничества (медиации) своим появлением во многом обязана цели укрепления института брака и сокращения числа разводов, провозглашенной в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [5]. Данный документ явился отправной точкой для укрепления государственной поддержки семьи. Кроме того, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», предусмотрено развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в образовательном процессе [6].

Помощь третьих лиц всегда требуется тогда, когда родители не могут самостоятельно достичь компромисса по вопросам воспитания детей, а также определить порядок общения с ними. Медиатор, как независимое третье лицо, в этом случае пытается использовать различные методы. В наиболее сложных ситуациях, когда конфликт родителей ставит под угрозу благополучие детей, возникает необходимость принять меры по их защите. Необходимые правовые основания для защиты детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, содержатся в действующем семейном законодательстве [9, с. 44].

Использование процедуры медиации при разрешении разнообразных семейных споров позволяет разрешить возникший конфликт в правовом поле в досудебном порядке. Особо следует подчеркнуть важную особенность медиативного соглашения, заключающуюся в его ориентированности, прежде всего, на инте-

ресы несовершеннолетнего и право ребенка на воспитание в семье. Данный принцип нашел свое отражение в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 2 января 1998 г. № Rec.(98) 1 о медиации в семейных спорах. В соответствии с ней медиатору рекомендовано особое внимание уделять интересам ребенка, напоминая при этом родителям об их основной обязанности заботиться о благополучии общих детей [7]. Ни у кого не возникает сомнений в том, что затянувшаяся конфликтная ситуация в семье оказывает негативное воздействие на психическое состояние ребенка, способствуя появлению у него различных психологических проблем, последствием которых в перспективе могут стать тяга к алкоголю и наркотикам, стремление к совершению противоправных действий и другие отклонения от нормального поведения. Защита законных прав и интересов ребенка придает особую значимость использованию медиации в семейных конфликтах.

Мирное разрешение семейных конфликтов с привлечением посредника позволяет достичь компромисса при решении вопросов о проживании ребенка с конкретным родителем после развода, об участии другого, оставшегося жить отдельно от прежней семьи, родителя в воспитании детей и осуществлении им обязанности по их содержанию. Е.Г. Куропатская, отмечает возможность использования семейной медиации в качестве профилактического средства нарушения прав ребенка в семье, поскольку в результате проведения процедуры может быть достигнуто примирение родителей, позволяющее избежать расторжения брака [8, с. 5].

Однако не только во время процесса расторжения брака могут возникать разногласия в воспитании детей, где требуется помощь медиатора. Случиться такое может и в довольно крепких семьях. В этом случае на помощь также приходит медиативное соглашение. Кажется, что, действуя в интересах детей, медиацию невозможно применить в самых крайних случаях. Речь идет о лишении (ст. 69 СК РФ) или ограничении родителей в родительских правах (ст. 77 СК РФ) [3]. Но, тем не менее, при ограничении в родительских правах медиация вполне себе применима и даже рекомендована. При условии, конечно, что причиной для данной радикальной меры является не алкоголизм или наркомания.

Отсюда можно сделать вывод, что не в любых случаях, касаясь семейных право-

отношений, можно применять процедуру медиации. Семейная медиация – это возможность решить конфликтную ситуацию, когда конечной целью является достижение компромисса для всех сторон спора, и самое главное в этом деле – обеспечение защиты интересов и прав детей [10].

Разрушение любой семьи практически всегда происходит на негативном эмоциональном фоне, когда супруги преследуют цель сделать друг другу больнее, каждый стремится отстоять только личные интересы при разделе имущества и детей, не особо заботясь о том, как переживают этот сложный период их дети и каким образом развод отразится на детской психике. Именно в такие моменты медиация и может позволить супругам сесть за стол переговоров, отстранившись от взаимной ненависти, и конструктивно решить появившиеся проблемы. Участие посредника может сгладить острые углы, предоставить сторонам спора возможность услышать друг друга и принять решения, которые не нанесут значительного вреда их детям.

Подводя итог, хочется отметить несомненную целесообразность развития института медиации, дальнейшее совершенствование его правовых основ, что требует ведения учета, анализа и обобщения практики медиаторов по разрешению споров, вытекающих из семейных

правоотношений [11]. Представляется важной реализация таких форм, способствующих развитию семейной медиации, как проведение форумов, «круглых столов» и других мероприятий, в ходе которых непосредственно медиаторы могли бы находить проблемные точки процедуры и выработать решения по их устранению. Безусловно, развитие института медиации должно иметь свою финансовую основу, что требует привлечения средств. Учитывая важность и потенциальную эффективность использования медиации при решении семейных споров, ее согласованность с реализуемой в России семейной политикой, государство должно принимать участие в финансировании программ семейной медиации по наиболее важным категориям споров, возникающих из семейных отношений, в частности, споров, касающихся воспитания детей. Требуется активная деятельность государства по развитию идеи применения процедуры медиации как альтернативного способа мирного досудебного разрешения большинства семейных конфликтов, особенно в отношении тех семей, в которых воспитываются дети. С большой долей уверенности можно утверждать, что именно проведение процедуры медиации в большинстве случаев будет способствовать обеспечению конституционных прав ребенка, защите его интересов.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014. № 1618-р от «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35. Ст.4811.
6. Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 23. Ст. 3357.
7. Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 2 января 1998. № Rec.(98) 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-344>
8. Куропацкая Е.Г. Медиация как способ защиты прав ребенка в Российской Федерации // Медиация и право. 2013. №1. С.4-8.
9. Лебединская В.П. Семейная медиация как новый для Российской Федерации способ защиты прав и интересов детей // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2017. № 14. С.42-48.

10. Пурге А.Р. Применение процедуры медиации для урегулирования разногласий, возникающих из семейных правоотношений: опыт и пути развития // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С.41-49.
11. Шкрыль Е.О. Семейная медиация в России: состояние, проблемы и возможности применения // Право и глобальный социум. 2016. № 2. С.45-52.

References

1. Konventsiya o pravakh rebenka (utverzhdena Konventsiya OON 20.11.1989) (vstupleniye v silu dlya SSSR 15.09.1990) // Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR. Vyp. XLVI. 1993.
2. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonodatel'stvom RF o vnesenii popravok v Konstitutsiyu RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [Elektronnyy resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>
3. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ (s izm. I dop.) // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. № 1. St. 16.
4. Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2010 g. № 193-FZ «Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiyem posrednikov (protsedury mediatsii)» (s izm. I dop.) // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2010. № 31. St. 4162.
5. Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 avgusta 2014 goda. № 1618-r ot «Ob utverzhdanii Kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // Sobraniye zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii. 2014. № 35. St.4811.
6. Rasporyazheniye pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2015 goda. № 996-r «Ob utverzhdanii Strategii razvitiya obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2015. № 23. St. 3357.
7. Rekomendatsii Soveta Ministrov Soveta Yevropy ot 2 yanvarya 1998 goda. № Rek. (98) 1 [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-344>
8. Kurovatskaya Ye.G. Mediatsiya i pravo zashchity detey v Rossiyskoy Federatsii // Mediatsiya i pravo. 2013. №1. С.4-8.
9. Lebedinskaya V.P. Semeynaya mediatsiya kak zashchita prav i interesov detey // Vestnik Yessentukskogo instituta upravleniya biznesom i pravami. 2017. № 14. S.42-48.
10. Purge A.R. Primeneniye protsedur mediatsii dlya uregulirovaniya raznoglasiy, opyta i putey razvitiya // Yevraziyskaya advokatura. 2016. № 4 (23). S.41-49.
11. Shkryl' Ye.O. Semeynaya mediatsiya v Rossii: sostoyaniye, problemy i vozmozhnosti primeneniya // Pravo i global'nyy sotsium. 2016. № 2. S.45-52.

ХУДОЙКИНА Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. 430000, г. Саранск, Полежаева, 44. E-mail: thudoykina@mail.ru

KHUDOYKINA Tatyana Viktorovna, doctor of legal sciences, professor, head of Chair of Legal Disciplines, National Research Ogarev Mordovia State University. 430000, Saransk, Polezhaeva str., 44. E-mail: thudoykina@mail.ru

СЮБАЕВА Наталия Викторовна, студент магистрант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. 430000, г. Саранск, Полежаева, 44. E-mail: Natali-Natalika@mail.ru

SYUVAEVA Natalia Viktorovna, graduate student, National Research Ogarev Mordovia State University. 430000, Saransk, Polezhaeva str., 44. E-mail: Natali-Natalika@mail.ru

УДК 340.111.52

Хазиев С. Ю.

СЕКУНДАРНЫЕ ПРАВА КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ

Khaziev S. Y.

SECONDARY RIGHTS AS A REMEDY OF SUBJECTIVE RIGHTS

В статье предложен подход изучения вопроса правовой природы секундарных прав с точки зрения их вспомогательного характера. Особое внимание уделено классификации и выделению особой разновидности – секундарных прав, направленных на защиту субъективных гражданских прав. Подобный функциональный подход к правовой природе секундарных прав позволяет взглянуть на данные юридические возможности под иным углом. Сделан вывод о вспомогательной направленности осуществления секундарных прав, способствующей удовлетворению интересов участников правоотношений посредством воздействия на субъективные гражданские права.

Ключевые слова: секундарные права, субъективные права, меры оперативного воздействия, интерес, обязательства.

The introduction of alternative means in the practice of resolving legal disputes meets the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation. In family conflicts, the material and personal interests of the conflicting parties are stratified; in this regard, the use of the institution of mediation in the field of family law is very important. This article reveals the purpose and importance of family mediation in protecting the rights of the child as an alternative way to resolve disputes. The general characteristic of this institution is given. Its legal regulation is analyzed. The role of the mediator during the conciliation procedure is determined. The advantages of family mediation are revealed. The features of the mediation procedure that distinguish it from other forms of protecting the rights of the child are revealed.

Keywords: mediation, family mediation, mediation procedure, parents, interests of the child, protection of the rights of the child.

Секундарные права как элемент структуры правоотношений нашли своё научное обоснование и теоретическое исследование в трудах учёных-цивилистов как дореволюционного, так советского периодов. На современном этапе развития научной мысли также предпринимаются попытки привнести новизну в теоретические изыскания, в центре фокуса которых находятся секундарные права как особые, отличные от субъектных гражданских прав, юридические возможности в рамках гражданских правоотношений.

Следует сказать, что правовое основание осуществления юридических возможностей, заложенных в секундарных правах, может иметь различный характер в зависимости от тех или иных фактических обстоятельств, от динамики правоотношения в конкретный период време-

ни. Осуществление секундарных прав выражается в форме односторонних сделок. Относительно оснований, целей сделки В.С. Ем отмечал, что «типичная для данного вида сделок правовая цель, ради которой они совершаются, называется основанием сделки» [1, с.442], или «causa».

Исходя из различия правовых целей осуществления секундарных прав, можно выделить группу прав, направленных на защиту субъективных гражданских прав. Правовая цель их осуществления может характеризоваться, во-первых, объективной необходимостью восстановления нарушенного субъективного права, во-вторых, обеспечением исполнения обязательства, а значит не нарушения корреспондирующего субъективного права требования, в-третьих, поддержанием состояния защищенности субъективного

65

Гражданское
право

права, иначе говоря реализацией секундарного права в превентивном порядке. В другую видовую группу секундарных прав следует отнести юридические возможности, правовая цель осуществления которых это организация, преобразование правоотношения, отвечающего наиболее полному удовлетворению интересов секундарно-управомоченного лица.

Особый интерес представляют секундарные права как одно из средств защиты субъективных гражданских прав сторон в правоотношениях. При этом, под правовым средством защиты следует понимать нормативное установление, элемент системы права, допускающее действия или бездействия (их совокупность), направленные на предупреждение, пресечение нарушений прав и интересов, а также на их восстановление [2, с.10]. Одним из средств защиты права, реализуемым в одностороннем порядке, следует считать меры оперативного воздействия. Учитывая односторонний характер осуществления как мер оперативного воздействия, так и секундарных прав, целесообразно рассмотреть соотношение данных понятий.

Следует отметить, что в отечественной правовой науке не выработано однозначного подхода к определению правовой сущности мер оперативного воздействия. Так, В.П. Грибанов отмечал, что мерами оперативного воздействия являются такие «юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом, как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным или общественным органам» [3, с. 133].

В.В. Витрянский считал, что меры оперативного воздействия это предусмотренные законом односторонние действия кредитора по изменению либо прекращению обязательства [4, с.698]. Стоит дополнить, что данные односторонние действия могут быть предусмотрены не только законом, но и договором, однако в последнем случае, их закрепление в структуре правоотношения и реализация могут быть поставлены в судебном порядке под сомнение стороной, претерпевающей их негативное воздействие.

В свою очередь, М.С. Карпов под мерами оперативного воздействия понимал «предусмотренные в законе или соглашении сторон меры юридического воздействия на неисправного должника в договорном обязательстве, применение кото-

рых заключается в совершении управомоченным лицом односторонних действий по изменению или прекращению договорного обязательства в связи с нарушением обязанностей со стороны контрагента» [5, с.13].

Таким образом, общая черта большинства теоретических исследований заключается в том, что меры оперативного воздействия рассматриваются как «юридические средства», применяемые в одностороннем порядке.

Стоит сказать, что содержанием данных юридических средств является юридическая возможность, т.е. определённые рамки дозволенного поведения. При этом, учитывая, что мера дозволенного поведения есть право – субъективное или секундарное – то можно прийти к выводу, что меры оперативного воздействия суть секундарные права. Причём секундарные права, правовая цель, основание которых защита субъективных гражданских прав секундарно-управомоченной стороны. Данная точка зрения подтверждается также и тем обстоятельством, что по своей «юридической природе оперативные меры являются односторонними сделками, т.е. правомерными юридическими действиями, влияющими на изменение договорного правоотношения» [6, с. 17].

Предоставление одному из участников правоотношения подобных юридических возможностей по одностороннему изменению или прекращению правоотношения обусловлено его позицией как «слабой» стороны. Как, вполне обосновано, отмечается в научно-исследовательской литературе «координация участников оборота в ряде случаев осуществляется посредством предоставления так называемой слабой стороне гражданского правоотношения односторонних возможностей, реализация которых влечет отвечающую интересам данной стороны динамику гражданских прав и обязанностей» [7, с.7].

Осуществление секундарных прав, направленных на защиту субъективных прав, возможно лишь при условии нарушения таких прав секундарно-управомоченного лица или при наличии признаков, что такое нарушение может произойти в будущем, что, в свою очередь, повлечёт ущемление интересов участника гражданского правоотношения.

Секундарные права в силу того юридического воздействия, который они оказывают на правоотношения могут существенным образом изменять их динамику и структуру, к числу таковых следует отнести, в частности, право продавца прио-

становить передачу товаров до полной оплаты ранее переданных товаров (п.5 ст. 486 Гражданского кодекса РФ), право подрядчика на удержание результата работ в случае неисполнении заказчиком обязанности уплатить установленную цену либо иную сумму, причитающуюся подрядчику в связи с выполнением договора подряда (ст. 712 Гражданского кодекса РФ), право хранителя продать вещь, переданную на хранение, в случае неисполнении поклажедателем обязанности взять обратно вещь (п.2. ст. 899 Гражданского кодекса РФ), право стороны обязательства приостановить встречное исполнение в случае неисполнения противоположной стороной (ст. 328 Гражданского кодекса РФ). Так, Е.А. Суханов приводит в качестве примера односторонне-распорядительных прав, относя его к числу вторичных, «право кредитора - покупателя товара выбрать одно из предусмотренных законом последствий нарушения должником - продавцом своей обязанности передать товар надлежащего качества» [8, с.11].

Иные вторичные права, направленные на защиту субъективных гражданских прав, настолько влияют на правоотношение, в рамках которого они реализуются, что их осуществление влечёт прекращение данного правоотношения в полном объёме или частично. К числу таковых относятся права на односторонний отказ от исполнения договора полностью или в какой-либо части.

Как можно заметить, вторичные права, направленные на защиту субъективных гражданских прав, реализуются только в структуре обязательственного правоотношения, являющегося по правовой природе относительным. Это обусловлено тем обстоятельством, что в абсолютных правоотношениях структура правовых связей во многом представлена пассивной обязанностью третьих лиц не нарушать права и законные интересы правообладателя. Правообладатель не имеет каких-либо односторонних юридических возможностей для изменения и прекращения абсолютного правоотношения с целью защиты своего права таким образом, что это влечёт изменение правовой сферы третьих лиц. Возникновение вторичных прав, направленных на защиту субъективных прав, возможно потенциально в случае наличия правонарушения со стороны третьего лица. При этом, правовая связь между правообладателем и нарушителем, связанная с восстановлением правового положения правообладателя, имеет относительный ха-

рактер. Однако, даже в этом случае представляется затруднительным считать, что в рамках таких правоотношений могут иметь место вторичные права. В случае нарушения абсолютных прав, их защита осуществляется в юрисдикционном порядке, что исключает возможность наличия и осуществления вторичных прав в рамках таких относительных правоотношений.

Учитывая изложенное, а именно реализацию вторичных прав, направленных на защиту субъективных гражданских прав, в рамках обязательственного правоотношения, можно констатировать, что их закрепление в структуре таких отношений возможно как на основании закона, так и на основании договора. Предусматривая для себя подобные вторичные права, стороны тем самым стремятся достичь определённого уровня защищённости своих интересов от потенциально возможных негативных последствий нарушения своих обязательств контрагентом. Таким образом, вторичные права представляют собой также правовые гарантии обеспечения надлежащего исполнения обязательств, путем предоставления управомоченной стороне права непосредственного оперативного воздействия на своего неисправного контрагента.

При этом, сторонам обязательственных правоотношений следует с определённой степенью ясности и точности устанавливать юридические последствия реализации вторичных прав, направленных на защиту субъективных гражданских прав. Так, одной из сторон судебного процесса, вторичное право, предусмотренное договором, на удержание неустойки из суммы оплаты результата работ, было расценено как вторичное право, позволяющее в одностороннем порядке уменьшить цену договора [9]. Однако, в данном случае договором регулировался порядок уплаты неустойки, в соответствии с которым сторона имеет право на удержание неустойки при исполнении платёжного обязательства.

Стоит отметить, что вторичные права, направленные на защиту субъективных гражданских прав, реализующиеся при наличии нарушения или угрозы нарушения субъективных гражданских прав, например, односторонний отказ от договора полностью или в части, следует отличать от вторичных прав, имеющих схожий юридический эффект, а именно прекращение или изменение правоотношения, но осуществление которых ничем внешне не обусловлено. К примеру, такие

вторичные права предусмотрены для сторон договора возмездного оказания услуг, в рамках которого как заказчик, так и исполнитель имеют право отказаться от исполнения договора.

Подобные юридические возможности следует отнести к другому виду вторичных прав в рамках рассматриваемой классификации – организационно-преобразовательным вторичным правам.

Несмотря на отсутствие нарушения прав или угрозы такого нарушения, закрепление за участниками правоотношения и осуществление организационно-преобразовательных вторичных прав имеют целью защиту интересов. Так, М.А. Егоров, характеризуя подобный подход регулирования гражданских правоотношений, пришёл к выводу, что в данном случае следует говорить о защите именно интересов, но не гражданских прав, т.к. «в этих случаях основанием для реализации прекращения обязательств является охраняемый законом интерес, основанный на усмотрении законодателем необходимости предоставления одной из сторон договора или обеим сторонам возможности в одностороннем порядке, без согласования с контрагентом решить судьбу обязательства» [10, с.54].

Тем самым, учёный приходит к заключению, что нарушение интереса следует признать квазиделиктом, т.е. юридической презумпцией, которая заменяет фактическое нарушение субъективного права в рамках реализации прав на защиту [10, с. 55]. И как следствие, юридическим средством защиты в данном случае является право на прекращение обязательства, имеющее охранительный характер, на основании изменения законного интереса одной из сторон обязательства,

Однако, данные вторичные права, реализация которых основана лишь на интересе управомоченной стороны правоотношения, несмотря на схожие юридические последствия, не следует относить к вторичным правам, направленным на защиту субъективных гражданских прав, либо характеризовать как охранительные, в силу различий правовых оснований, целей их реализации. Безусловно, не следует исключать случаи, когда реализация организационно-преобразовательных вторичных прав происходит после и вследствие нарушения права, а значит нарушения интереса стороны обязательства, однако их осуществление даже в этих случаях обусловлено сферой усмотрения, интересов стороны обязательства, а не наличием факта нарушения

обязательства другой стороной. Следует также отметить, что не все организационно-преобразовательные вторичные права имеют цель изменить или прекратить правоотношение, так некоторые вторичные права лишь видоизменяют содержание исполнения обязательства, например, альтернативное обязательство, по которому должник обязан совершить одно из двух или нескольких действий (воздержаться от совершения действий), выбор между которыми может принадлежать должнику, кредитору или третьему лицу (ст. 308.1 Гражданского кодекса РФ), либо факультативное обязательство, по которому должнику предоставляется право заменить основное исполнением другим (факультативным) исполнением, предусмотренным условиями обязательства (ст. 308.2 Гражданского кодекса РФ).

Таким образом, правовой целью или основанием осуществления вторичных прав, направленных на защиту прав, является восстановление нарушенного субъективного гражданского права. Учитывая данное обстоятельство, можно прийти к выводу, что условие реализации данной юридической возможности — это наличие нарушенного субъективного права или угроза такого нарушения. Необходимость понимания и выявления такого условия – важная составляющая в механизме «внутреннего саморегулирования» правоотношений их участниками. Однако, стоит подчеркнуть, что несмотря на классификацию вторичных прав на защитительные и организационно-преобразовательные, не стоит забывать, что они являются средствами удовлетворения интересов участников гражданских правоотношений, наряду с субъективными гражданскими правами. Отличие лишь заключается в том, что вторичные права удовлетворяют указанные интересы не напрямую, а опосредованно, через субъективные права, реализации которых они способствуют. Соответственно, организационно-преобразовательные вторичные права путём установления, изменения субъективных прав, а защитительные вторичные права посредством их защиты и восстановления. Не случайно немецкий цивилист прошлого столетия Л. Райзер отмечал, что «группа вторичных прав выполняет лишь служебные функции; они являются продуктами утончавшейся в процессе развития права юридической техники» [11, s.126].

Литература

1. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. М. 2006. 720 с.
2. Белова Л.В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. 32 с.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. 411 с.
4. Витрянский В.В. Ответственность за нарушение договорного обязательства // Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М., 2002. 702 с.
5. Карпов М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 171 с.
6. Кархалев Д.Н. Меры оперативного воздействия в гражданском праве // Российский судья. М.: Юрист, 2009. № 4. С. 16 – 19.
7. Груздев В.В. Односторонние возможности слабой стороны гражданского правоотношения // Право и экономика. 2018. № 2. С. 5 – 13.
8. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. 1208 с.
9. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2017 по делу N A43-35560/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 06.07.2019).
10. Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. М., 2013. 752 с.
11. Raiser L. Der Stand der Lehre vom subjektiven Recht im deutschen Recht // Zeitschrift des Bernischen Juristenvereins. Bern, 1961. 497 p.

References

1. Grazhdanskoe pravo. V 4 t. T. 1: Obshchaya chast'. / отв. red. E.A. Suhanov. 3-e izd., pererab i dop. M. 2006. 720 s.
2. Belova L.V. Pravovye sredstva i formy zashchity ekonomicheskikh interesov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan'. 2006. 32 s.
3. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. M., 2000. 411 s.
4. Vitryanskij V.V. Otvetstvennost' za narushenie dogovornogo obyazatel'stva // Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya. M., 2002. 702 s.
5. Karpov M.S. Grazhdansko-pravovye mery operativnogo vozdejstviya: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2003. 171 s.
6. Karhalev D.N. Mery operativnogo vozdejstviya v grazhdanskom prave // Rossijskij sud'ya. M.: YUrist, 2009. № 4. S. 16 – 19.
7. Gruzdev V.V. Odnostoronnie vozmozhnosti slaboy storony grazhdanskogo pravootnosheniya // Pravo i ekonomika. 2018. № 2. S. 5 – 13.
8. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. / V.V. Vitryanskij, V.S. Em, N.V. Kozlova i dr.; отв. red. E.A. Suhanov. 2-e izd., stereotip. M.: Statut, 2011. T. 2: Obyazatel'stvennoe pravo. 1208 s.
9. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 19.10.2017 po delu N A43-35560/2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 06.07.2019).
10. Egorova M.A. Prekrashchenie obyazatel'stv: opyt sistemnogo issledovaniya pravovogo instituta. M., 2013. 752 s.
11. Raiser L. Der Stand der Lehre vom subjektiven Recht im deutschen Recht // Zeitschrift des Bernischen Juristenvereins. Bern, 1961. 497 p.

ХАЗИЕВ Сергей Юрьевич, аспирант кафедры гражданского права, Башкирский государственный университет. 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди 32. E-mail: hsy92@mail.ru

ХАЗИЕВ Sergey, postgraduate student of the Department of Civil Law, Bashkir State University. 450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi 32. E-mail: hsy92@mail.ru

УДК 347.918

Бибииков С. Е.

ПОНЯТИЯ МЕСТА АРБИТРАЖА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРА МЕЖДУ ДВУМЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ В ИНОСТРАННОМ АРБИТРАЖЕ

Bibikov S. E.

CONCEPTS OF ARBITRATION PLACE IN CONSIDERING THE DISPUTE BETWEEN TWO NATIONAL LEGAL ENTITY IN FOREIGN ARBITRATION

Настоящая статья посвящена определению понятия места арбитража как неотъемлемой части арбитражного соглашения в праве международного коммерческого арбитража. Автор анализирует российскую и международную практику по вопросу передачи спора между национальными субъектами на рассмотрение иностранного арбитража. В статье делается вывод о том, что понятие «место арбитража» - фикция, составляющая основу третейского разбирательства и позволяющая сторонам разрешить спор в иностранном арбитраже.

Ключевые слова: место арбитража, место проведения слушаний, национальный спор, третейское разбирательство.

This article is devoted to the definition of the seat of arbitration as an integral part of the arbitration agreement in the law of international commercial arbitration. The author analyzes Russian and international practice on the issue of transferring a dispute between national legal entity to foreign arbitration. The article concludes that the concept of «seat of arbitration» is a fiction that forms the basis of arbitration and allows the parties to resolve a dispute in a foreign arbitration.

Keywords: seat of arbitration, place of hearings, national dispute, arbitration.

В свете последних реформ в сфере российского арбитражного (третейского) разбирательства одной из наиболее острой и обсуждаемой в юридическом сообществе является проблема о понятии места арбитража и возможности рассмотрения спора между двумя национальными субъектами за рубежом.

К сожалению, в российской судебной практике в отличие от мирового правопорядка сформировался однозначный вывод о невозможности передачи спора между двумя российскими юридическими лицами на разрешение иностранного арбитража. Российские государственные суды, отказывая в привидении в исполнение арбитражного решения, исходя из формального подхода к определению понятия места арбитража, при этом, ссылаются на противоречие публичному порядку или

обход закона (определение Арбитражного суда г. Москвы от 20.01.2017 г. по делу № А40-219464/16, определение Арбитражного суда г. Москвы от 16.03.2017 г. по делу № А40-230545/16, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.04.2005 г. № Ф08-1296/05).

Обращаясь к нормативно-правовому закреплению понятия места арбитража (третейского разбирательства), то формально под местом арбитража понимается место, где вынесено арбитражное решение (ст.ст. 2, 20 Федерального закона от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Такоопроецессуальное значение категории «место арбитража» системно применено в АПК РФ.

Более того, в классических учебниках по международному частному праву и

70

Гражданское
право

международному коммерческому арбитражу место арбитража (seatofarbitration) определяется как [1, с. 87], [2, с. 123]:

- место нахождения постоянно действующего арбитражного учреждения, администрирующего арбитраж;
- место, где арбитраж (третейский суд) проводит слушания;
- место, где арбитры спора подписали арбитражное решение.

Однако, такой подход определения понятия места арбитража не отвечает концепции арбитража (третейского разбирательства). Стоит обратить внимание на то, что в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже 1985 г. как и в практике многих современных развитых государств (Швеция, Швейцария, Франция, Англия) понятие место арбитража во многом обозначает юридическую привязку арбитражного разбирательства к какой-то стране и ее правопорядку, а не фактическую привязку, основанную на физической связи сторон арбитража или разбирательства с таким местом. Так, из ст. 31 Типового закона ЮНСИТАЛ о международном коммерческом арбитраже, взятого за основу в развитие законодательства об арбитраже многими государствами, следует, что арбитражное решение считается вынесенным в месте арбитража независимо от того, где такое решение фактически было принято, составлено и подписано¹. Аналогичная позиция также отражена в ст. 5 Акта Сингапура международном арбитраже 1994 г.², разд. 3 Закона Англии об арбитраже 1996 г.³, ст. 47 Закона Швеции об арбитраже 1999 г.⁴.

Указанные акты, собственно, разделяют юридическое фактическое место арбитража, при этом юридическое место арбитража (legalseatofarbitration) является во многом фикцией, использование которой направлено:

- во-первых, в привязке арбитража к определенному государству и правопорядку (*lex arbitri*), который будет определять процессуальные вопросы арбитражного разбирательства и судьбу арбитражного решения. Так, в деле *RosinvestCoUK Ltd. v. Russian Federation* Верховный суд Шве-

ции постановил, что «выбор места арбитража основан на принципе автономии воли сторон и автоматически влечет выбор сторонами процессуального права»⁵.

- во-вторых, в определении «национальности» арбитражного решения, которая влияет на вопросы об отмене и признании в исполнение арбитражного решения компетентным судом иностранного государства. В постановлении Президиума ВАС РФ от 30.03.2004 г. № 15359/03 по делу между компанией «Мабетекс Проект инжиниринг ИндустриалагенпланунгундЭррихтунгсГмбХ» (Австрия) и ОАО «Стойленский горно-обогатительный комбинат» (Россия) отмечено «учитывая, что решение суда *ad hoc* вынесено на территории Швеции по процессуальному закону Швеции, которым предусмотрена возможность отмены вынесенных на ее территории решений, решение суда *ad hoc* по данному делу подлежало оспариванию в Швеции».

- в-третьих, в разграничении характера спора (арбитраж внутренних споров или международный арбитраж) с целью применения норм международного частного права (например, ст. 1 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.).

В фикцию указанное понятие превращает то, что в каком-то месте арбитража, которое определено сторонами или третейским судом, может вообще не быть ни слушаний дела, ни совещаний арбитров, ни подписания решения. Например, в качестве арбитража стороны могут избрать онлайн-арбитраж, проводимый Арбитражной ассоциацией РАА⁶. Данные обстоятельства обусловлены развитием и усложнением практики трансграничного коммерческого оборота, совершенствованием средств коммуникации и обмена информацией, а также всемирным признанием на практике принципа свободы договора сторон («разрешено все, что не запрещено законом»).

Примечательно и то, что фикционная концепция допускает возможность рассмотрения спора между любыми лицами в иностранном арбитраже вне зависимости от их национальной принадлежности.

Другим доводом в пользу исполнимости оговорки о рассмотрении спора между двумя национальными лицами с местом арбитража за рубежом может являться то, что каждое государство

¹ URL: https://www.uncitral.org/pdf/ru-ssian/texts/arbitration/ml-arb/MAL_Rus.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

² URL: http://a-tsm.ru/docs/paktika/Singapore_international_arbitration_act_Russian.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

³ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=13311> (дата обращения: 01.10.2019).

⁴ URL: <http://www.arbitrationsweden.com/upload/medialibrary/0b0/swedish-arbitration-act-1999-roman-zykov.pdf> (дата обращения 01.10.2019).

⁵ URL: <https://www.italaw.com/cases/923> (дата обращения: 01.10.2019).

⁶ URL: <http://arbitrations.ru/press-centr/news/arbitrazhnyy-reglament-raa-> (дата обращения: 01.10.2019).

ipso facto гарантирует своему подданному или гражданину право на судебную защиту, в том числе на обращение к негосударственным средствам урегулирования спора. Такое право в силу естественной справедливости не может быть ограничено.

Как известно, арбитражное (третейское) разбирательство основано на диспозитивных началах гражданских и гражданско-процессуальных отношений сторон, именно стороны посредством заключения арбитражного соглашения определяют правила урегулирования спора и делегируют право на его разрешение избранному арбитру или указанному в соглашении арбитражному учреждению. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал в своих постановлениях об учете правоприменительными органами действия такого конституционно-правового принципа как поддержания баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов. Право сторон на обращение в арбитраж за защитой своих прав (принцип свободы договора / автономии воли сторон) не является правонарушением и должно рассматриваться как данность правоприменительными органами (постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 г. № 30-П).

Представляется, что позиция российских судов не только не учитывает природу третейского разбирательства и конституционно-правовые принципы, но и тот факт, что действующее российское и международное законодательство не содержит запрета на передачу спора между двумя национальными субъектами иностранного арбитража, за исключением той категории споров, которая в силу своей специфики не может быть передана на рассмотрение арбитража (так называемые, «неарбитрабельные» споры). Возможность рассмотрения спора между российскими юридическими лицами в иностранном арбитражном учреждении с местом арбитража за рубежом регулируется соответствующим зарубежным законодательством. При этом как отмечено выше, большинство государств допускают такую возможность.

Более того, обращаясь к вопросу приведения в исполнение такого арбитражного решения, то стоит отметить, что Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. и АПК РФ не предоставляют суду полномочия отказать в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения только на основании того, что обеими

сторонами спора были юридические лица этого государства и в споре отсутствовал какой-либо иной иностранный элемент⁷.

Не мало важным является и то, что в России в отличие от США и западных стран российские суды в обоснование отказа в исполнении арбитражного решения стали широко толковать категории «публичный порядок», «обход закона». Использование судами такой позиции стало универсальным при отсутствии каких-либо весомых аргументов по делу или связано с нежеланием разбираться в обстоятельствах спора. В таких спорных ситуациях интерес государства должен заключаться лишь в том, чтобы придать принудительную силу только такому решению, к которому арбитры пришли в результате процедуры, в целом соответствующей принципам «естественной справедливости» [3]. Если стороны договорились разрешить спор путем арбитража, то участвовавшая в процессе и проигравшая сторона не должна получать дополнительную возможность уйти от ответственности, ссылаясь на нарушение публичного порядка.

Представляется, что проблема передачи спора между двумя российскими субъектами на разрешение иностранного арбитража по большому счету связана со стремлением государства противодействовать созданию арбитражей, которые выносят арбитражные решения в противоречие с основополагающими принципами гражданского процесса. С этой точки зрения интерес государства должен заключаться не в запрете национальным юридическим лицам разрешать спор в иностранном арбитраже, а в защите фундаментальных принципов арбитражного (третейского) разбирательства. Например, в этом плане российский законодатель мог бы опереться на французскую или шведскую концепцию делокализованного арбитража, при которой арбитраж привязан жестко к правопорядку страны, на территории которой проходит арбитражное разбирательство, а нормы закона направлены в первую очередь на определение того содействия, которое государственный суд может оказать арбитражу. При этом арбитражная процедура, проводимая под эгидой Международного арбитражного суда ICC, может прекрасно проходить за пределами Франции или Швеции, например с заседанием арбитража в Москве, все же остальные действия - по электронной переписке.

⁷ URL: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/arbitration/NYConvention.html (дата обращения: 01.10.2019).

Литература

1. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. М: Норма. 7-е изд., 2016. С. 604.
2. Дмитриева, Г.К. Международный коммерческий арбитраж / Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 1997. С. 232.
3. Moses M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration. 2008. P. 381.

References

1. Boguslavsky M.M. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo: uchebnik / M.M. Boguslavskiy M: Norm. 7th ed., 2016. P. 604.
2. Dmitrieva, G.K. Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh / Moscow: Prospect, 1997. P. 232.
3. Moses M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration. 2008.P. 381.

БИБИКОВ Сергей Евгеньевич, аспирант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.; стажер Московской городской коллегии адвокатов «Бюро адвокатов «Де-юре». 119021, Россия, Москва, Зубовский б-р, д. 27/26, стр. 3, E-mail: bibikov_legist@mail.ru.

BIBIKOV Sergey, graduate student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 125993, Moscow, st. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.; Legal assistant of Moscow City Bar Association «Law Office «De jure» building 3, house 27/26, Zubovsky Boulevard, Moscow, Russia, 119021, E-mail: bibikov_legist@mail.ru.

Денисов Р. В.

ВИНА СУБЪЕКТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Denisov R.V.

THE WINE OF SUBJECTS OF A LEGAL ENTITY WHEN INVOLVING CIVIL LEGAL RESPONSIBILITY

В статье рассматривается ответственность единоличного и коллегиального исполнительных органов юридического лица в случае причинения убытков юридическому лицу своими действиями. Рассматриваются аспекты вины при совершении гражданско-правовых правонарушений, а также возможность наступления гражданско-правовой ответственности при отсутствии вины.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, органы юридического лица, вина, убытки, разумность и добросовестность.

The article discusses issues bounded with guilt determination of sole or collegial legal entity at the occurrence of losses caused to other legal entity. The aspects of guilt in the committing of civil law violations are considered, also the possibility of civil liability in the absence of guilt.

Keywords: civil liability, bodies of a legal entity, guilt, loss, reasonableness and good faith.

Привлечение к гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ осуществляется на общих принципах наступления ответственности. Основанием наступления ответственности является совершение гражданского правонарушения, которое одновременно отвечает четырем признакам: совершение противоправного действия; наличие убытков вследствие противоправного действия; причинно-следственная связь между совершенным действием и причиненными убытками; вина лица, причинившего вред.

При привлечении к ответственности того или иного лица, ключевым признаком состава гражданского правонарушения является вина, а в случае совершения правонарушения несколькими лицами, представляется что в такой ситуации необходимо определить степень вины каждого из них.

В процессе хозяйственной деятельности юридического лица, одно действие зависит от предыдущего, существует определенная их последовательность, к примеру, для заключения крупной сделки в АО требуется одобрение Совета директоров, такая сделка состоит из двух составных частей: первое – одобрение Со-

ветом директоров (коллегиальным исполнительным органом), второе – заключение договора директором (единоличным исполнительным органом).

В качестве другого примера можно привести обязательное раскрытие бухгалтерской отчетности акционерными обществами, такой процесс состоит из двух взаимосвязанных последовательных действий: первое – утверждение бухгалтерской отчетности коллегиальным исполнительным органом, второе – опубликование утвержденной информации единоличным исполнительным органом на специализированных ресурсах.

При такой последовательности действий, в случае совершения ошибки одним органом на первоначальном этапе, это может послужить основанием для привлечения к ответственности другого органа, который «воспроизвел» уже имеющуюся ошибку. Как в таком случае, определить в какой степени виновен каждый из субъектов правонарушения.

В одном из рассмотренных дел, Постановлением Седьмого Арбитражного апелляционного суда по делу №А45-6881/2014, к солидарной ответственности привлечены члены Совета директоров и генеральный директор за убытки, при-

чиненные Обществу, которые выразились в виде наложение штрафа на Общество в сумме 750 000 рублей, в результате раскрытия недостоверной информации.

По обстоятельствам указанного дела, единоличный исполнительный органом, составил и разместил на сайте, а члены Совета директоров утвердили отчеты эмитента эмиссионных ценных бумаг за 1, 2, 3, 4 кварталы 2012 года, содержащие недостоверную информацию, в связи с чем на ОАО «ИПФ» наложен штраф в сумме 750 000 рублей, который является для Общества убытками [5].

Согласно Устава, к компетенции Совета директоров относится утверждение ежеквартального отчета эмитента эмиссионных ценных бумаг, на заседании Совета директоров 12.05.2012 единогласно утвержден ежеквартальный отчет эмитента.

То есть ошибка возникла в тот момент, когда Совет директоров утвердил отчеты эмитента, содержащие недостоверную информацию, а генеральный директор уже после этого подписал утвержденные сведения от имени юридического лица, и опубликовал их для надлежащего исполнения публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством по раскрытию информации.

Представляется что в данной ситуации, судом не исследовался вопрос степени вины каждого из привлеченных лиц, а лишь был разрешен вопрос виновно ли лицо в совершении правонарушения, поскольку действующим гражданским законодательством установлено, что в случае совместного причинения убытков юридическому лицу, ответственность является солидарной.

Важно отметить, что аналогичная позиция изложена Высшим Арбитражным Судом РФ, в Постановлении от 30 июля 2013 г. № 62, в соответствии с которой, «не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). В то же время наряду с таким директором солидарную ответственность за причинен-

ные этой сделкой убытки несут члены указанных коллегиальных органов (пункт 3 статьи 53 ГК РФ)[4].

При таких обстоятельствах, некоторые современные ученые предлагают варианты разрешения спорной ситуации, так Кузнецова В.В. полагает, при наличии нескольких руководителей в организации, если невозможно разделить действия (бездействие) руководителей, повлекшие соответствующие последствия в виде убытков, то такое причинение убытков следует считать совместным. При этом согласно п. 4 ст. 53.1 ГК РФ совместно причиненные убытки возмещаются виновными лицами солидарно [1, с. 22].

Представляется, что указанная точка зрения является правильной, к тому же она соответствует сложившейся судебной практике, однако вопрос об установлении степени вины каждого лица, причинившего убытки, остается открытым. Трудно представить, что единоличный исполнительный орган - руководитель юридического лица, который находится в непосредственном подчинении коллегиального органа, может отказаться опубликовать, пусть даже недостоверную, утвержденную коллегиальным органом информацию, или не заключать сделку, одобренную Советом директоров. Избежать ответственности может помочь только добровольное прекращение полномочий, из-за нежелания выполнять решение, принятое вышестоящим органом.

Позиция судов, при которой вина является обязательным признаком правонарушения, выражена Конституционным судом в своем Постановлении от 25 января 2001 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» отмечается: «Наличие вины - общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно» [3]. То есть наступление ответственности возможно только при наличии вины, указанная точка зрения представляется верной, поскольку если в действиях субъекта отсутствует вина в совершении правонарушения, выпадает один из признаков правонарушения, что в свою очередь приводит и к отсутствию самого правонарушения.

Другой точке зрения, при которой возможно наступление ответственности при отсутствии вины придерживается П.Н.

Позняков, который отмечает, «говорить о вине как обязательном условии конституционной ответственности неверно... конституционная ответственность совсем не обязательно связана с противоправным и даже аморальным поведением», однако, по мнению автора «сказанное не означает, что в случаях безвиной конституционной ответственности субъективная сторона деяния отсутствует» [2, с. 13-14]. Сказанное автором близко к вине в форме бездействия, к примеру, субъект не рассмотрел возможные последствия, не

предпринял всех необходимых мер, в результате чего наступает ответственность.

Таким образом, вина является обязательным признаком гражданского правонарушения, только при наличии которого наступает гражданско-правовая ответственность. Судебная практика подтверждает о необходимости доказывания вины субъекта правонарушения, однако не исследуется вопрос об определении степени вины лица, причинившего вред и привлекаемого к ответственности.

Литература

1. Кузнецова В.В. Труд руководителя организации. Правовое регулирование: Монография //отв. ред. Ю.П. Орловский, «КОНТРАКТ», 2016, С.22
2. Позняков П.Н. Об ответственности субъектов публичной власти // Вестник ВУиТ. Сер. «Юриспруденция». Вып. 22. Тольятти: ВУиТ, 2002. С. 13, 14.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 N 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Российская газета, N 30, 13.02.2001
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2013 г., N 10.
5. Постановление Седьмого Арбитражного апелляционного суда от 18.09.2014 по делу №А45-6881/2014 // Доступ из СПС Консультант Плюс. 2019. Дата обращения 01.09.2019 г.

References

1. Kuznetsova V.V. Trud rukovoditelya organizatsii. Pravovoye regulirovaniye: Monografiya //otv. red. YU.P. Orlovskiy, "KONTRAKT", 2016, S.22
2. Poznyakov P.N. Ob otvetstvennosti sub'yektov publichnoy vlasti // Vestnik VUiT. Ser. "Yurisprudentsiya". Vyp. 22. Tol'yatti: VUiT, 2002. S. 13, 14.
3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.01.2001 N 1-P «Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniya punkta 2 stat'i 1070 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan I.V. Bogdanova, A.B. Zernova, S.I. Kal'yanova i N.V. Trukhanova» // Rossiyskaya gazeta, N 30, 13.02.2001
4. Postanovleniye Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 30 iyulya 2013 g. N 62 «O nekotorykh voprosakh vozmeshcheniya ubytkov litsami, vkhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo litsa» // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, 2013 g., N 10.
5. Postanovleniye Sed'mogo Arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18.09.2014 po delu №А45-6881/2014 // Dostup iz SPS Konsul'tant Plyus. 2019. Data obrashcheniya 01.09.2019 g.

76

ДЕНИСОВ Руслан Валерьевич, аспирант кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета. 450000, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского 131. E-mail: rvdenisov@bk.ru

DENISOV Ruslan, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Institute of Law, Bashkir State University. 450000, Republic of Bashkortostan, Ufa, ul. Dostoevsky 131. E-mail: rvdenisov@bk.ru

УДК 343.352.4

Короткова О. А.

АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Korotkova O. A.

ANALYSIS OF THE GENESIS OF LEGISLATION ON LIABILITY FOR BRIBERY IN THE RUSSIAN EMPIRE

В данной научной статье предпринята попытка проанализировать зарождение и последующее развитие законодательства об ответственности за взяточничество в России в досоветский период. Исследованы различные формы борьбы с данным негативным социальным явлением в различные исторические периоды развития российского государства и общества. Исторический опыт показывает, что борьба с взяточничеством велась в различные исторические периоды развития российской государственности и общества. Взятничество было присуще всем государствам в любые периоды их развития, в том числе и российскому государству.

Ключевые слова: взятка, законодательство об ответственности за взяточничество, коррупция, посул, чиновник, государственное управление.

This scientific article attempts to analyze the origin and subsequent development of legislation on liability for bribery in Russia in the pre-Soviet period. Various forms of struggle against this negative social phenomenon in different historical periods of development of the Russian state and society are investigated. Historical experience shows that the fight against bribery was conducted in various historical periods of the development of the Russian state and society. Bribery was inherent in all States in any period of their development, including the Russian state.

Keywords: bribery, legislation on liability for bribery, corruption, promise, official, public administration.

Высокий уровень коррупции, взяточничества является индикатором социального неблагополучия общества. В значительной степени традиция взяточничества связана с историей формирования государства и государственного управления, а уровень взяток зависит в первую очередь от степени стабильности общества. Чем выше уровень жизни общества, тем ниже уровень взяточничества и коррупции. В эпоху ослабления государства, в период социальных потрясений, войн и революций уровень взяточничества резко возрастает.

Взяточничество было присуще всем

государствам в любые периоды их развития. Не обошло взяточничество и наше государство. С формированием на Руси государственного управленческого аппарата появилась и коррупция, которая, видимо, трансформировалась из традиции подношений и подарков представителям власти. Государственные чиновники в Древнерусском государстве (наместники, волостели) жили на подношения от тех, кто был заинтересован в их деятельности, т.е. «кормились» за счет населения, которое не скупилось на подарки. Древнерусские князья, наделяя наместников большими полномочиями, посылая

их на места, не платили им жалования из казны. Предполагалось, что вознаграждение за службу кормленщики будут получать от местного населения. Ярким примером может служить Белозерская уставная грамота 1488 года, в которой устанавливались виды, размер и стоимость продовольствия и фуража, предоставляемого местным населением наместнику и чиновникам его аппарата (тиунам и доводчикам). Обязанность сбора корма возлагалась на сотского старосту, который не забывал и про себя [5, с. 36]. Система кормлений была отменена в 1556 году, но взяточничество искоренить не удалось.

Отечественный исторический опыт показывает, что борьба с взяточничеством велась в различные исторические периоды российской государственности и общества.

Впервые понятие «взятка» - «посул» упоминается в русском законодательстве в конце XIV века. Понятие «посул» как незаконное вознаграждение за осуществление официальных полномочий употребляется в Двинской уставной грамоте 1397-1398 годов, а в значении взятки - «тайный посул судье» - в Псковской Судной грамоте 1467 года. К XV веку взяточничество на Руси приобретает системный характер. Если чиновник, не нарушая закона, за взятку выполнял какое-либо действие, это называлось «мздоимство». Ранее упоминание о мздоимстве содержится еще в русских летописях XIII века. Если чиновника подкупали для совершения незаконных действий благодаря его должности, это относилось к «лихоимству».

Впервые законом, определившим наказание за взятку судей, явился Судебник 1497 года. Вопрос взяточничества более детально рассматривается в Судебнике 1550 года. Законодательство дает полное представление о чиновничьем произволе и злоупотреблениях того времени, формулирует понятие должностного преступления - вынесение неправильного решения в результате получения взятки.

Новым этапом борьбы со взяточничеством можно считать обращение в 1551 году к Стоглавому собору Ивана IV, в котором говорится о желании установления «беспосульности во всяких делах». В 1561 году вводится Судная грамота, впервые устанавливающая санкции в виде смертной казни за чрезмерность в получении взятки судебными чиновниками местного земского управления.

Анализ архивных материалов убеждает в том, что на заре становления российской бюрократии в конце XVI века взяточниче-

ство процветает в приказах, о чем свидетельствуют монастырские расходные книги. В этот период возникает новое проявление взяточничества - вымогательство. Подношение, предлагаемое заранее чело-битчиком для успешного ведения дела или с целью его ускорения, называлось «почестью». Подношения, связанные с неправильным решением дела, назывались «посул». Получали их должностные лица приказов за нарушение законов. Плата за составление отдельных бумаг и «почесть» не преследовались законом, в то время как «посул» считался взяткой. Не сложно предположить, что «почесть» была завуалированной формой разрешенной взятки. Законодательство этого периода решительно осуждает «посулы».

Наиболее подробно разработана тема «посула» в Соборном Уложении 1649 года, которое предусматривает многочисленные наказания за преступления, подпадавшие под понятие коррупции: подлог при переписке судебного дела, утайку пошлин при регистрации дел, притеснение населения [7, с. 12]. Высшие сановники (бояре, думные люди) за принятие посула подвергались штрафу в пользу государства, лишались должности при дворе и отсылались на службу в отдаленный город. Торговая казнь и исключение из службы предусматривалась для судей, в то время как низшие чины (недельщики, подьячие) за принятие или требование взятки подвергались особенно тяжкому наказанию: «отсечению руки» в совокупности с лишением должности, а также «битью батогами» [6, с. 301].

Указом «О наказании за взятки» в 1654 году привлекались к ответственности князь Александр Кропоткин, который взял с пострадавших от пожара посул в размере 150 рублей, и дьяк Иван Семенов, взявший без денег бочку вина.

К XVIII веку в России стало понятно, что взяточничество разлагает общество, подрывает бюджет страны. Петр I пытался воздействовать на вымогателей всевозможными методами и средствами, бороться с корыстными злоупотреблениями репрессивными мерами вплоть до смертной казни. Взяточничество продолжало существовать. Даже ближайшие сподвижники Петра I были крупными коррупционерами.

В целях борьбы с коррупцией Указом от 23 августа 1713 года была введена наряду с получением взятки уголовная ответственность за дачу взятки, а Указом 24 декабря 1714 года - уголовная ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по

службе [2, с. 749]. Данное преступление рассматривалось как деяние, направленное против интересов государства.

С 1715 года чиновники стали получать фиксированное жалование, тем самым законодатель стремился преодолеть коррумпированность государственного аппарата. Но жалование было скромным и выплачивалось не регулярно, поэтому взятка для чиновника была основным источником дохода.

Несмотря на искреннее желание Петра I искоренить взяточничество и направить борьбу с коррупцией в правовое русло, распространенность коррупции в органах власти по-прежнему была велика.

В период правления Екатерины II для всех чиновников окончательно утверждается денежное жалование, поэтому все иные доходы стали приравниваться к взяткам.

В XIX веке законодатель стал искать новые формы борьбы со взяточничеством. Уголовная ответственность за взяточничество вводилось в 1845 году в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Уложение предусматривало две формы взятки: взятка-благодарность и взятка-подкуп. Мздоимство наказывалось денежным штрафом в размере двойной цены подарка или снятием с должности. Получение подношения, связанного с нарушением закона и обязанностей по службе, квалифицировалось как злоупотреблению властью и наказывалось лишением свободы на срок от 1 до 3 лет или сечение розгами и отдачи в арестантские роты на срок от 2 до 5 лет [8, с. 194].

В 1862 году Сенатом был создан Особый Комитет «Для соображения законов о лихоимстве и положения предварительного заключения о мерах к истреблению сего преступления». В этом же году императором Александром II издается «анти-взяточный» Указ «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы». Причинами распространенности коррупции в России Указ назвал несовершенство законодательства, низкое жалование чиновников и несообразность преступлений и наказаний.

К началу XX века Россия представляла собой страну с развитой коррупционной сетью. На протяжении всего срока правления Романовых коррупция оставалась приоритетной статьей доходов сановников и мелких служащих [3, с. 194].

К сожалению, практика показывает, что взяточничество в России неразрывно переплелось с укладом политической жизни и общественным строем нашего государства. Правители, понимая пагубность коррупционных проявлений, предпринимали всевозможные меры для искоренения этого зла. Широкое применение карательных мер так и не привело к сокращению количества взяточников.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что исследование законодательства об ответственности за взяточничество позволяет получить знания, помогающие лучше понять причины возникновения коррупции, содействует объективным интерпретациям современных тенденций проявлений коррупции и точному прогнозированию их в будущем.

Литература

1. Евстигнеева М.С., Решетникова А.И. Проблемы квалификации взяточничества // Вестник Калужского университета. 2018. № 1. С.57-61.
2. Законодательство Петра I. – М.: Юрид.лит., 1997. – 880 с.
3. Короткова О.А., Соколов И.С. Коррупция как неотъемлемое явление государственного управления: исторический аспект // Закон и право. 2019. № 7. С. 46-49.
4. Крутиков В.К., Аракелян С.А., Дорожкина Т.В., Вольхин С.Н. Совершенствование государственной политики в борьбе с коррупцией и мошенническими схемами // Экономика и предпринимательство. 2019. № 3 (104). С.26-28.
5. Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления русского централизованного государства первой половины XVI века. – М.-Л., 1957.
6. Соборное уложение 1649 года. // Российское законодательство X-XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти томах. Т.3. / Отв. ред.: Маньков А.Г.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. - М.: Юрид.лит., 1985. – 512 с.
7. Сорокун П.В. Исторический очерк возникновения и развития взяточничества и коррупции в России // Эпоха науки. 2016. №7. С.10-16.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Российское законодательство X-XX веков: Законодательство первой половины XIX века. В 9-ти томах. Т.6. / Отв. ред.: Чистяков О.И. (Под общ. ред.) - М.: Юрид.лит., 1988. – 432 с.

References

1. Yevstigneyeva M.S., Reshetnikova A.I. Problemy kvalifikatsii vzyatochnichestva // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2018. № 1. S.57-61.
2. Zakonodatel'stvo Petra I. – M.: Yurid.lit., 1997. – 880 s.

3. Korotkova O.A., Sokolov I.S. Korrupciya kak neot'yemlemoye yavleniye gosudarstvennogo upravleniya: istoricheskiy aspekt // Zakon i pravo. 2019. № 7. S. 46-49.
4. Krutikov V.K., Arakelyan S.A., Dorozhkina T.V., Vol'khin S.N. Sovershenstvovaniye gosudarstvennoy politiki v bor'be s korrupciyey i moshennicheskimi skhemami // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2019. № 3 (104). S.26-28.
5. Nosov N.Ye. Ocherki po istorii mestnogo upravleniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva pervoy poloviny XVI veka. – M.-L., 1957.
6. Sobornoye ulozheniye 1649 goda. // Rossiyskoye zakonodatel'stvo KH-KHKH vekov: Akty Zemskikh soborov. V 9-ti tomakh. T.3. / Otv. red.: Man'kov A.G.; Pod obshch. Red.: Chistyakov O.I. - M.: Yurid.lit., 1985.– 512 s.
7. Sorokun P.V. Istoricheskiy ocherk vzniknoveniya i razvitiya vzya-tochnichestva i korrupcii v Rossii // Epokha nauki. 2016. №7. S.10-16.
8. Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 goda // Rossiyskoye zakonodatel'stvo KH-KHKH vekov: Zakonodatel'stvo pervoy poloviny XIX veka. V 9-ti tomakh. T.6. / Otv. red.: Chistyakov O.I. (Pod obshch. red.) - M.: Yurid.lit., 1988. – 432 s.

КОРОТКОВА Ольга Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26/48. E-mail: ol-korotkova@mail.ru

KOROTKOVA Olga, candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Institute of history and law of Kaluga state University. K. E. Tsiolkovsky. 248023, Kaluga, Stepan Razin str., 26/48. E-mail: ol-korotkova@mail.ru

УДК 343.852

Ткачева Н. В.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Tkacheva N. V.

OBJECTIVE SIGNS OF INVOLVEMENT OF A MINOR IN THE COMMISSION OF A CRIME

В статье излагаются проблемы, связанные с вопросами вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Вся история охраны прав и законных интересов несовершеннолетних свидетельствует о том, что охраняются они различными средствами, в том числе средствами уголовного закона. Государство так или иначе заинтересовано в ограждении несовершеннолетнего от негативного воздействия на его нормальное развитие, психику, моральные и нравственные качества. Поэтому можно отметить, что уголовный закон, в этом смысле, имеет некое социальное значение, вводя главы в уголовный кодекс, в названии которых фигурируют термины преступления против семьи и несовершеннолетних. Непосредственным объектом анализируемого состава преступления выступает общественный порядок. Потребности общества, в этой связи, направлены на нормальное нравственное развитие несовершеннолетнего. Поэтому любое привлечение несовершеннолетних к преступной деятельности противозаконно и общественно опасно, но конкретные действия взрослого лица должны быть подтверждены доказательствами с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетнего, ответственность несовершеннолетних, нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетних, преступления против семьи и несовершеннолетних.

The article presents the problems associated with the involvement of a minor in the Commission of a crime. The entire history of the protection of the rights and legitimate interests of minors shows that it is protected by various means, including criminal law. The state is one way or another interested in protecting a minor from negative impact on his normal development, psyche, moral and moral qualities. Therefore, it can be noted that the criminal law in this sense has some social significance, introducing chapters in the criminal code, in the title of which the terms crimes against the family and minors appear. The direct object of the analyzed corpus delicti is public order. The needs of society, in this regard, are aimed at the normal moral development of a minor. this is any involvement of minors in criminal activity is illegal and socially dangerous, but the specific actions of an adult must be confirmed by evidence in terms of their relevance, admissibility, reliability and sufficiency in accordance with the Criminal procedure code of Russia.

Keywords: involvement of a minor, responsibility of minors, normal physical and mental development of minors, crimes against family and minors.

Состав преступления выступает единственным юридическим основанием уголовной ответственности. А поскольку, состав преступления это совокупность объективных и субъективных признаков, позволяющих определенное общественно

опасное деяние признать соответствующим преступлением, следует остановиться на понятии объекта и объективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Не вовлекаясь в дискуссию [1, с. 27; 2,

81

Уголовно-правовая
доктрина

с. 87; 3, с. 180] о классификации объектов, отметим, что общий объект преступления это совокупность общественных отношений, которые охраняются уголовным законом; родовой объект это однородные взаимосвязанные общественные отношения, на которые посягают преступления определенной группы. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления входит в группу преступлений главы 20 и в раздел преступлений против личности. Соответственно родовой объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления это личность.

Несмотря на то, что вовлечение несовершеннолетнего это совершение им правонарушений, в том числе и преступлений, это еще посягательство на физическое и нравственное здоровье несовершеннолетнего.

В научной литературе всегда обсуждались проблемы, связанные с вопросами на что посягает совершеннолетний, вовлекая несовершеннолетнего в совершение преступления. Вся история охраны прав и законных интересов несовершеннолетних свидетельствует о том, что охраняются они различными средствами, в том числе средствами уголовного закона. Государство так или иначе заинтересовано в ограждении несовершеннолетнего от негативного воздействия на его нормальное развитие, психику, моральные и нравственные качества. Поэтому можно отметить, что уголовный закон, в этом смысле, имеет некое социальное значение, вводя главы в уголовный кодекс, в названии которых фигурируют термины преступления против семьи и несовершеннолетних. Непосредственным объектом анализируемого состава преступления выступает общественный порядок. Потребности общества, в этой связи, направлены на нормальное, с точки зрения физиологии и психологии, физическое и нравственное развитие несовершеннолетних. Термин нормальное развитие закрепился в научной, учебной литературе и законодательстве. Чаще всего при анализе авторы указывают, что такое развитие принято называть - нормальным. Есть мнения о двухобъектности данного состава преступления. Две стороны преступления можно рассматривать, с точки зрения, какое преступление было совершено несовершеннолетним при его вовлечении, и само вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Именно этим обусловлена может быть двуобъектность состава преступления ст. 150 Уголовного кодекса России. Анализ судебной практи-

ки говорит о том, что суд внимательно относится к доказательствам, подтверждающим факты вовлечения, то есть в приговорах судов указываются конкретные действия, совершенные вовлекающим совершеннолетним и проводится исследование, является это подтверждением вовлечения или нет. Но в научной литературе встречаются мнения о том, что взрослый совершая преступление и втягивая в его совершение несовершеннолетнего априори выполняет объективную сторону состава преступления ст. 150 УК РФ. Воздействие на физическое и нравственное развитие несовершеннолетнего это есть любое привлечение несовершеннолетнего к преступной деятельности. Оно противоправно и общественно опасно. Однако конкретные действия взрослого лица должны быть подтверждены доказательствами с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России.

Следует обратить внимание на части 1 и 3 статьи 150 Уголовного закона. Эти пункты содержат понятие угрозы, насилия и угрозы применения насилия. Выражаться это может в запугивании уничтожением или повреждением имущества, в нарушении телесной неприкосновенности или свободы личности, а также в нарушении безопасности благ личности.

Способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления также необходимо проанализировать, так как возникают дискуссии в научной литературе и практической деятельности. Обращаясь к толкованию органами высших судебных инстанций, видим, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий понимаются действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Такие действия могут выражаться обещаниями, обманами, угрозами, запугиваниями и это не что иное, как формы вовлечения. Перечень данных действий естественно не носит ограничительного характера, так как человеческий мозг способен «совершенствовать» эти действия в процессе их выполнения. Ухищрения и изворотливость взрослого преступника всегда будет более изощренной, нежели психика несовершеннолетнего. И придумывание взрослым преступником на ходу различных форм вовлечения предугадать невозможно. Однако Верховный Суд РФ также подчеркивает, что

сам по себе факт совместного участия взрослых с несовершеннолетними в совершении преступления не образует состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [4, с. 9-10], что подтверждается анализом приговоров судов, вынесенных в разных регионах России.

Преступление является оконченным с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Так как объект для ст. 150 УК РФ, как было проанализировано выше, нормальное физическое и нравственное воспитание и развитие несовершеннолетнего, отметим, лицо, вовлекаемое в совершение преступления это вменяемое лицо, не достигшее 18-ти лет, т. е. несовершеннолетний, более того несовершеннолетним признается лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18-ти лет (ст. 87 УК РФ).

В разное время развития государства высшие судебные инстанции обращали внимание на состав преступления вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. С 70-х годов прошлого века по настоящее время было принято три постановления Пленума Верховного Суда СССР и РФ, в 1976, 1990 и 2011 годах. Смысл разъяснений сводится к следующему: возбуждение желания и стремления у несовершеннолетнего участвовать в совершении одного или нескольких преступлений следует считать вовлечением [5, с. 147]; возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений, когда это сопряжено с применением физического или психического воздействия следует считать вовлечением. К такому воздействию можно отнести посулы, лесть, подкуп, уговоры, побои, обман, вызывание различных чувств, типа мести, зависти, социальной розни, национальной розни, интересные рассказы о красивой жизни, о быстром заработке, приобретении вожденного имущества [6, с. 513]; состав преступления является формальным, поэтому окончен он с момента вовлечения несовершеннолетнего. Выяснить совершил ли несовершеннолетний какое-либо из указанных противоправных деяний нет необходимости [7].

К преступному образу жизни можно склонять несовершеннолетнего своим опытом, своими действиями, путем просьбы оказания помощи, поэтому иногда несовершеннолетние становятся участниками группы, так сказать, по умолчанию, когда являются пособниками, под-

стрекателями. Считаем, что поведение взрослого является еще более действенной формой вовлечения, нежели угрозы и уговоры, при этом воздействие на нормальное физическое и нравственное воспитание и развитие несовершеннолетнего очень велико, так как несовершеннолетний учится примерами и опытом взрослых, что является установленным фактом с точки зрения психологии несовершеннолетнего. Практика показывает, что способы, которые избирают взрослые разнообразны. Физических и психических средств воздействия на сознание и волю подростка достаточно в арсенале взрослого лица, а в арсенале взрослого преступника более, чем достаточно. Поэтому часто взрослое лицо выступает советчиком о месте и способах совершения преступления или сокрытия следов, выполняет организаторские функции, то есть объединяет подростков в группы, прививает им преступные навыки, планирует преступную деятельность, руководит действиями подростков в момент совершения ими преступлений.

Таким образом, единый состав преступления, с общими: объектом и объективной стороной, субъектом и субъективной стороной, при этом объективную сторону образуют любые действия, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия - это вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. Наиболее сложным элементом данного состава преступления является объективная сторона. Поэтому приведем этимологию терминов, которые даны в диспозиции ст. 150 УК РФ (обещания, обман, угрозы или иной способ) и в качестве примеров несколько приговоров судов. Обещание основано на возбуждении понимания у несовершеннолетнего различных благоприятных для него и (или) его близких последствий: передать имущество, оказать помощь и т.д. Обман означает ввести в заблуждение, преподнести недостоверную информацию несовершеннолетнему, что сделать проще, в силу недостаточного обладания знаниями несовершеннолетним об окружающем мире и не сформированности жизненной позиции. Угроза это внушение несовершеннолетнему различных неблагоприятных последствий от отказа совершить преступление: распространить порочащие сведения, повредить имущество, навредить жизни или здоровью близких или самого несовершеннолетнего. Иные способы можно рассматривать в виде возбуждения чувства зависти, ме-

сти, социальной розни, давление авторитетом. Как уже отмечалось, законодатель оставляет данный перечень элементов объективной стороны открытым, так как деятельность человека, вовлекаемого несовершеннолетнего не предсказуема.

Таким образом, полагаем, что действия, влияющие на формирование целей, ценностей, жизненной позиции, взглядов, которые направлены на волевые и сознательные качества личности несовершеннолетнего, являются вовлечением. При этом, такие характеристики, как пол, степень социальной и биологической зрелости подростка, при вовлечении его в совершение преступления, значения не имеют.

Представляется целесообразным привести несколько примеров судебной практики, которые показывают, как суд рассматривает те или иные доказательства вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность. Так, Железнодорожный районный суд г. Хабаровска в приговоре указывает, что статьей 150 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, что предполагает совершение активного психического или физического воздействия совершеннолетнего, направленного на возбуждение желания несовершеннолетнего совершить преступление. Подсудимый Т.М.А. предложил совершить преступление - кражу совместно с несовершеннолетними лицами. Суд посчитал, что данное предложение свидетельствует лишь о его намерении совершить преступление группой лиц по предварительному сговору. Так же суд указывает, что в действиях Т.М.А. отсут-

ствует состав преступлений, предусмотренных по ст. 150 ч. 1 УК РФ, так как сам факт совместного с несовершеннолетним участия взрослого лица в совершении преступления не образует состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Поэтому суд оправдал Т.М.А. по указанному составу преступления [8].

Следующий пример показывает пример тех действий, которые суд признает вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность. Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону в приговоре указывает, что Блохин Я.И., 05.02.2016 года, имея умысел на вовлечение несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления иным способом, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий, заведомо и достоверно зная о несовершеннолетнем возрасте ФИО, пользуясь своим авторитетом, путем уговоров ФИО, получил от последнего согласие на совершение особо тяжкого преступления - незаконного сбыта наркотических средств, а именно на переброс на территорию ФКУ ИК для неопределенного круга лиц наркотических средств. Суд квалифицирует действия Блохина Я.И. по ч. 4 ст. 150 УК РФ, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста [9].

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления - это посягательство на интересы несовершеннолетнего, его нормальное развитие, нравственное воспитание, права и законные интересы, а также на здоровье несовершеннолетнего, как физическое, так и психическое.

Литература

1. Советское уголовное право: Учебное пособие для правовых школ. М., 1938. С. 27.
2. Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1982. С. 87.
3. Примаченок А. А. Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. Минск, 1980. С. 180.
4. Бюллетень ВС РСФСР, 1978. №6. С. 9-10.
5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 3 декабря 1976 года № 16 //Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 147. (утратил силу).
6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 25 декабря 1990 года № 5 //Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 513.(утратил силу).
7. Постановление Пленума Верховного Суда России «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной

ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 года. №1 //Российская газета. 2011. №290.
8. Приговор суда по ч. 4 ст. 150 УК РФ № 1-169/2017/<http://sud-praktika.ru/precedent/547545.html> (дата обращения 19.11.2019).
9. Приговор суда по ч. 4 ст. 150 УК РФ № 1-463/2017/<http://sud-praktika.ru/precedent/467648.html> (дата обращения 19.11.2019).

References

1. Sovetskoye ugolovnoye pravo: Uchebnoye posobiye dlya pravovykh shkol. M., 1938. S. 27.
2. Tatsiy V. YA. Ob"yekt i predmet prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu. Khar'kov, 1982. S. 87.
3. Primachenok A. A. Problemy bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnikh. Minsk, 1980. S. 180.
4. Byulleten' VS RSFSR, 1978. №6. S. 9-10.
5. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva po delam o prestupleniyakh nesovershennoletnikh i o vovlechenii ikh v prestupnyuyu i inuyu antiobshchestvennyuyu deyatel'nost'» ot 3 dekabrya 1976 goda № 16 //Sbornik postanovleniy Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR (Rossiyskoy Federatsii) po ugovnym delam. M., 1995. S. 147. (utratil silu).
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh nesovershennoletnikh i o vovlechenii ikh v prestupnyuyu i inuyu antiobshchestvennyuyu deyatel'nost'» ot 25 dekabrya 1990 goda № 5 //Sbornik postanovleniy Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR (Rossiyskoy Federatsii) po ugovnym delam. M., 1995. S. 513. (utratil silu).
7. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii «O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh» ot 1 fevralya 2011 goda. №1 // Rossiyskaya gazeta. 2011. №290.
8. Prigovor suda po ch. 4 st. 150 UK RF № 1-169/2017/<http://sud-praktika.ru/precedent/547545.html> (data obrashcheniya 19.11.2019).
9. Prigovor suda po ch. 4 st. 150 UK RF № 1-463/2017/<http://sud-praktika.ru/precedent/467648.html> (data obrashcheniya 19.11.2019).

ТКАЧЕВА Наталья Викторовна, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Юридического института Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. 454136, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, д. 58-В. E-mail: tanavi@list.ru

TKACHEVA Natalia, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Law Institute, South Ural State University, candidate of law of sciences, S. lecturer. Bld.58-V, Molodogvardejzev Str., Chelyabinsk, 454136. E-mail: tanavi@list.ru

Ковалева Н. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Kovaleva N. S.

PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL FEATURES OF THE AGE OF FEMALE MINORS

В статье рассматривается вопрос, относящиеся к характеристике возрастных особенностей несовершеннолетних лиц женского пола, а именно анализируются психологические и социальные возрастные особенности. Так же выделены и рассмотрены этапы формирования личности несовершеннолетнего подростка женского пола.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица женского пола, возрастные особенности, психологические особенности, социальные особенности.

The article deals with the issue relating to the characteristics of the age characteristics of female minors, namely, the psychological and social age characteristics are analyzed. The stages of the formation of the personality of a female minor teenager are also highlighted and considered.

Keywords: female minors, age characteristics, psychological characteristics, social characteristics.

Не вызывает сомнения тот факт, что несовершеннолетние в целом и несовершеннолетние лица женского пола в частности обладают целым рядом психологических и социальных особенностей. Эти особенности должны быть учтены, в частности, при регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних. Проанализируем эти особенности. Так, в научной литературе традиционно отмечается, что именно в периоде 14–17 лет протекают такие процессы как:

- 1) период перехода с детской жизни к взрослой;
- 2) непосредственное нравственное и физическое созревание;
- 3) выделение особых навыков и новых знаний;
- 4) готовность входа в реальную жизнь в полном объеме.

В психологии выделяются несколько этапов формирования личности подростка:

- старший подростковый возраст – 13–15 лет;
- ранний юношеский возраст, начинающийся примерно с 16 лет и заканчивающийся к 18 годам;
- младший подростковый возраст, который включает в себя период развития от 11 до 12 лет [1, С. 41].

Характеристика этой группы тоже имеет значение для нас, поскольку подростки, входящие в более старшие возрастные группы, сохраняют многие характерные черты, свойственные данной возрастной группе. Как отмечает С.Е. Корблев, любые психологические новообразования младшего возраста изменяют возможности ребенка, а, следовательно, и сферу его интересов и мотивов поведения [3. С. 10].

Р.А. Леонова, утверждает, что для несовершеннолетних лиц женского пола (малолетних) характерны такие общие особенности, как: недостаток социального опыта; повышенная эмоциональная возбудимость; склонность к подражанию, поиску авторитетов; подверженность влиянию посторонних; несформированность и неустойчивость взглядов, максимализм [4. С. 19].

Так же несовершеннолетние лица женского пола (малолетние) ориентируются на личное материальное благополучие, на жизнь по принципу «как хочется», на самоутверждение, на собственную «совесть», содержание которой часто противоречит принципам общественной морали и права.

В отличие от взрослых, подростки не в

состоянии использовать свой и чужой негативный опыт как критерий оценки своего поведения. Психологии данного возраста свойственно поверхностное переживание страха за социальные последствия собственных правонарушений [4, С. 16].

Характерной чертой поведения подростков является реакция эмансипации. Важно иметь в виду выраженные в этом возрасте акцентуации характера, которые носят эклектический характер.

Однако несовершеннолетние все же отличаются друг от друга по физическим и психологическим особенностям, по степени социальной зрелости.

Дадим краткую характеристику особенностям вышеуказанных возрастных групп.

Л. М. Прокументов, указывает, что младший подростковый возраст – это переход от детства к отрочеству, в процессе которого начинается физиологическая перестройка организма. Эта перестройка в определенной степени влияет на организм подростка, хотя и не является фатальной. Начинается половое созревание, увеличивается дисгармония в развитии подростка [6, С. 5].

У подростка накапливаются огромные энергетические возможности, как правило, нереализованные, учитывая его относительную несамостоятельность. Нерастраченная энергия нередко выливается в неадекватные поступки, в том числе противоправные.

По мнению Н. В. Ольховик, подростки начинают сомневаться в авторитетах, у них начинает проявляться стремление к самостоятельности, начинают искать друзей, которым можно было бы подражать, и часто находят друзей, которым не следовало бы подражать [5, С. 90].

Старший подростковый возраст сохраняет многие черты, свойственные младшему, однако имеет свои особенности.

По мнению И.С. Кон, в старшем подростковом возрасте нервная система подростков еще продолжает формироваться, но организм подростков заметно крепнет, появляется физическая сила. У старших подростков заметно возрастание интереса к общим проблемам жизни, самооценка становится более адекватной, но она еще далека от объективности. У подростков этого возраста развито чувство собственного достоинства. Их характерной чертой является повышенная необходимость в общении [2, С. 41].

В раннем юношеском возрасте юноша по своему физическому развитию вплот-

ную приближается к взрослым. Эта возрастная группа отличается большой социальной неоднородностью, здесь мы можем встретить учащихся школ, профессиональных лицеев, техникумов, вузов, не работающих и не учащихся. У юношей этого возраста происходят большие изменения в сфере оценочных суждений, у них более зрелые суждения о жизни, бурно нарастает потребности самоутверждения. Трудности в общении могут свидетельствовать об определенных деформациях развития, об отсутствии позитивных связей со сверстниками [2, С. 41].

Не вызывает сомнения тот факт, что подростковый возраст является своего рода определяющим для всей дальнейшей жизни подростка, так как присущие ему особенности и психологические изменения при определенных условиях жизнедеятельности и воспитания становятся устойчивыми чертами личности человека.

К возрастным особенностям несовершеннолетних лиц женского пола следует отнести: повышенную необходимость в общении, в поиске авторитетов; наличие гипертрофированного чувства взрослости; недостаток социального опыта и, как следствие, несформированность умения разрешать возникающие конфликты социально одобряемыми способами.

Количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних лиц женского пола прежде всего зависят от возрастных особенностей лиц, которые совершают преступления. В частности, данные особенности влияют на преимущественно групповой характер преступности несовершеннолетних. В связи с этим согласимся с тем, что «участие несовершеннолетних в различных групповых образованиях необходимо рассматривать в качестве одной из важнейших особенностей данного возраста» [6, С. 13]. Участие несовершеннолетних в деятельности групп является абсолютно естественным для них поведением.

Так же необходимо заметить, что возрастные особенности несовершеннолетнего лица женского пола не единственное обстоятельство, которое выявляет преступное поведение, так как принятые нормы общества и диванное поведение девушки непосредственно зависит от социальных условий, в которых находятся несовершеннолетние лица женского пола, и прежде всего от воспитания.

Возрастные особенности несовершеннолетних лиц женского пола, хотя и влияют на их поведение, в том числе и на совершение преступлений, но не являются

ся первопричиной таких поступков, а выступают в роли катализатора, который способствует тому, что в определенной объективной ситуации, под воздействием благоприятных внешних условий и обстоятельств подросток поступает подобным образом.

Таким образом, можно сделать вывод, что вышеуказанные психологические и

социальные особенности несовершеннолетнего возраста должны учитываться как при определении границ уголовной ответственности, так и при определении особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних в современном российском уголовном законодательстве.

Литература

1. Крутецкий В.А. Психология: учебник / В.А. Крутецкий. – М.: Просвещение, 1980. – С. 41.
2. Кон И.С. Психология старшеклассника: пособие для учителей / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1980. – С.41.
3. Кораблев С. Е. Психология в деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних: учебное пособие. / С. Е. Кораблев – Воронеж, 2010. – С. 10
4. Леонов Р.А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Р.А. Леонов. – М., 2011. – С. 16
5. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение / Л.М. Прокументов, Н.В. Ольховик. – Томск: Издательство Том. – ун-та, 2009. – С. 90
6. Прокументов Л. М. Уголовная ответственность несовершеннолетних / Л.М. Прокументов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С.13,5.

References

1. Krutetskiy V.A. Psikhologiya: uchebnik / V.A. Krutetskiy. – М.: Prosveshcheniye, 1980. – S. 41.
2. Kon I.S. Psikhologiya starsheklassnika: posobiye dlya uchiteley / I.S. Kon. – М.: Prosveshcheniye, 1980. –S.41.
3. Korablev S. Ye. Psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov podrazdeleniy organov vnutrennikh del po delam nesovershennoletnikh: uchebnoye posobiye. / S. Ye. Korabelev – Voronezh, 2010. –S. 10.
4. Leonov R.A. Obshchestvenno opasnyye deyaniya (prostupki), sovershayemye litsami, ne dostigshimi vozrasta ugolovnoy otvetstvennosti: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / R.A. Leonov. – М., 2011. –S. 16.
5. Ol'khovik N.V. Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i yeyo preduprezhdeniye / L.M. Prozumentov, N.V. Ol'khovik. – Tomsk: Izdatel'stvo Tom. – un-ta, 2009. –S. 90.
6. Prozumentov L. M. Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnikh / L.M. Prozumentov. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2015. – S.13,5.

КОВАЛЕВА Надежда Сергеевна, аспирантка кафедры уголовного права и криминологии, Челябинский государственный университет. 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129. E-mail: nmichunova@mail.ru

KOVALEVA Nadezhda, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Chelyabinsk State University. 454001, Chelyabinsk, st. Kashirin brothers, 129. E-mail: nmichunova@mail.ru

УДК 347.965

Даровских С.М.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ВЫСТУПЛЕНИЙ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ПРЕНИЯХ

Darovskikh S. M.

ON IMPROVEMENT OF SPEECHES OF THE ADVOCATE-DEFENDER IN THE DISPUTES

В статье рассматриваются проблемные вопросы участия адвоката -защитника в судебных прениях. Автор исследует вопросы обязательности выступления адвоката-защитника участвующего в деле в прениях, целесообразность подготовки не текста выступления, а тезисов, поскольку в речи защитнику приходится давать оценку доводам, приведенным в выступлении государственного обвинителя. В статье затронуты вопросы содержания выступления защитника, а также обоснована целесообразность ознакомления с протоколом судебного заседания, а в случае необходимости, принесения замечаний на не точное отражение в протоколе защитительной речи адвоката.

Ключевые слова: адвокат-защитник, выступление, прения, этика адвоката.

The article discusses the problematic issues of the participation of a defense attorney in judicial debate. The author examines the issues of the obligatoriness of the speech of the defense attorney participating in the debate, the feasibility of preparing not the text of the speech, but the theses, since in the speech the defense attorney has to assess the arguments presented in the speech of the public prosecutor. The article touches on the content of the defense counsel's statement, as well as substantiates the need to familiarize himself with the protocol of the court hearing, and if necessary, bring comments to reflect in the protocol the defense lawyer's speech.

Keywords: advocate, speech, debate, mistakes, advocate ethics.

Выступление представителей сторон в судебном заседании представляет собой завершение важного этапа судебного разбирательства – судебного следствия. Стороны получают возможность высказать свое мнение относительно исследованных обстоятельств дела, их полноту, объективность представления в судебном разбирательстве, подвести итог всему ходу судебного следствия, обратить внимание суда на важные, по их мнению, моменты, касающиеся участия обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении. Следует отметить, что законодатель в статье 292 УПК РФ не указывает на обязательность участия в прениях представителей сторон, а на практике стали

встречаться случаи когда защитники, по разным причинам, в том числе и по желанию своего доверителя, стали отказываться от участия в прениях, тем самым создавая определенные сложности для суда и очередной повод для возбуждения дисциплинарного производства. По опубликованным данным только в Самарской области в 2005 году к дисциплинарной ответственности был привлечен каждый десятый адвокат [1]. Проблема отказа защитников от выступлений в суде стала предметом рассмотрения не только в Совете Федеральной палаты адвокатов, но и в Конституционном Суде РФ.

Согласно разъяснения Экспертно-методической комиссии Совета Федераль-

ной палаты адвокатов в связи со случаями невыполнения адвокатами-защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающих права доверителей на защиту, от 23 марта 2011 года и Определения Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 года №2873-О к числу обязанностей адвоката-защитника, которые он должен выполнять в интересах подзащитного на основании требования статьи 292 УПК Российской Федерации независимо от воли подзащитного, относится и участие в прениях сторон [7]. Аналогичную позицию занял и Верховный Суд РФ, который рассматривает отказ защитника от участия в прениях, вне зависимости от причин данного отказа, как нарушение права на защиту, что влечет отмену судебных решений [2]. Таким образом, отказ от выступления в прениях, адвоката-защитника, участвующего в уголовном деле, недопустим, вне зависимости от того какими причинами руководствовался адвокат, принимая данное решение.

Значимость выступления защитника в прениях предопределяется тем, что прения сторон - это обязательная часть судебного разбирательства и адвокат-защитник вне зависимости от желания своего доверителя, обязан участвовать в прениях, оказывая тем самым квалифицированную юридическую помощь, излагая согласованную со своим доверителем позицию в отношении всех установленных обстоятельств дела.

Нам представляется что для эффективной реализации данного положения, целесообразно в 1 статье 292 УПК РФ изложить в следующей редакции «Прения для сторон обязательны и состоят из речи обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый».

Ученые и практикующие юристы, обращаясь к вопросу подготовки адвоката к выступлению в прениях, часто затрагивают вопрос целесообразно ли писать речь заранее и, как правило, отмечают, что все-таки каждый защитник сам для себя определяет необходимость подготовки текста выступления заранее. В целом соглашаясь с таким мнением, считаем, что уровень подготовки защитника к выступлению зависит от многих моментов и в том числе от того участвовал ли адвокат по данному делу в досудебных стадиях или он вошел в процесс на стадии судебного разбирательства, как часто он общался со своим доверителем или это было поверхностное общение, насколько хорошо изучил материалы дела и разобрался в доказательствах вины доверите-

ля, собранных следствием, какой опыт работы в качестве адвоката он имеет и от многого другого. Однако при любом даже самом благоприятном стечении обстоятельств, адвокат не может запомнить абсолютно все детали каждого уголовного дела находящихся у него в производстве. Кроме того, после окончания предварительного расследования и назначения уголовного дела к слушанию, проходит достаточно много времени, что также не позволяет защитнику полагаться на свою память. Именно поэтому он ведет наблюдательное производство, делает выписки из дела, снимает копии необходимых документов, делает записи в ходе судебного следствия. Наличие указанных документов, выписок, копий и позволяют защитнику подготовить тезисы выступления и выступить с содержательной речью, даже не имея заранее разработанного текста выступления. Надо также учитывать, что защитник выступает после государственного обвинителя, доводы которого следует учитывать и возможно проанализировать в своей речи. Следует учитывать мнение и доводы других защитников, выступавших ранее, относительно каких-то обстоятельств дела, касающихся доверителя и сослаться на них в своем выступлении. Эти моменты исключают возможность использовать заранее написанное выступление, но подтверждают целесообразность подготовки тезисов, которые обеспечат полноту и содержательность речи, позволят не упустить и проанализировать все доводы, на которых основывают свою позицию процессуальный противник.

Уголовно-процессуальный закон и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не содержат рекомендации ни по содержанию, ни по структуре выступления адвоката.

Практикой выработана такая структура выступления, которая позволяет логично, последовательно остановиться на всех необходимых моментах конкретного дела. Фактически любая речь складывается из трех основных элементов: выступления, основной части и заключения.

Начало речи защитника – это весьма важный момент, позволяющий привлечь внимание слушателей и в первую очередь состава суда, поскольку в целом-то речь предназначена именно суду (судье). Обсуждая начало выступления в литературе отмечается, что оно может быть шаблонным, скучным, например, «мой подзащитный обвиняется в совершении преступления...» и так далее. В литературе можно

встретить и другие предложения относительно способов привлечь внимание к своему выступлению, с которыми согласиться вряд ли возможно, например А. Гривцов указывает на целесообразность во вступлении высказать благодарность участникам процесса за совместно проведенную работу по исследованию обстоятельств дела [4].

Если представить, что эта благодарность звучит после выступления государственного обвинителя, который только что на основании данных исследованных обстоятельств дела, признал доверителя, этого благодарного адвоката, виновным и предложил назначить ему наказание, а защитнику предстоит оспаривать оценку, которую государственной обвинитель дал установленным обстоятельствам дела, то такая благодарность звучит более чем странно и, как нам представляется, совершенно неуместно поскольку в зале находится и доверитель и возможно его близкие люди, которые доверили этому «благодарному адвокату» судьбу человека.

Что касается содержания речи то вполне логично, что в речи следует делать упор на вопросах, которые в соответствии со ст. 299 УПК РФ суд должен разрешить при постановлении приговора, а также указать на наличие процессуальных нарушений, если они были допущены должностными лицами в ходе предварительного расследования и затрагивают права доверителя. Мы полагаем, что сложно согласиться с М.В.Масловой, которая указывала, что речь адвоката -защитника должна быть направлена на обеспечение полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела [5]. Такая позиция защитника возможна только в том случае, если его доверитель полностью, безоговорочно признает свою вину и полностью согласен с предъявленным обвинением, что бывает крайне редко. Обвиняемые стараются максимально возможно улучшить свое положение и уменьшить свою роль в содеянном. Поэтому они, как правило, не готовы выяснять обстоятельства дела полно, всесторонне и объективно. Поскольку адвокат связан позицией своего клиента, следовательно и он не может со своей стороны проявлять подобного рода инициативу, ухудшая положение своего подзащитного.

Полагаем, что в своей защитительной речи адвокат должен поддерживать ту версию, которая соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела и которая была им разработана в соответствии с позицией своего доверителя. Ре-

ализуя данную задачу, защитник должен опровергать доводы обвинения, приводить доказательства в пользу своего клиента. Например, по уголовному делу г-на И. обвиняемого по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ в совершении умышленного убийства малолетнего ребенка путем удара головой об угол металлического гаража, защитник, поддерживая позицию своего доверителя, отрицавшего вину в умышленном убийстве, приводил доводы в пользу своей версии происшедшего, суть которой в том, что супруги ссорились, отбирали друг у друга малолетнего ребенка и когда ребенок находился на руках у И., обвиняемый по неосторожности, отворачиваясь от жены, желавшей забрать сына, головкой ребенка задел металлический угол гаража. Ребенку были причинены телесные повреждения несовместимые с жизнью. Данная позиция нашла понимание у суда, который переквалифицировал действия И. на ч. 1 ст.109 УК РФ.

Позиция адвоката должна быть тщательно продумана и последовательна. Недопустимо, когда адвокат, не определившись до конца со своей позицией, предлагает для суда альтернативные варианты решения. На наш взгляд, такой подход должен быть полностью исключен и рассматриваться Советом адвокатской палаты как грубое нарушение должного и возможного поведения адвоката и никакие оправдания, в том числе и желание клиента, не должны рассматриваться как уважительные.

Если меняется позиция клиента, то адвокат обязан изменить и свою, но не предлагать различные варианты решений. При изучении судебной практики можно встретить различные ситуации изменений позиции адвоката, в связи с тем, что доверитель менял свою, например Президиум Вологодского областного суда, проверяя доводы жалобы о несоответствии позиции адвоката К. в прениях сторон позиции самого осужденного, указал следующее. Как видно из показаний Д., он отрицал свою вину в разбойном нападении. Утверждал, что в ходе обоюдной драки с вооруженным ножом П. он также достал нож и, размахивая им в ходе самообороны, мог задеть потерпевшего по руке. Кроме того, нанес П. несколько ударов ногами и руками по телу. В протоколе судебного заседания речь адвоката К. действительно изложена противоречиво. Из протокола следует, что, поддержав позицию подзащитного в прениях, адвокат обратил внимание суда на отсутствие доказательств хищения и на непризнание подсудимым своей вины в причинении

тяжкого вреда здоровью П., однако просил квалифицировать действия Д. по ч. 1 ст. 114 УК РФ. Для разрешения указанных противоречий президиум заслушал адвоката К., который пояснил, что записанная в протоколе судебного заседания фраза о квалификации действий Д. по ч. 1 ст. 114 УК была предложена им как один из вариантов в случае, если суд отвергнет доводы защиты о невиновности Д. в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Данные адвокатом пояснения нашли подтверждение в материалах дела. Из протокола судебного заседания видно, что Д. против доводов адвоката не возражал. В кассационной жалобе на приговор, а впоследствии и в надзорной жалобе осужденный не только не указал на нарушение его права на защиту, но и просил квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 158 УК, фактически признавая вину в причинении тяжкого вреда здоровью П. В суде второй инстанции адвокат К. поддержал изменившуюся позицию своего подзащитного. При указанных обстоятельствах президиум признал, что право осужденного Д. на защиту нарушено не было [3].

В заключительной части речи адвокат-защитник подводит итог своему выступлению. Кратко формулирует суть позиции и свое мнение относительно содержания предстоящего судебного решения. Нам представляется, что адвокаты не могут высказывать свое мнение о мере наказания в виде просьбы к суду «Прошу назначить моему подзащитному такое-то наказание» или «прошу признать моего доверителя виновным в совершении такого-то преступления». Такой финал речи полностью нивелирует все сказанное ранее защитником и суд удаляется в совещательную комнату сознавая что все и государственный обвинитель, и защитник просили его признать обвиняемого виновным и назначить ему наказание. Смысл выступления представителя стороны защиты после государственного обвинителя и состоит в том, чтобы опровергнуть доводы обвинения, поставить их под сомнение и именно защищать человека находящегося на скамье подсудимых и уж ни в коем случае не поддерживать обвинителя и его позицию.

В связи с выступлением адвоката-защитника в прениях, возникает еще один весьма важный аспект, это фиксация речи выступающего в прениях лица. Проводимые в данном направлении исследования показали, что в абсолютном большинстве протоколов, секретари судебного заседания отражают речь защитника кратко, используют шаблоны, например, указывают в завершении речи просьбу защитника таким образом «Прошу признать моего подзащитного виновным и назначить меру наказания в виде...». И даже если данная просьба отличается от предложения государственного обвинителя по квалификации действий подсудимого и меры наказания своим более мягким содержанием, такой итог выступления защитника не коррелирует с его предназначением в процессе. Н.Н.Полянский правильно писал, что «Как магнитная стрелка компаса всегда указывает на север, так основная норма поведения адвоката-защитника в процессе должна всегда напоминать ему о его обязанности защищать» [6]. Если в последующем такой протокол судебного заседания используется в качестве доказательства в проверочных стадиях процесса, то судьи вправе будут указать на то обстоятельство, что даже защитник обвиняемого в судебном следствии высказывал просьбу о его наказании. Данный пример позволяет прийти к еще одному выводу. Адвокат должен вне зависимости от исхода дела, знакомиться с протоколом судебного заседания и при обнаружении несоответствия протокола, содержанию своего выступления, приносить замечания, и эта деятельность должна составлять неотъемлемую часть его работы в стадии судебного разбирательства.

В целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства и эффективности оказания квалифицированной юридической помощи Советам Адвокатских палат субъектов РФ, целесообразно повысить качество контроля как за участием адвокатов непосредственно в судебном разбирательстве, так и за его деятельностью, связанную с данным уголовным делом, после завершения судебного следствия.

Литература

1. Статистические сведения приводятся по Вестнику палаты адвокатов Самарской области// Бюллетень. – 2006. – №1(7).
2. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ №30-008-09 2008 г.; Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 41-010-47 2010 г.
3. Постановление президиума Вологодского областного суда от01.02.2016 №44у-10//Режим доступа <http://zakon.ru>

4. Гривцов А. О работе адвоката в прениях сторон по уголовному делу //Режим доступа <http://zakon.ru>
5. Маслова М.В. Речь защитника в прениях и репликах сторон //Союз криминалистов и криминологов. – 2015. –№ 1-2. – С.88-99.
6. Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. – М., 1927. – С.22.
7. Разъяснение в связи со случаями невыполнения адвокатами-защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающими права доверителей на защиту. См: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017г. №2873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации»

References

1. Statisticheskiye svedeniya privodyatsya po Vestniku palaty advokатов Samarskoy oblasti// Byulleten'. – 2006. – №1(7).
2. Opredeleniye Sudebnoy kollegii Verkhovnogo Suda RF №30-008-09 2008 g.; Opredeleniye Sudebnoy kollegii Verkhovnogo Suda RF № 41-010-47 2010 g.
3. Postanovleniye prezidiuma Vologodskogo oblastnogo suda ot01.02.2016 №44u-10//Rezhim dostupa <http://zakon.ru>
4. Gritvsov A. O rabote advokata v preniyakh storon po ugovolnomu delu //Rezhim dostupa <http://zakon.ru>
5. Maslova M.V. Rech' zashchitnika v preniyakh i replikakh storon //Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2015. –№ 1-2. – С.88-99.
6. Polyanskiy N.N. Pravda i lozh' v ugovolnoy zashchite. – М., 1927. – С.22.
7. Raz'yasneniye v svyazi so sluchayami nevypolneniya advokatami-zashchitnikami svoikh professional'nykh obyazannostey, narushayushchimi prava doveriteley na zashchitu. Sm: Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2017g. №2873-О «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Saygakova Alekseye Alekseyevicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav polozheniyami chastey pervoy i tret'yey stat'i 50, chastey pervoy i tret'yey stat'i 51, chasty vtoroy stat'i 52, chasty vtoroy stat'i 248, chasty pervoy stat'i 292, chasty pervoy stat'i 293, stat'i 294 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe punkta «v» chasty tret'yey stat'i 146 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»

ДАРОВСКИХ Светлана Михайловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, и экспертной деятельности Челябинского государственного университета. 454021, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, каб.310. E-mail: darsvet@mail.ru

DAROVSKIKH Svetlana, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, and Expert Activity at Chelyabinsk State University. 454021, Chelyabinsk, ul. Kashirin brothers, 129, room 310. E-mail: darsvet@mail.ru

Беляева И. М., Кусаинова А. К., Нурғалиев Б. М.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОСЛУШИВАНИЯ И ЗАПИСИ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО И НЕГЛАСНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Belyaeva I.M., Kussainova A.K., Nurgaliyev B.M.

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF LISTENING AND RECORDING OF TELEPHONE NEGOTIATIONS AS AN OPERATIVE-SEARCH AND UNCOVERED INVESTIGATIVE ACTION IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Статья посвящена рассмотрению теоретических и практических проблем прослушивания и записи телефонных переговоров как оперативно-розысчного и негласного следственного действия в законодательстве Республики Казахстан. В статье рассматривается зарубежная практика оснований и условий проведения прослушивания и записи телефонных переговоров (Страны Европы, СНГ), особенности, изъятия и ограничения их проведения. Оцениваются результаты анализа уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, регулирующего вопросы прослушивания и записи телефонных переговоров, отмечаются некоторые положительные стороны как зарубежного, так и казахстанского законодательства, а также правоприменительной практики.

Ключевые слова: расследование, уголовное судопроизводство, негласное следственное действие, прослушивание и запись телефонных переговоров.

The article is devoted to the consideration of theoretical and practical problems of wiretapping and recording telephone conversations as an operational-search and secret investigative action in the legislation of the Republic of Kazakhstan. The article discusses the foreign practice of the grounds and conditions for wiretapping and recording telephone conversations (Europe, CIS), features, seizures and restrictions on their conduct. The results of the analysis of the criminal procedural legislation of foreign countries, regulating the issues of wiretapping and recording telephone conversations, are evaluated, some positive aspects of both foreign and Kazakhstani legislation, as well as law enforcement practice are noted.

Keywords: investigation, criminal proceedings, covert investigative action, listening and recording telephone conversations.

Одной из приоритетных задач любого цивилизованного государства является укрепление национальной безопасности, борьба с преступностью и коррупцией. При этом необходимо соблюдение провозглашенных конституциями прав и законных интересов граждан. Согласно

ст. 18 Конституции РК каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства, в том числе право на тайну телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничения этого права допускаются

только в случаях и в порядке, прямо установленных законом [1]. Проводимые в Казахстане глубокие реформы в социально-экономической сфере обусловили необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленных на гуманизацию общества, отказ от репрессивной политики.

К сожалению, ни законодатель, ни правоохранительные органы не смогли своевременно спрогнозировать негативные последствия этих реформ и принять упреждающие меры с учетом новых реалий в жизни общества и государства. Все это неизбежно привело к снижению эффективности работы всей правоохранительной системы и органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, в особенности [23].

Надо отметить, что преступные элементы, в отличие от правоохранительных органов, быстро приспособились к изменившимся современным условиям, воспользовавшись законодательной лихорадкой и несовершенством действующего законодательства, совершая действия, далеко выходящие за рамки правомерного поведения. Нередко, в целях быстрого достижения преступного результата, мобильности действий, оказания давления на участников судопроизводства используются различные технические средства, в том числе телефонная и иная мобильная связь, а также различные переговорные устройства. Органы, осуществляющие борьбу с преступностью, должны иметь адекватные процессуальные меры, используя при этом новейшие достижения науки и техники, направленные на предупреждение, пресечение подготавливаемых и раскрытие совершенных общественно-опасных деяний, особенно тяжких, особо тяжких преступлений, совершаемых коррумпированными и организованными преступными группами и сообществами.

Организованная преступность, высокая техническая оснащенность и глубокая конспирация действий преступных групп, сложности в изобличении как самих исполнителей, так и организаторов, побуждают законодателя совершенствовать правовые возможности в борьбе с преступностью, а правоохранительные органы имеющиеся средства и способы собирания доказательств. Большой спецификой среди доказательств обладают доказательства, основанные на негласном прослушивании и записи телефонных переговоров, поскольку непосредственно затрагивают право каждого гражданина на личную и семейную тайну, неприкосновенность частной жизни.

В Республике Казахстан до настоящего времени рассматриваемая проблема не стала объектом пристального внимания ни для ученых, ни для практических работников, хотя с существенными изменениями процессуального законодательства возникают множество вопросов как у практических работников органов дознания, следствия, судей, адвокатов и граждан нашей страны. Особенно остро эта проблема встала в связи с введением в казахстанский уголовный процесс нового понятия, как негласные следственные действия.

Необходимость более подробного исследования вызвана также не только наличием статьи в уголовно-процессуальном законе, предусматривающей возможность прослушивания и записи переговоров, но и наличием аналогичного оперативно-розыскного мероприятия в Законе РК «Об оперативно-розыскной деятельности», разграничением сферы их применения и внесенными в законодательство изменениями, а также необходимостью дальнейшей разработки правовой регламентации и тактики его производства. Требуют также разрешения возникающие в связи с этим проблемы, связанные с применением данной уголовно-процессуальной нормы в отечественной и зарубежной судебно-следственной практике.

Право на защиту частной жизни, в т.ч. корреспонденции и переговоров требует специальной защиты, поэтому во многих странах мира приняты соответствующие законы, чтобы исправить последствия нарушений прав человека в этой области при тоталитарных режимах прошлых лет. Случаи ограничения такого права возможны только законодательно и непременно в случае угрозы национальной безопасности [2, 12]. Большинство стран ограничило это право с предупреждением тяжких и особо тяжких преступлений, а некоторые страны специальными законами определили перечень преступлений, предупреждение или раскрытие которых позволяет вмешательство в частную жизнь подозреваемых, обвиняемых и других лиц. В соответствии с международными стандартами, целый ряд государств законодательно определил положения, четко устанавливающие период такого вмешательства, сложные процедуры получения разрешения на такое вмешательство, а также условия и порядок хранения и уничтожения полученной при прослушивании информации. Во многих странах созданы независимые контролируемые органы для постоянного наблю-

дения за надлежащим соблюдением права на частную жизнь граждан правоохранительными органами и органами национальной безопасности, что соответствует международным стандартам в области защиты частной жизни [3].

По УПК РК прослушивание и (или) запись голосовой информации с применением научно-технических средств и (или) компьютерных программ, передающейся по телефону или другим устройствам, позволяющим передавать голосовую информацию, производство которых, при необходимости, возможно путем негласных проникновения и (или) обследования, именуется как негласное следственное действие, (а их всего 10) и содержатся оно в главе 30.

Все они производятся при наличии одного из следующих оснований:

- по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы от одного года и выше,
- при подготовке или совершении преступления преступной группой.

В неотложных случаях, когда имеется реальная угроза жизни или здоровью человека, отношениям собственности, по заявлению заинтересованного лица или с его письменного согласия, прослушивание и (или) запись голосовой информации осуществляется на основании мотивированного постановления органа досудебного расследования, который обязан в течение суток с момента вынесения постановления уведомить об этом прокурора.

Круг лиц, в отношении которых возможно прослушивание и (или) запись голосовой информации жестко ограничен положениями п. 7 ст. 232 УПК РК. Как правило, это подозреваемый в совершении преступления, потерпевший (с его письменного согласия). Реже такое мероприятие осуществляется в отношении третьих лиц, при условии, что орган досудебного расследования обладает информацией о том, что эти лица получают или передают информацию, имеющую существенное значение для дела.

Та же норма УПК РК предоставляет возможность прослушивания и (или) записи голосовой информации в отношении тех лиц, на которых в заявлении или сообщении об уголовном правонарушении указано как на лицо, его готовящее, совершающее или совершившее.

Еще одна категория лиц, в отношении которых возможно прослушивание и (или) запись голосовой информации – это лица, которые, по мнению органа до-

судебного расследования, имеют непосредственное отношение к расследуемому правонарушению либо обладают сведениями о нем (на стадии подготовки, либо совершения).

Уголовно-процессуальное законодательства Республики Казахстан позволяет осуществлять прослушивание и запись телефонных переговоров непрерывно в течение срока его проведения, в любое время суток, при этом ограничивает возможность прослушивания телефонных переговоров сроком в 30 суток, предусматривая продление этого срока еще на 30 суток. В любом случае, для проведения данного мероприятия требуется санкция следственного судьи, даже если прослушивание началось как не терпящее отлагательства [4].

Стоит отметить, что еще в 2008 году, до принятия нового УПК РК, высказывались обоснованные замечания к проекту Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам оперативно-розыскной деятельности», в частности, относительно норм, регулирующих в УПК вопросы прослушивания и записи телефонных переговоров и в Закон от 15.09.1994 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]. Отмечалось, что содержание ст. 237 УПК РК и предлагаемые правоохранительными органами предложения вызывает серьезные опасения и возражения. В частности, негласное прослушивание и запись разговоров с использованием видео-, аудиотехники или иных специальных технических средств, а также прослушивание и запись переговоров, ведущихся с любых устройств, предназначенных для переговоров (в том числе телефонов) можно было применять не только к подозреваемым или обвиняемым в совершении конкретного преступления, но и в отношении иных лиц, таким процессуальным статусом не обладающим.

К сожалению, эти нормы остались и в новом законодательстве от 2015 года и противоречат международным стандартам и международной практике, в соответствии с которыми перехват сообщений и негласное прослушивание и запись осуществляется очень ограниченно и с соблюдением жестких процедур. В казахстанском законе отсутствует условие, ограничивающее право правоохранительных органов проводить перехват сообщений и негласное прослушивание и запись переговоров только расследованием тяжких и особо тяжких преступлений. Как указывалось нами выше, некоторые страны даже специальными закона-

ми определили перечень тяжких и особо тяжких преступлений, предупреждение или раскрытие которых позволяет вмешательство в частную жизнь подозреваемых, обвиняемых и других лиц.

Анализ казахстанского оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства также не дает внятных пояснений относительно различий норм перехвата сообщений и прослушивания и записи телефонных переговоров в этих законах, а также процедур их производства.

Негласный контроль сетей электрической (телекоммуникационной) связи – негласное прослушивание и (или) запись голосовой информации с применением научно-технических средств и (или) компьютерных программ, передающейся по телефону или другим устройствам предусмотрен статьёй 11 (п. 21) как одно из оперативно-розыскных мероприятий, а также статьёй 3 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» в числе специальных оперативно-розыскных мероприятий [6].

Основаниями проведения оперативно-розыскных мероприятий, в соответствии со ст. 10 Закона указывается лишь:

а) наличие материалов досудебного расследования;

б) поступившая в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, информация о:

– подготавливаемом, совершаемом или совершенном правонарушении; – лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;

– безвестном отсутствии граждан и обнаружении неопознанных трупов; в) письменные поручения следователя по расследуемым им уголовным делам [6].

Как видим, особых различий в трактовке понятий негласное прослушивание и (или) запись телефонных переговоров, условий и оснований их проведения и допустимости нет. Как справедливо отмечает Л.Н. Ивченко, прослушивание и запись переговоров осуществляется без непосредственного участия в данном мероприятии следователя, который, как правило, не контактирует с оперативно-техническими подразделениями. В реальной действительности указанные подразделения работают по заданиям оперативно-розыскных подразделений [7, с. 121], в связи с чем ряд исследователей это негласное мероприятие именуют «следственным действием без следователя» [8, с. 163–185], когда роль следователя состоит только в вынесении соответству-

ющего постановления и получением судебного решения на прослушивание, а в дальнейшем – в осмотре и прослушиванием записи, составлением протокола и приобщении фонограммы к материалам уголовного дела в качестве доказательства [9, 117-121].

Учитывая сказанное, считаем вполне обоснованным мнение С.А. Шейфера, который прослушивание и запись телефонных переговоров относит исключительно к оперативно-розыскным мероприятиям, независимо от того, проводится оно по инициативе оперативных служб или по поручению следователя, поскольку оно не отражает сути следственного действия – непосредственное восприятие следователем информации, которое имеет доказательственное значение [6, с. 56].

Стоит согласиться и с противниками включения прослушивания и (или) записи телефонных переговоров в систему следственных действий в уголовно-процессуальное законодательство, учитывая, что это мероприятие проводится только в негласном порядке [11, с. 14].

Зарубежная практика перехвата, прослушивания и записи телефонных переговоров. В Великобритании ордер на прослушивание телефонных разговоров выдается только «в интересах национальной безопасности, для охраны экономического благосостояния Соединенного Королевства, для предотвращения или расследования тяжких преступлений». «Экономическое благосостояние», как правило, связывают с внешними угрозами жизненным интересам британской экономики. «Национальная безопасность» в Акте не определяется, т. е. есть ли угроза национальной безопасности, определяет чиновник [12].

В законах Германии четко определяется, какие предполагаемые преступления оправдывают прослушивание телефонов. Перечислены преступления против мира и государственная измена; подрыв демократического строя и законности; шпионаж или угроза международной безопасности; преступления против национальной обороноспособности; а также преступления, учтенные в разделе 129а Уголовного кодекса (убийство, геноцид, похищение людей с целью выкупа, захват заложников, уничтожение имущества путем поджога или взрывов в транспортных средствах и отравление); т.е. преступления, по своему характеру тяжкие или особо тяжкие. В Законе оговаривается необходимость и оправданность прослушивания телефонов декларацией – «защитить от надвигающихся угроз свободу и демо-

кратический порядок, целостность и безопасность Федерации и составляющих ее земель» (статья 1.1). Более того, запрос должен «содержать доказательства того, что другими методами нужную информацию добыть невозможно или чрезмерно сложно» [12].

В Финляндии прослушивание телефонов может быть применено полицией только в том случае, если речь идет о расследовании тяжкого преступления и только с учетом того, насколько оправданно в связи с расследованием нарушение прав лица, совершившего преступления или иных лиц (так называемый «принцип пропорциональности»). Перехватываемая информация должна иметь исключительную важность для расследования таких преступлений, как государственная измена, убийство, захват заложников, угон самолета, диверсия, квалифицированный грабёж, квалифицированное вымогательство, незаконный оборот наркотиков и т.п. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Финляндии четко определяет довольно узкий перечень преступлений, в рамках расследования которых возможно применить прослушивание и (или) запись переговоров [12].

Во Франции, по нашему мнению, более либеральные законы, чем в Финляндии, поскольку прослушивание и запись телефонных переговоров и иных телекоммуникационных сообщений предусмотрена по более широкому кругу преступлений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком 2 года и более. В то же время, законодатель оценивает данное мероприятие как исключение и ограничивает его применение необходимыми случаями обеспечения национальной безопасности, информационной защиты науки и экономики государства, а также для предотвращения террористических преступлений, преступлений, совершаемых организованными преступными группами, предотвращения создания частных армий и иных военных организаций [12].

Швейцарское законодательство допускает прослушивание телефонных разговоров при расследовании лишь немногих правонарушений, оговоренных в Федеральном криминально-процессуальном кодексе – часть преступлений против государственной власти, и преступлений против общественной безопасности – торговля оружием, фальшивомонетничество. Так называемый «телефонный надзор» может быть применен только при расследовании тяжких преступлений или

в целях предотвращения их совершения, при этом иные меры, используемые в ходе расследования, не принесли результата и без прослушивания телефонных переговоров расследование может оказаться неэффективным. Уголовно-процессуальное законодательство Швейцарии определяет почти 200 составов преступлений, по которым возможен «телефонный надзор», в том числе это составы, описанные не только в УК, но и в иных законах, например, тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия и т.п. [12].

В Швеции оперативное прослушивание телефонных переговоров ориентировано, в основном, не на расследование преступлений, а на их предотвращение, при этом уголовно-процессуальный закон содержит перечень преступлений, по которым возможно его применение. Можно говорить о том, что здесь так же действует принцип пропорциональности, в связи с чем «телефонный контроль» может применяться только в тех случаях, когда получить информацию, необходимую для осуществления расследования, другими способами практически невозможно. И санкция на прослушивание телефонных переговоров выдается только после того, как будут установлены веские основания для подозрения в совершении преступления прослушиваемого лица [12].

Примером следования стандарту, установленного Европейским судом, когда имеется определение тех преступлений, при расследовании или предупреждении которых возможно прослушивание телефонных переговоров, можно считать законодательство Венгрии. Не смотря на то, что Конституция Венгрии не содержит положения о неприкосновенности личной корреспонденции, в процессе реформирования государственных специальных служб, в 1995 году был принят специальный Акт № CXXV, который установил жесткие рамки применения «телефонного слежения» – только при расследовании или предупреждении совершения преступлений против национальной безопасности (посягательства на целостность или независимость государства, подрыв экономической, политической или оборонной мощи страны, государственная измена, терроризм, незаконный оборот и контрабанда оружия, наркотиков, изделий и технологий, находящихся под международным контролем) [12].

Похожие подходы имеются в польском законодательстве – прослушивание телефонных переговоров допускается для

предотвращения или расследования преступлений, направленных на причинение вреда интересам национальной безопасности, суверенитету и целостности государства, иных тяжких преступлений против интересов государства. Стоит отметить, что законы Польши четко определяют перечень тяжких преступлений против государства, что существенно снижает риски необоснованного нарушения неприкосновенности частной жизни граждан. Анализ уголовно-процессуального законодательства Польши так же позволяет сделать вывод о практическом применении принципа пропорциональности [12].

В Российской Федерации вопросы прослушивания телефонных переговоров решает Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» [24] и УПК РФ. При этом часть 4 ст. 8 данного закона устанавливает, что прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях. Фонограммы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность их прослушивания и тиражирования посторонними лицами. Российское законодательство не содержит ограничений по видам преступлений, при предупреждении или расследовании которых может быть применено это оперативно-розыскное мероприятие, исключая только категорию преступлений небольшой тяжести, однако для проведения прослушивания необходимо получение судебного решения. Даже если первоначально прослушивание было применено как экстренное мероприятие, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов, в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение.

Возможность осуществления прослушивания телефонных переговоров в Румынии определяется УПК и Законом о национальной безопасности 1991 года. Статья 3 указанного закона содержит достаточно широкий перечень преступлений, по которым возможно прослушивание, в основном, это преступления, направленные против национальной безопасности [14].

В Украине согласно УПК этой страны, прослушивать можно только фигурантов уголовного производства, которые по общему правилу подозреваются в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Законодательство Украины предусматривает условия, когда прослушивание можно провести без решения суда. Это срочные ситуации, которые возникают при необходимости предотвратить определенную угрозу или опасность, связанную с жизнью человека, и предотвращением совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Впрочем, в таком случае разрешение суда необходимо будет получить как можно быстрее уже на совершаемое действие, иначе полученные доказательства могут быть признаны в суде как недопустимое доказательство [15].

В Республике Беларусь в соответствии со ст. 214 УПК прослушивание и запись переговоров допускается по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, если имеются достаточные основания полагать, что переговоры с использованием технических средств связи и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для дела. Прослушивание и запись переговоров в любом случае не могут осуществляться свыше срока предварительного расследования уголовного дела и отменяются постановлением следователя, органа дознания [16].

В Узбекистане вопросы возможности прослушивания переговоров, ведущихся с телефонов и других переговорных устройств, урегулированы гл. 21 УПК. Основанием для прослушивания переговоров, ведущихся с телефонов и других переговорных устройств, является ст. 169 УПК, которая гласит, что «если собранные по делу доказательства дают достаточно оснований, что могут быть получены сведения, имеющие значение для дела». Прослушивание переговоров не может продолжаться более шести месяцев [17].

В Таджикистане прослушивание и запись переговоров в соответствии со ст. 196 УПК допускается на срок не более шести месяцев по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, если имеются достаточные основания полагать, что телефонные переговоры или переговоры с использованием иных средств связи подозреваемого, обвиняемого и других лиц, которые могут располагать сведениями о преступлении, могут содержать сведения, имеющие значение для дела. Эти действия отменяются, когда отпадает необходимость в этих мерах,

но в любом случае, не позднее момента принятия решения о прекращении уголовного дела или передачи его для рассмотрения в суд [18].

В Республике Молдова прослушивание и запись переговоров, а также запись изображений подпадает под категорию «специальной розыскной деятельности», регламентируемой ст. 132 УПК, и проводятся, если соблюдены в совокупности следующие условия, если иным путем невозможно реализовать цели уголовного судопроизводства, и/или может быть нанесен значительный ущерб сбору доказательств, а также имеются обоснованные подозрения в подготовке или совершении тяжкого, особо тяжкого или чрезвычайно тяжкого преступления с установленными законом изъятиями [19]. В Молдове могут прослушиваться и записываться переговоры помимо подозреваемого, обвиняемого и других лиц, в том числе неустановленных, относительно которых имеются данные, могущие разумно привести к заключению, что они либо способствуют каким бы то ни было образом подготовке, совершению, соучастию или сокрытию преступлений, предусмотренных частью, либо получают или передают важную и имеющую отношение к уголовному делу информацию.

В Республике Армения ст. 241 УПК разрешает по решению суда прослушивание и звукозапись телефонных переговоров, если имеются достаточные основания полагать, что в телефонных переговорах или переговорах с использованием других средств связи подозреваемого, обвиняемого и других лиц, имеющих сведения о преступлениях, могут содержаться сведения, имеющие значение для дела. При этом категории уголовных дел, при которых допускается прослушивание и звукозапись телефонных переговоров, законодательством не предусмотрены. Прослушивание и звукозапись переговоров могут быть установлены на срок не более шести месяцев и отменяются, когда отпадает в них необходимость, но во всех случаях - не позднее окончания предварительного расследования [20].

В Республике Грузия скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров осуществляется только с разрешения суда по требованию прокурора или по приказу судьи Верховного суда и только для установления фактических данных по уголовным делам, направленных против конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности, обороноспособности и военного потенциала страны. Прослушивание разрешается,

когда его производство вызвано неотложной общественной необходимостью и оно является соответствующим и пропорциональным средством достижения легитимной цели и когда получить доказательства, имеющие существенное значение для следствия, иными средствами невозможно либо это требует неоправданно больших усилий. При этом в законе оговаривается, что пределы (интенсивность) производства тайного следственного действия должны быть пропорциональны легитимной цели тайного следственного действия [21].

В Азербайджанской Республике перехват переговоров, проводимых по телефону и иным устройствам, сообщений, передаваемых по средствам связи и иным техническим средствам, или других сведений разрешается судом, в соответствии со ст.259УПК, как правило, по мотивированному ходатайству следователя и соответствующему представлению прокурора, осуществляющего процессуальное руководство предварительным расследованием, и при наличии достаточных оснований полагать, что сообщения, передаваемые подозреваемым или обвиняемым другим лицам (или передаваемые ему), содержат данные, имеющие доказательственное значение для уголовного преследования. Перехват переговоров, проводимых по телефону и иным устройствам, сообщений, передаваемых по средствам связи и иным техническим средствам, не может продолжаться более шести месяцев [22]. Категории преступлений, по которым производится перехват переговоров, проводимых по телефону и иным устройствам, а также сообщений, передаваемых по средствам связи и иным техническим средствам, законом не регламентирован.

Законодательством некоторых стран установлены ограничения в отношении некоторых категорий граждан (духовных лиц, адвокатов, врачей, журналистов и других лиц, обладающих иммунитетом). Так, в Финляндии, например, перехвату не могут подвергаться беседы подозреваемого с его адвокатом и беседы подозреваемого с его священником. Этот запрет абсолютен. Некоторые другие лица частично защищены от перехвата. Ближайшие родственники подозреваемого, его врач и фармацевт, акушерка, их помощники и лица, имеющие право на охрану своих информантов (т.е. журналисты) защищены от перехвата законом. Во Франции запрещено прослушивать телефоны в жилищах или служебных помещениях адвокатов, если об этом не будет из-

вещен президент Ассоциации юристов Франции.

В Швейцарии телефоны третьих лиц могут прослушиваться, если «имеется обоснованное подозрение, что подозреваемый может этим телефоном воспользоваться», либо что это третье лицо станет передавать подозреваемому информацию или получать информацию от него. В российском законодательстве, в частности в законах о ФСБ и ОРД, отсутствуют ограничения на прослушивание лиц, имеющих процессуальный статус – судей, адвокатов, депутатов парламента и т. д. Запрещено прослушивать телефоны судей, пока квалификационная коллегия судей не даст согласие на возбуждение уголовного дела в отношении определенного судьи.

В Узбекистане, а также в Таджикистане при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или членов их семей, по их письменному заявлению или при отсутствии такового заявления в соответствии с ходатайством следователя и с разрешением суда, судьи может производиться прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов или других средств связи, и их запись.

Законодательство Молдовы предусматривает также прослушивание и запись переговоров пострадавшего, потерпевшего, их родственников и членов семьи, а также свидетеля, если имеется непосредственная угроза их жизни, здоровью или иным основным правам, если это необходимо для предотвращения преступления или если существует очевидный риск безвозвратной утраты или искажения доказательств и назначается согласно процедуре, предусмотренной статьей 1324, и лишь с письменного согласия или по предварительному письменному требованию указанных в настоящей части лиц [19].

В Республике Грузия прослушивание и запись телефонных переговоров в отношении духовных лиц, адвокатов, врачей, журналистов и лиц, обладающих иммунитетом, допускается лишь в тех случаях, когда указанное лицо не связано с получением ими охраняемой законом информации соответственно во время духовной или профессиональной деятельности.

Обзор международных стандартов за-

щиты тайны частной жизни и правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий в части негласного прослушивания и записи разговоров с использованием видео-, аудиотехники или иных специальных технических средств, а также прослушивания и записи переговоров, ведущихся с телефонов и других переговорных устройств, подозреваемого, обвиняемого и других лиц, которые могут располагать сведениями о преступлении, в том числе практики ряда европейских государств, позволяет сделать ряд выводов. Анализ правовых норм законодательства Казахстана и их сравнение с международными стандартами и законодательством ряда стран дают основание утверждать, что нормы, защищающие право гражданина на частную жизнь и содержащиеся в законодательстве РК об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальном законодательстве явно недостаточны, не гарантируют защиту от произвольного вмешательства, не обеспечивают четкой и строгой процедуры выдачи разрешения на законное вмешательство, не устанавливают независимые механизмы контроля за деятельностью спецслужб и органов национальной безопасности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, и в связи с этим требуют своего пересмотра и приведения в соответствие с международными стандартами, международной практикой и международными обязательствами Республики Казахстан.

В нынешних условиях любые изменения и дополнения в оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, в частности, расширяющие возможности правоохранительных органов и органов национальной безопасности для вмешательства в частную жизнь, без принятия специального закона о защите частной жизни и персональных данных, без приведения казахстанского законодательства в этой сфере в соответствие с международными стандартами для обеспечения надежных гарантий защиты права на частную жизнь, строгих процедур разрешения на законное вмешательство в частную жизнь и независимых механизмов контроля, могут создать дополнительные возможности для нарушения прав граждан, произвольного вмешательства в их частную жизнь.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года
2. Доклад «О ситуации с правами человека в Республике Казахстан в 2012 г.». Под общей редакцией К. Султанова, Т. Абишева. Астана, 2013 г. – 176 с.

3. Лоскутов И.Ю., Альтернативный Национальный план действий в области прав человека в Республике Казахстан на 2015-2020 гг. // <https://www.zakon.kz/4685815-pravo-na-chastnuju-zhizn-i-zashhitu.html>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // http://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852
5. Замечания КМБПЧ к проекту Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам оперативно-розыскной деятельности» г. Алматы, 27 декабря 2007 года).
6. Об оперативно-розыскной деятельности. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-XIII // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158
7. Ивченко Л.И. Тактика контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений. М., 2005. – С. 121.
8. Чуркин А.В. Оперативно-розыскная деятельность (правовые основы в органах военной юстиции). Уч. пособие. М., 2005. – С. 163-185.
9. Шматов М.А., Шматов В.М. Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие в соотношении с оперативно-розыскным мероприятием – прослушивание телефонных переговоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). – С. 117-121.
10. Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2. – С. 56.
11. Баев О.Я. Об уголовно-процессуальной регламентации контроля и записи переговоров // Воронежские криминалистические чтения / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2002. Вып. 3. – С. 14.
12. Обзор законодательства одиннадцати европейских стран о прослушивании телефонных разговоров // Перевод с английского Д. Рублинецкой // <http://khpq.org/index.php?id=1084719187>
13. Газета «Известия», 1990, 24 июня.
14. Обзор законодательства европейских стран о прослушивании телефонных разговоров (Румыния) // <http://lawstate.ru/obzor-zakonodatelstva-evropejskih-stran-o-52/3999-obzor-zakonodatelstva-evropejskih-stran-o-54.html>
15. Макаровец Ю. А вас прослушивают? // https://dominanta.od.ua/news/a_vas_proslushivajut_
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm
17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан // <http://lex.uz/docs/111463>
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова (Общая часть) № 122-XV от 14.03.2003 // <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2>
20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.07.1998 // https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460
21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия http://libed.ru/knigi-nauka/1254324-1-zakon-gruzii-ugolovno-processualnyj_kodeks-gruzii-obschaya-chast-razdel-ugolovno-processualnoe-zakonodatelstvo.php
22. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) // https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597
23. Юрина Л.Г. Процессуальные и криминалистические проблемы контроля и записи переговоров // <https://dlib.rsl.ru/01000332381>
24. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // <https://rg.ru/1995/08/18/rozyisk-site-dok.html>

References

1. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 goda
2. Doklad «O situatsii s pravami cheloveka v Respublike Kazakhstan v 2012 g.». Pod obshchey redaktsiyey K. Sultanova, T. Abisheva. Astana, 2013 g. – 176 s.
3. Loskutov I.YU., Al'ternativnyy Natsional'nyy plan deystviy v oblasti prav cheloveka v Respublike Kazakhstan na 2015-2020 gg. // <https://www.zakon.kz/4685815-pravo-na-chastnuju-zhizn-i-zashhitu.html>
4. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan // http://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852
5. Zamechaniya KMBPCH k proyektu Zakona RK «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotoryye zakonodatel'nyye akty RK po voprosam operativno-rozysknoy deyatel'nosti» g. Almaty, 27 dekabrya 2007 goda).
6. Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 sentyabrya 1994 goda № 154-XIII // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158
7. Ivchenko L.I. Taktika kontrolya i zapisi peregovorov i ispol'zovaniye rezul'tatov etogo sledstvennogo deystviya v rassledovanii prestupleniy. M., 2005. S. 121.
8. Churkin A.V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' (pravovyye osnovy v organakh voyennoy yustitsii). Uch. posobiye. M., 2005. – S. 163-185.

9. Shmatov M.A., Shmatov V.M. Kontrol' i zapis' telefonnykh peregovorov kak sledstvennoye deystviye v sootnoshenii s operativno-rozysknym meropriyatiem – proslushivaniye telefonnykh peregovorov // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 1 (40). – S. 117-121.
10. Sheyfer S.A. Pravovaya reglamentatsiya sledstvennykh deystviy v novom UPK RF // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 2. – S. 56.
11. Bayev O.YA. Ob ugovolno-protseessual'noy reglamentatsii kontrolya i zapisi peregovorov // Voronezhskie kriminalisticheskiye chteniya / pod red. O. YA. Bayeva. Voronezh, 2002. Vyp. 3. – S. 14.
12. Obzor zakonodatel'stva odinnadtsati yevropeyskikh stran o proslushivanii telefonnykh razgovorov // Perevod s angliyskogo D. Rublinskoy // <http://khpg.org/index.php?id=1084719187>
13. Gazeta «Izvestiya», 1990, 24 iyunya.
14. Obzor zakonodatel'stva yevropeyskikh stran o proslushivanii telefonnykh razgovorov (Rumyniya) // <http://lawstate.ru/obzor-zakonodatelstva-evropeyskih-stran-o-52/3999-obzor-zakonodatelstva-evropeyskih-stran-o-54.html>
15. Makarovets YU. A vas proslushivayut? // https://dominanta.od.ua/news/a_vas_proslushivajut
16. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Respubliki Belarus' // https://kodeksy-by.com/ugolovno-protseessualnyj_kodeks_rb.htm
17. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Respubliki Uzbekistan // <http://lex.uz/docs/111463>
18. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Respubliki Tadjikistan // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304
19. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Respubliki Moldova (Obshchaya chast') № 122-XV ot 14.03.2003 // <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2>
20. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Respubliki Armeniya ot 01.07.1998 // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460
21. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Respubliki Gruziiya <http://libed.ru/knigi-nauka/1254324-1-zakon-gruzii-ugolovno-processualniy-kodeks-gruzii-obschaya-chast-razdel-ugolovno-processualnoe-zakonodatelstvo.php>
22. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Azerbaydzhanskoj Respubliki (Utverzhden Zakonom Azerbaydzhanskoj Respubliki ot 14 iyulya 2000 goda № 907-IQ) // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597
23. Yurina L.G. Protseessual'nyye i kriminalisticheskiye problemy kontrolya i zapisi peregovorov // <https://dlib.rsl.ru/01000332381>
24. Federal'nyy zakon ot 12 avgusta 1995 goda № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» // <https://rg.ru/1995/08/18/rozysk-site-dok.html>
24. Federal'nyy zakon ot 12 avgusta 1995 goda № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» // <https://rg.ru/1995/08/18/rozysk-site-dok.html>

БЕЛЯЕВА Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76. E-mail: beliaevaim@susu.ru

КУСАИНОВА Айман Кудайбергеновна, кандидат юридических наук, доцент, младший научный сотрудник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76. E-mail: kusainovaak@susu.ru

НУРГАЛИЕВ Бахыт Молдатьяевич, доктор юридических наук, профессор, Центр правовых и экономических исследований, Академия «Болашак». 100000, Казахстан, г. Караганда. ул. Ерубаяева 16. E-mail: nbake@mail.ru

BELYAEVA Irina, Candidate of Sciences (Law), associate, Head Professor of Criminal Law, Criminology and Penal Law Department, South Ural State University. 454080, Russian Federation, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76. E-mail: beliaevaim@susu.ru.

KUSSAINOVA Aiman, Candidate of Sciences (Law), Junior Researcher of the Department of Criminal and Penal Executive Law, Criminology, South Ural state University. 454080, Russian Federation, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76. E-mail: kusainovaak@susu.ru.

NURGALIYEV Bakhyt, Doctor of Sciences (Law), professor of Scientific Center of Legal and Economic Researches, Academy «Bolashak». 100000, Kazakhstan, Karaganda city, st. Erubayeva 16. E-mail: aiman_kusainova@mail.ru

Матюшкина А. В.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СЛЕДОВЕДЕНИЯ

Matyushkina A. V.

DIGITAL TRACES IN THE SYSTEM OF CRIMINALISTIC INVESTIGATION

В статье дается обоснование включения в традиционную криминалистическую классификацию следов нового вида объектов – цифровых следов. Предлагается авторский подход к определению понятия «цифровой след» с позиций криминалистической теории следоведения, его места в системе следов. Определен критерий систематизации объектов следоведения в указанной классификации, на основании которого аргументирован взгляд автора на терминологическую точность использования понятия «цифровой» след по сравнению с аналогичными дефинициями. Основанием лексического предпочтения стал предпринятый в статье сравнительный анализ использования другими авторами подобных (смежных) категорий при описании исследуемой проблематики.

Ключевые слова: цифровой след, теория криминалистического следоведения, классификация следов в криминалистике, электронный след.

The article substantiates the inclusion in the traditional forensic classification of traces of a new type of object - digital traces. The author's approach to the definition of the concept of "digital trace" is proposed from the standpoint of the forensic theory of traceability, its place in the trace system. A criterion for the systematization of objects of sequence research in the specified classification is determined, on the basis of which the author's view on the terminological accuracy of using the concept of "digital" trace is reasoned in comparison with similar definitions. The basis of the lexical preference was the comparative analysis undertaken in the article of the use by other authors of similar (related) categories in the description of the studied problems.

Keywords: digital trace, theory of forensic investigation, classification of traces in forensics, electronic tracking.

В связи с произошедшим качественным скачком в истории технического прогресса – появлением сети Интернет и тотальной компьютеризацией – изменились все сферы деятельности человека: происходит процесс переноса всей накопленной человечеством информации из различных форм ее хранения в электронное, или так называемое «виртуальное», пространство.

Приняв во внимание все преимущества беспроводных «удаленных» форм коммуникации, в виртуальный формат переходят все, в том числе и представители криминального сообщества.

Электронная среда, с одной стороны, становится необходимым средством или условием осуществления преступных намерений злоумышленников, с другой стороны, она, независимо от воли преступника, отражает такие элементы механиз-

ма преступного события, как действия по подготовке к совершению или деятельность преступника по сокрытию следов уже совершенного преступления. Так, например, совершение мошеннических действий с использованием банковских карт является примером совершения преступления, в котором основным средством осуществления преступного замысла является электронный формат лицевого счета, доступ к которому обеспечивается с помощью использования реквизитов электронной банковской карты потерпевшего. В такой ситуации мы имеем дело со следами, запечатленными техническим устройством и отражающими признаки способа совершения преступления в так называемом виртуальном пространстве.

В другой ситуации преступник при совершении преступления не использует

средства сетевой коммуникации, однако имеет при себе включенный сотовый телефон, отвечает на вызовы и т.п. В предположенных условиях техническое устройство отразит поведение виновного лица в виртуальном пространстве, напрямую не связанное с совершенным им преступлением, но подтверждающее его местонахождение в определенный промежуток времени, маршрут его передвижений, схему контактов и т.д.

Очевидно, что любой выход в виртуальное пространство в связи с преступлением или во время его совершения так или иначе будет отражен в нем в виде так называемого цифрового следа, имеющего доказательственное значение при расследовании преступления.

Данная закономерность вытекает из основополагающего свойства материи, обуславливающей возможность существования не только теории криминалистического следоведения, но и самой криминалистической деятельности: способность материи отражать в себе свойства другой материи при их взаимодействии и быть отраженной через собственные свойства. Свойства материй, перенесенные в результате их взаимодействия друг на друга, отразившие внутреннее или внешнее их строение, образуют следы. Нельзя при взаимодействии двух (и более) материй обойти данную закономерность, а, следовательно, нельзя, совершая преступление, не оставить о нем следы [1, с. 148].

Научный интерес вызывает само определение виртуального пространства. Глубокий анализ юридической сущности данной категории предпринял А. Абдуджалилов. По его мнению, виртуальное пространство - это мнимая единая квазитехнологическая среда мирового масштаба, создаваемая техническими средствами глобальной компьютерной сети Интернет, в котором совершаются юридически значимые действия по поводу имущественных и личных неимущественных благ. Кроме этого, виртуальное пространство используется в социально значимых целях общения, доступа к информации любого рода и вида, как средство массовой информации и глобальный информационный ресурс. С правовой точки зрения, виртуальное пространство, безусловно, есть новая форма правоотношений без традиционных привязок к определенным правовым системам [2, с. 85]. Полагаем, что подобное определение всесторонне отражает необходимые для юридического осмысления признаки виртуального пространства, а поэтому впол-

не уместным будет отталкиваться от данной дефиниции при рассмотрении проблем криминалистического следоведения.

Следует разобраться в терминологической точности использования понятий «цифровой след», «виртуальный след», «электронный след», «компьютерно-технический след». Именно так в современной российской криминалистике называют рассматриваемую категорию следов.

Е.П. Ищенко использует понятие «цифровой след», определяя его как след, оставляемый в различных информационных базах данных средствами мобильной связи, кредитными, дисконтными картами, проездными документами, снабженными магнитным кодом, персональными компьютерами, подключенными к Интернету, электронными товарными бирками, специальными чипами и другими подобными устройствами [3, с. 203]. Кроме того, он очерчивает более широкую проблематику криминалистического следоведения, предлагая формирование новой теоретической конструкции – следы коммуникации [1, с. 154-155], куда в качестве составляющих войдут не только следы общения в виртуальном пространстве, но и все остальные виды форм обмена информацией между людьми.

У В. Б. Вехова встречается понятие «электронного следа», о котором автор говорит как о содержащейся на определенных электронных носителях информации. Автор отмечает, что преступники, используя в качестве предмета (средства) преступления компьютерную информацию, однозначно соприкасаются с системой материально фиксированных следов, которые называет электронными [4, с. 14].

В. А. Мещеряков использует понятие «виртуальные следы», под которыми предложил понимать любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления, представленное в виде компьютерной информации и зафиксированное на материальном носителе [5, с. 94-98].

А.А. Жижилева дает определения всем упомянутым дефинициям [6, с. 916-917]. Стоит согласиться с весьма корректным определением автора относительно понятия электронного следа: информация, представленная в форме электрических сигналов, содержащаяся на материальных источниках, идентифицируемая посредством использования программно-технических устройств [6, 916]. Однако нецелесообразно, подобно автору, отождествлять категории «электронный след» и «компьютерно-технические сле-

ды». По мнению Жижилевой А.А., компьютерно-технические следы - совокупность цифровых элементов «отражателей», зафиксированные на электронных носителях информации, компьютерной техники и технических средств связи [6, 916].

На наш взгляд, «компьютерно-технический» признак характеризует носитель следа, то есть устройство, посредством которого происходит распознавание следа, а не саму сущность нового вида следовой информации. А след электронный рассмотрен Жижилевой А.А. именно с позиций сущностных характеристик следовой субстанции.

Учитывая все многообразие используемых понятий и одновременное отсутствие единой терминологической конструкции относительно нового вида следовой информации, предложим авторский подход к пониманию сущности и природы рассматриваемого явления. Наиболее удачными для отражения криминалистической сущности рассматриваемого явления и одновременно вписывающимися в систему криминалистического следоведения в качестве нового вида объектов видятся такие дефиниции как «виртуальные» или «цифровые» следы, из которых наиболее предпочтительным выглядит термин «цифровые» следы. Обоснуем свою позицию.

Традиционная система следов в криминалистическом следоведении представлена двумя уровнями ее осмысления: во-первых, - понимание следа в широком смысле как любого изменения в обстановке окружающей среды в результате совершения преступления (следы-отображения, следы-вещества, части целых предметов и сами предметы) и, во-вторых, - в узком смысле – отображения свойств объектов в других объектах в результате их взаимодействия, так называемые следы - отображения. Кроме того, в широком понимании понятия «след» выделяют следы идеальные и следы материальные. Основанием такой классификации является природа следовоспринимающего объекта. Запечатлевающей материей идеального следа является сознание человека; носителем материального следа – любой объект материального мира, в том числе и тело (но не сознание!) человека.

Совершенно иной, не вписывающейся в традиционное представление о следе, является отраженная на носителе информация, подтверждающая деятельность человека в электронном, волновом или электромагнитном пространстве. Ведь по сути своей любая деятельность в Интер-

нет-пространстве, мобильной сети, или в виртуальном пространстве, осуществляется посредством инициализации электрических, волновых или электромагнитных сигналов. Однако такое взаимодействие материй уловить человеку без распознающего устройства невозможно в силу физической природы обозначенных явлений. Средствами, запечатлевающими такое взаимодействие, являются различного рода технические устройства, принимающие сигналы волновой, электромагнитной или электрической природы. Попытки сделать понятной и удобной в использовании информацию о таком взаимодействии имеют свою историю, которая началась задолго до появления интернета и его повсеместного использования.

Преобразование информации волновой природы (звука) в цифровой сигнал с позиций криминалистической деятельности подробно и доступно описал В.А. Мещеряков [7, с. 28-33]. На примере фоноскопического исследования автор рассматривает «эволюционный» процесс распознавания звука экспертами сначала с помощью аналоговых технических устройств, а затем концентрирует внимание читателя на цифровой обработке звукового сигнала, обосновывая ее преимущество точностью передачи свойств объекта, неизменностью цифровой последовательности и простотой воспроизведения независимо от того, с помощью какого технического устройства будет осуществлено распознавание [7, с. 32]. Следует согласиться с мнением автора, что в настоящее время наиболее успешным, является преобразование сигналов волновой, электрической и электромагнитной природы в цифровой код, удобный и понятный для распознавания судебным экспертам. Электрический или волновой сигнал, возникая в пространстве, фиксируется техническими устройствами, которые выдают свойства сигнала посредством определенной последовательности цифр, образуя, таким образом, цифровой след, указывающий на деятельность человека в интернет-пространстве, мобильной сети и подлежащий декодированию с использованием специальных знаний эксперта в области компьютерной техники, программирования и высокотехнологичных информационных систем.

Сам Мещеряков В.А. называет такой объект следовой информации «виртуальным» следом, не придавая значения тому, что основанием для изначально упомянутой им криминалистической классификации следов была природа запечатлеваю-

щего объекта [7, с. 28]. Для выделения нового вида следов в криминалистике автор подчеркивает незначительность природы происхождения следа, а во главу угла он ставит криминалистически значимые методы и приемы работы с ним [7, с. 29].

Тем не менее, с позиций криминалистики о классификации следовой информации система отображения сигналов виртуального пространства представлена цифровой природой, равно как и система отражения свойств материального объекта в сознании человека представлена природой электрических импульсов коры головного мозга (идеей), а система отражения свойств материальных объектов в материальных объектах – структурой и свойствами отображающего вещества (материей). Поэтому, на наш взгляд, предпочтительнее использовать в классификации следов при включении в нее третьего, нового, вида объектов термин «цифровые» следы, что будет корректнее отражать основание криминалистической классификации.

Само же понятие цифрового следа, на наш взгляд, должно определяться следующим образом: это следы, отражающие деятельность человека в виртуальном пространстве в виде неизменной последовательности цифр, представляющей собой результат обработки электронного, волнового или электромагнитного сигнала с помощью соответствующего технического устройства.

Таким образом, представляется обоснованным криминалистическую класси-

фикацию следов, критерием деления объектов в которой является природа следовоспринимающего объекта, а неизменными ее элементами остаются материальные и идеальные следы, дополнить еще одним звеном – цифровыми следами, представляющими собой, исходя из парадигмы следообразования, результат взаимодействия электронной, волновой или электромагнитной материи с материей технических устройств, инициализирующих и принимающих сигналы виртуального пространства, с отражением свойств сигналов в цифровом коде, доступным для распознавания и криминалистического исследования.

Подобный вывод автора подлежит дальнейшей конкретизации, поскольку используемые в определении цифрового следа словесные конструкции не получили должного наполнения с позиций криминалистического мышления, а сама проблематика требует более пристального внимания: ведь в ближайшее время в криминалистической науке с учетом высоких темпов развития информационных технологий может сложиться ситуация безнадежного «отставания»: цифровые следы, как доказательство существования общественных отношений, в том числе криминальных и криминалистических, в сформировавшемся виртуальном пространстве имеет в криминалистике лишь описание внешних, формальных признаков, а глубокого анализа с определением своего места в системе криминалистического знания пока не получили.

Литература

1. Ищенко Е.П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение. // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3(90). С. 146-156;
2. Абдуджалилов А. Теоретические проблемы гражданских правоотношений в Интернете. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Душанбе. 2015. 345 с. // URL: <https://docplayer.ru/41143307-Teoreticheskie-problemy-grazhdanskih-pravootnosheniy-v-internete.html> (дата обращения 04.12.2019 г.)
3. Ищенко Е. П. Криминалистика: главные направления развития // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 201–209.
4. Вехов В. Б. Электронные следы в системе криминалистики / В. Б. Вехов, Б. П. Смагоринский, С. А. Ковалев // Судебная экспертиза. Волгоград. 2016. Вып. 2. 127 с.
5. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В. А. Мещеряков // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. № 3. 408 с.
6. Жижилева А. А. О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 913-918.
7. Мещеряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 28-33.

References

1. Ishchenko E.P. Obshchij vzglyad na kriminalisticheskoe sledovedenie. // Vestnik

- Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2019. № 3(90). S. 146-156;
2. Abdudzhaliyev A. Teoreticheskie problemy grazhdanskih pravoot-nosheniy v Internetе. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk. Dushanbe. 2015. 345 s. // URL: <https://docplayer.ru/41143307-Teoreticheskie-problemy-grazhdanskih-pravootnosheniy-v-internete.html> (data obrashcheniya 04.12.2019 g.)
3. Ishchenko E. P. Kriminalistika: glavnye napravleniya razvitiya // Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2012. S. 201–209.
4. Vekhov V. B. Elektronnye sledy v sisteme kriminalistiki / V. B. Vekhov, B. P. Smagorinskij, S. A. Kovalev // Sudebnaya ekspertiza. Volgo-grad. 2016. Vyp. 2. 127 s.
5. Meshcheryakov V. A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniya / V. A. Meshcheryakov // Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 3. 408 s.
6. Zhizhileva A. A. O nekotorykh teoreticheskikh aspektakh ispol'zovaniya v kriminalistike ponyatij cifrovye, elektronnye, virtual'nye sledy // Voprosy rossijskoj yustitsii. 2019. № 3. S. 913-918.
7. Meshcheryakov V. A. «Virtual'nye sledy» pod «skal'pelem Okkama» // Informatsionnaya bezopasnost' regionov. 2009. № 1 (4). S. 28-33.

МАТЮШКИНА Анастасия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». 430003, г. Саранск, Ленинский район, ул. Федосеенко, д.6. E-mail: m.valli79@mail.ru

MATYUSHKINA Anastasia, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)." 430003, Saransk, Leninsky district, st. Fedoseenko, d.6. E-mail: m.valli79@mail.ru

Кравцова А. Н., Симкин А. Д.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПУСКА НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗАЩИТНИКА ОБВИНЯЕМОГО В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ

Kravtsova A. N., Simkin A. D.

PROCEDURAL FEATURES OF THE ADMISSION OF A NON-PROFESSIONAL DEFENDER OF THE ACCUSED IN PRE-JUDICIAL STAGES

В статье рассматривается состояние нормативного регулирования обеспечения права обвиняемого на защиту посредством привлечения в качестве защитника близких родственников обвиняемого и иных лиц. Право обвиняемого иметь в качестве защитника любого лица ставится в зависимость от реализации процессуальной самостоятельности следователя и полномочий дознавателя в досудебных стадиях. В качестве основной проблемы выделено фактическое отсутствие у следователя и дознавателя права на рассмотрение ходатайства обвиняемого о допуске непрофессионального защитника к участию в уголовном деле в ходе предварительного расследования. Предлагается внести изменения в ч.2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ, предусмотрев в ней право следователя и дознавателя принимать решение о допуске непрофессионального защитника в ходе предварительного расследования и подозреваемого на заявление такого ходатайства.

Ключевые слова: процессуальная самостоятельность следователя, непрофессиональный защитник, право на защиту, защитник, близкие родственники.

The article deals with statutory regulation of ensuring the accused's right to defense by involving close relatives of the accused and other persons as a defender. The right of the accused to have any person as a defender depends on procedural autonomy of investigator and interrogating officer in pre-trial stages. The main question of the article is the fact that investigator and interrogating officer don't have the right to consider the accused's request for admission of non-professional defender to participate in a criminal case during the preliminary investigation. It is proposed to amend Part 2 of Art. 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, providing for the right of the investigator and the interrogating officer to decide on the admission of non-professional defender during the preliminary investigation and the right of suspect to state the motion.

Keywords: Procedural autonomy of investigator, non-professional defender, right for protection, defender, close relatives.

Понятие защитника и процедура его допуска к участию в уголовном деле закреплены в ст. 49 УПК РФ. В частности, защитник в уголовном процессе - это лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав, интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В части второй указанной статьи раскрывается круг лиц, которые могут выступать в качестве защит-

ников: это - адвокаты, а также один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый при условии вынесения об этом определения или постановления суда.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство не исключает участие в ходе предварительного расследования в качестве защитника иных лиц и близких родственников, о допуске кото-

рых ходатайствует обвиняемый. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в основном защиту в досудебных стадиях осуществляет адвокат, а иные лица и близкие родственники допускаются к участию в деле в редких случаях и уже в стадии рассмотрения уголовного дела судом.

Обязательность участия защитника при производстве по уголовному делу, закрепленная в ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ, несомненно, повышает значимость этой деятельности как с точки зрения обеспечения права обвиняемого на защиту, так и полноты и качества проводимых следственных действий, формирования доказательственной базы, в том числе оправдывающей обвиняемого.

Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Именно с реализацией данной гарантии и связывается правомочие лица, в производстве которого находится уголовное дело, на допуск к участию в деле лиц, о которых ходатайствует обвиняемый.

Если дословно проанализировать текст ч. 2 ст. 49 УПК РФ, то из формулировки «по постановлению или определению суда» следует, что решение о допуске к участию в уголовном деле в качестве защитников иных лиц и близких родственников, принимает суд.

Совершенно резонно возникает вопрос о том, в какой стадии или в порядке реализации каких полномочий, суд вправе принимать решения в рамках производства по уголовному делу?

В стадии предварительного расследования уголовное дело находится в производстве следователя (дознателя). Вынесение судом постановлений или определений в рамках производства по уголовному делу возможно в ходе рассмотрения уголовного дела в первой, апелляционной, кассационной инстанций и иных судебных стадий. Наряду с этим, суд наделен контрольными функциями и вправе выносить постановления в стадии предварительного расследования в случае инициации следствием или заинтересованными лицами некоторых процедур, например, о решении вопроса о мере пресечения, если это связано с лишением свободы, законности проведения следственных действий, нарушающих конституционные права субъектов уголовного судопроизводства, а также действий (бездействия) должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело.

Таким образом, буквальное толкова-

ние части второй статьи 49 УПК РФ приводит нас к выводу о том, что иное лицо или близкий родственник могут быть допущены к участию в деле только судом и только на основании соответствующего судебного акта. Вместе с тем, подобное понимание, и что самое главное, укоренившаяся правоприменительная практика органов предварительного расследования, нивелируют то значение, которое придается участию в уголовном деле непрофессионального защитника, и которое подразумевал законодатель, формулируя данную норму.

Рассмотрим мнения некоторых ученых, примеры из судебной практики и доктринального толкования анализируемых норм.

Так, ряд исследователей, ссылаясь на буквальное понимание ч. 2 ст. 49 УПК РФ полагают, что непрофессиональный защитник может быть допущен к участию исключительно в судебных стадиях рассмотрения уголовного дела. В качестве дополнительного аргумента также зачастую приводится отсутствие в УПК прямо прописанной процедуры допуска непрофессионального защитника на досудебной стадии и отсутствие такого правомочия у суда на этой стадии [1, с. 85].

Однако с данным доводом сложно согласиться, поскольку отсутствие прямо прописанной процедуры совершения какого-либо конкретного действия не смущает даже законодателя. Это мы можем увидеть из применения части норм по аналогии ввиду идентичности порядка. Например, в соответствии со статьей 72 УПК РФ решение об отводе защитника принимается в порядке части 1 статьи 69 УПК РФ (порядок отвода переводчика). В случае отвода судом переводчика и, соответственно, защитника, статья 69 УПК РФ отсылает правоприменителя к статье 165 УПК РФ, которая регламентирует судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия.

Аналогичную позицию в вопросе участия непрофессионального защитника разделяет так же Конституционный Суд Российской Федерации (далее по тексту - КС РФ). Часть 2 статьи 49 УПК РФ часто становится предметом проверки на конституционность [12], однако КС РФ регулярно принимает определения по таким жалобам. К примеру, в Определении КС РФ от 25 января 2018 № 188-О [10] сформулирована правовая позиция, согласно которой такой способ защиты как привлечение непрофессионального защитника

применим только на судебной стадии. Помимо этого, КС РФ отмечает что «отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться этим способом защиты и тем самым ограничение гарантируемого статьей 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации права могут иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований, одним из которых является неспособность предполагаемого защитника оказывать юридическую помощь подсудимому и выполнять другие свои процессуальные обязанности». Ключевым решением, в котором впервые сформулирована правовая позиция КС РФ можно считать Постановление от 28 января 1997 г. №2-П [5] в котором проверялась конституционность аналогичной нормы УПК РСФСР. Как указано в постановлении Конституционного Суда РФ: «участие в качестве защитника в ходе предварительного расследования дела любого лица по выбору подозреваемого или обвиняемого может привести к тому, что защитником окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, что несовместимо с задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь».

Дальнейшее отражение выводы Конституционного Суда РФ нашли в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту - ВС РФ), закрепив в пункте 10 Постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. №29 [6] следующее положение: «по смыслу положений части 2 статьи 49 УПК РФ, защиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат» в случае соблюдения требований статьи 72 УПК РФ, которой предусмотрены обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника.

Стоит отметить также, что КС РФ в последующих определениях отмечал, что отсутствие препятствий к назначению иного лица в качестве защитника, предусмотренное ст. 72 УПК РФ, не является достаточным для принятия решения о назначении непрофессионального защитника, указывая дополнительно на такое основание, как «неспособность предполагаемого защитника оказывать юридическую помощь подсудимому и выполнять другие свои процессуальные обязанности» [11].

Таким образом, высшие судебные инстанции категорично высказываются относительно права на участие непрофессионального защитника только в судебных стадиях процесса.

Вместе с тем, имеется отличное толкование, отраженное в особых мнениях судей Конституционного Суда, не согласившихся с общей формулировкой, изложенной в Постановлении КС РФ от 28 января 1997 г. № 2-П. В частности, в особых мнениях указывалось на то, что такое толкование статьи 47 УПК РСФСР приводит к ограничению прав обвиняемого на защиту всеми доступными способами, в частности, путём привлечения непрофессионального защитника на досудебной стадии, поскольку это прямо не запрещено законодателем. К авторам, разделяющим данную позицию можно отнести доктора юридических наук Кудрявцева В.Л., который в своих работах [4, с.28] раскрывает право обвиняемых на оказание защиты не только со стороны лиц, состоящих в коллегии адвокатов, но и других защитников по своему выбору, например, частных практикующих юристов.

На практике же, вопрос о допуске непрофессионального защитника ставится полностью в зависимость от наличия статуса адвоката, вне зависимости от стадии процесса. В первую очередь, стоит отметить, что чаще всего суды идут по пути отказа в допуске иного лица в качестве защитника, приводя следующие формулировки: непрофессионализм или некомпетентность таких лиц, наличие квалифицированной юридической помощи у обвиняемого (в лице адвоката), ссылая на то, что допуск непрофессионального защитника является правом суда, а не обязанностью.

Так, Верховный Суд Республики Саха (Якутия) в апелляционном постановлении №22-400/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 22-400/2019 признал законным отказ суда первой инстанции в удовлетворении ходатайства Кузнецова К.П. о допуске непрофессионального защитника наряду с адвокатом. Суд в своем решении указал, что «несмотря на наличие юридического образования, К.А.В. не обладает необходимыми профессиональными навыками и не имеет соответствующего опыта участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, что вызовет затруднение для ее участия в судебном заседании по уголовному делу, объем которого составляет 3 тома, состоит из обвинения в совершении одного преступления небольшой тяжести, особенностью которого является специфичная категория преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, а также учитывая то обстоятельство, что Кузнецов К.П. обеспечен квалифицированной юридической помощью» [7].

Аналогичная позиция отражена в мотивировочной части постановления Московского городского суда от 26.03.2019 по уголовному делу №4у-0481/19. Согласно обстоятельствам уголовного дела лицо осуждено за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном и значительном размерах, за незаконный сбыт наркотических средств путем совершения закладок. «При этом в допуске в качестве защитника подсудимого его работодателя - индивидуально-предпринимателя отказано в соответствии со ст. 49 УПК РФ, поскольку защита поручена профессиональному адвокату по назначению, а данных о юридическом образовании предпринимателя не представлено» [2].

В других проанализированных нами постановлениях, суды в качестве мотивировки ссылаются на приведенные выше правовые позиции высших судебных инстанций, считая их достаточными для отказа в допуске непрофессионального защитника на досудебной стадии.

Так, 18 марта 2018 г. Московский городской суд вынес апелляционное постановление №10-2454/15, которым оставил жалобу адвоката Романова А.А. в интересах обвиняемого З. без удовлетворения, мотивируя это тем, что «близкий родственник либо «иное лицо» может участвовать в качестве защитника только на стадии судебного производства». В жалобе адвокат просил признать незаконным и необоснованным постановление старшего следователя СЧ СУ УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве Б., которым было отказано в удовлетворении ходатайства о допуске в качестве защитников З. - отца обвиняемого, и К. - «иного» лица [8].

Таким образом, анализ приведённых выше положений уголовно-процессуального закона, приводит нас к выводу о практической невозможности обеспечения участия непрофессионального защитника в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что противоречит нормам ст. 48 Конституции РФ и ст. 49 УПК РФ. Сложившаяся правоприменительная практика фактически ставит непрофессионального защитника строго на уровень защитника - адвоката и указывает, что лица без статуса адвоката не смогут в полной мере данную защиту осуществлять. Однако, необходимо помнить, что непрофессиональный защитник допускается в процесс только тогда, когда у обвиняемого (подозреваемого) уже имеется адвокат-защитник и ему уже оказывается профессиональная юридическая помощь.

Верховным Судом РФ отменены приговор и апелляционное определение, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение по следующим основаниям. В качестве оснований ВС РФ указал на то, что часть процесса прошла в присутствии непрофессионального защитника, но в отсутствие адвокатов-защитников гражданина. Суд разъяснил, что участие в «судебном заседании допущенной к участию в деле в качестве защитника гражданки не компенсирует нарушенного права обвиняемого на надлежащую защиту, поскольку из содержания и смысла положений ч. 2 ст. 49 УПК РФ следует, что защитник из числа родственников или иных лиц допускается к участию в деле по ходатайству подсудимого не вместо, а наряду с профессиональным адвокатом» [2]. Так, отказ обвиняемого от адвоката-защитника в порядке статьи 52 УПК РФ влечёт за собой и отказ от участия непрофессионального защитника. Непрофессиональный защитник может участвовать в уголовном деле без адвоката только в одном единственном случае - на судебной стадии рассмотрения дела у мирового судьи, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 49 УПК РФ.

Для понимания процессуального регулирования данного вопроса, стоит остановиться и на рассмотрении вопроса о назначении непрофессионального защитника в уголовном судопроизводстве. Стоит отметить, что обвиняемый или подсудимый, особенно тот, к которому применены меры пресечения, связанные с изоляцией от общества, не всегда видят в защитнике только лишь юриста. Важным аспектом является психологическая помощь и нравственная поддержка, которые не менее значимы, чем квалифицированная юридическая консультация.

Исходя из проанализированных судебных решений, частым случаем подачи ходатайства о назначении непрофессионального защитника выступает низкая вовлечённость в процесс защиты имеющегося адвоката, назначенного в соответствии с положениями части 2 статьи 50 УПК РФ. Не редкой является ситуация, при которой адвокаты по назначению относятся к процессу защиты обвиняемого формально. Они выполняют свои обязанности по участию в следственных действиях, проверяя соблюдение процедурных и процессуальных моментов, могут дать подзащитному юридическую консультацию, однако никаких иных действий, направленных на защиту лица не предпринимают. В такой ситуации обвиняемый, особенно изолированный от общества, практически лишается возмож-

ности собирания доказательств со стороны защиты, что ставит под угрозу соблюдение принципа состязательности процесса. Выходом из данной ситуации может быть привлечение в качестве защитника близкого родственника или иного лица, которому обвиняемый доверяет свою защиту. Непрофессиональный защитник, который может и не знать проверяемые адвокатом процедурные и процессуальные моменты, куда больше мотивирован в сборе доказательств невиновности подзащитного ввиду личной с ним связи (как семейной, так и иной).

Другой ситуацией, в которой обвиняемому требуется привлечение непрофессионального защитника, выступает неполная компетентность адвоката в каких-либо тонкостях рассматриваемого уголовного дела. Несмотря на высокий статус адвоката и его высокую квалификацию в праве в целом, стоит учитывать фактически уже сформировавшуюся профилированность адвокатов. Помимо этого, в процессе расследования уголовного дела, защитнику могут потребоваться специализированные знания из других областей научного знания. В некоторых из изученных дел, обвиняемые ходатайствовали об участии в качестве непрофессионального защитника наряду с адвокатом докторов экономических, биологических и иных наук, участие которых в качестве экспертов не обеспечило бы в полной мере их защиты.

Помимо описанного выше, необходимо отметить, что расходы, понесенные лицом, допущенным к участию в деле в качестве защитника наряду с адвокатом по ходатайству осужденного, не относятся к процессуальным издержкам[9]. С одной стороны, это свидетельствует о том, что участие в производстве уголовного дела непрофессионального защитника не повлечет никаких расходов для государства на оплату его труда, а с другой - данная ситуация такое лицо в невыгодное положение, а зачастую может сделать невозможным его участие в принципе, поскольку размер возможных расходов для оплаты труда непрофессионального защитника может оказаться непосильным для обвиняемого.

В тоже время в Государственную Думу Российской Федерации группой депутатов 05 апреля 2018г. внесен проект №434710-7 Федерального закона о внесении изменений в статью 49 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором предлагается в части 2 статьи 49 после слова «суда», во втором предложении дополнить словом

«прокурора», после слов «Обвиняемого», «обвиняемый», дополнить словами «подозреваемого», «подозреваемый».

Исходя из текста законопроекта предлагается наделить правом допуска к участию в уголовном деле непрофессионального защитника - прокурора. Вместе с тем, мы не можем согласиться с такой позицией, поскольку целесообразнее было бы наделить этим правом лицо, в производстве которого находится уголовное дело в стадии предварительного расследования, то есть, следователя, дознавателя, руководителя следственного органа или начальника подразделения дознания (в двух последних примерах - в случае принятия ими уголовного дела к своему производству). Подобное дополнение в полной мере отвечает законодательно закрепленным в ст. 38 УПК РФ процессуальной самостоятельности следователя и в ст. 119 УПК РФ - правам участников уголовного судопроизводства заявлять ходатайства следователю, дознавателю или суду и корреспондирующей им обязанности уполномоченных лиц рассмотреть все заявляемые в ходе производства уголовного дела ходатайства в зависимости от стадии уголовного судопроизводства.

Совершенно справедливо, если в ходе досудебного производства подобное ходатайство обвиняемого или подозреваемого будет разрешено следователем или дознавателем, а в судебных стадиях - судом соответствующей инстанции. Прокурор в уголовном деле не обладает правом разрешения ходатайств.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что сложившаяся правоприменительная практика, связанная, прежде всего, с недостаточным урегулированием правомочия следователя (дознавателя) на разрешение вопроса о допуске в досудебной стадии производства по уголовному делу наряду с адвокатом иных лиц в качестве защитников, ограничивает право обвиняемого на защиту со стороны непрофессионального защитника. Расширение полномочий указанных лиц позволит в полной мере обеспечить гарантированное Конституцией Российской Федерации право лица на защиту и устранил возникающие в ходе правоприменения нарушения и злоупотребления.

Дополнительно стоит отметить, что законодатель не совсем справедливо лишает права на непрофессионального защитника подозреваемого, что также может повлечь нарушение его права на защиту.

В связи с этим, в часть 2 статьи 49 УПК РФ предлагаем внести дополнение, пред-

усмотрев право лица, в производстве которого находится уголовное дело, разрешать вопрос о допуске по ходатайству обвиняемого (подозреваемого) к участию в деле наряду с адвокатом непрофессионального защитника, сформулировав ее

следующим образом: перед словом «суда», во втором предложении дополнить словами «дознателя», «следователя» после слов «обвиняемого», «обвиняемый», дополнить словами «подозреваемого», «подозреваемый».

Литература

1. Бастрыкин А.И. Уголовный процесс: учебник. - М.: Юрайт, 2014. С. 85.
2. Кабанов О.М. «Статья 49 «Защитник» УПК РФ, подборка судебных решений за 2017 год»//[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 01.11.2019.
3. Кабанов О.М. «Статья 49 «Защитник» УПК РФ, подборка судебных решений за 2019 год»//[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 01.11.2019.
4. Кудрявцев В.Л. Некоторые проблемные вопросы допуска в качестве защитников адвоката и иных лиц в уголовном судопроизводстве Российской Федерации// Евразийская адвокатура. 2012. - 1(1). С.27-35.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. №2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // СЗ РФ. 17.02.1997. № 7. Ст. 871.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»// Российская газета. 10.07.2015. № 150(6721).
7. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 19 марта 2019 г. по делу № 22-400/2019. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.10.2019.
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 марта 2018г. по делу №10-2454/15. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.10.2019.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015)// Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3, №4. апрель, 2016.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 №188-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 16, пунктом 8 части четвертой статьи 47, частью второй статьи 49, частями первой - четвертой статьи 50 и статьей 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.10.2019.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 №492-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Душакова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.10.2019.
12. Определения КС РФ от 21 октября 2008 года №634-О-О, от 28 мая 2009 года №792-О-О, от 20 февраля 2014 года №227-О, от 22 апреля 2005 года №208-О, от 11 июля 2006 года №268-О, от 18 декабря 2007 года №917-О-О, от 19 февраля 2009 года №152-О-О, от 22 апреля 2010 года №486-О-О, от 21 апреля 2011 года №577-О-О, от 28 мая 2013 года №696-О, от 27 октября 2015 года №2319-О, от 26 апреля 2016 года №708-О, от 28.02.2019 №492-О и др.

References

1. Bastrykin A.I. Ugolovnyy protsess: uchebnik. - M.: Yurayt, 2014. S. 85.
2. Kabanov O.M. «Stat'ya 49 «Zashchitnik» UPK RF, podborka sudebnykh resheniy za 2017 god»//[Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». Data obrashcheniya 01.11.2019.
3. Kabanov O.M. «Stat'ya 49 «Zashchitnik» UPK RF, podborka sudebnykh resheniy za 2019 god»//[Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». Data obrashcheniya 01.11.2019.
4. Kudryavtsev V.L. Nekotoryye problemnyye voprosy dopuska v kachestve zashchitnikov advokata i inykh lits v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii// Yevraziyskaya advokatura. 2012. - 1(1). S.27-35.
5. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 yanvarya 1997 g. №2-P «Po delu o provere konstitutsionnosti chasti chetvertoy stat'i 47 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan B.V. Antipova, R.L. Gitisa i S.V. Abramova» // SZ RF. 17.02.1997. № 7. St. 871.
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot

30 iyunya 2015g. №29 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugovnom sudoproizvodstve»// Rossiyskaya gazeta. 10.07.2015. № 150(6721).

7. Apellyatsionnoye postanovleniye Verkhovnogo Suda Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 19 marta 2019 g. po delu № 22-400/2019. [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». Data obrashcheniya 10.10.2019.

8. Apellyatsionnoye postanovleniye Moskovskogo gorodskogo suda ot 18 marta 2018g. po delu №10-2454/15. [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». Data obrashcheniya 10.10.2019.

9. Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii №3 (2015) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 25.11.2015)// Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. № 3, №4. aprel', 2016.

10. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.01.2018 №188-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Prozorovskogo Dmitriya Aleksandrovicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav stat'yey 16, punktom 8 chasti chetvertoy stat'i 47, chast'yu vtoroy stat'i 49, chastyami pervoy - chetvertoy stat'i 50 i stat'yey 72 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». Data obrashcheniya 10.10.2019.

11. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.02.2019 №492-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Dushakova Aleksandra Mikhaylovicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav chast'yu vtoroy stat'i 49 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». Data obrashcheniya 10.10.2019.

12. Opredeleniya KS RF ot 21 oktyabrya 2008 goda №634-O-O, ot 28 maya 2009 goda №792-O-O, ot 20 fevralya 2014 goda №227-O, ot 22 aprelya 2005 goda №208-O, ot 11 iyulya 2006 goda №268-O, ot 18 dekabrya 2007 goda №917-O-O, ot 19 fevralya 2009 goda №152-O-O, ot 22 aprelya 2010 goda №486-O-O, ot 21 aprelya 2011 goda №577-O-O, ot 28 maya 2013 goda №696-O, ot 27 oktyabrya 2015 goda №2319-O, ot 26 aprelya 2016 goda №708-O, ot 28.02.2019 №492-O i dr.

КРАВЦОВА Анастасия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия. 117418, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д.69. E-mail: korneeva-nas@mail.ru.

СИМКИН Александр Дмитриевич, студент 4 курса ОЮФ (ускоренное обучение) Российского государственного университета правосудия. 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д.69. E-mail: alexsimk@yandex.ru.

KRAVTSOVA Anastasiya, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radiytnaya of The Russian State University of Justice. 117418, Moscow, Novocheryomushkinskaya St., D.69. E-mail: korneeva-nas@mail.ru.

SIMKIN Alexander, 4th year student of the Law School (accelerated learning) of the Russian State University of Justice. 117418, Moscow, Novocheryomushkinskaya St., D.69. E-mail: alexsimk@yandex.ru.

Бирюкова Д. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Biryukova D. V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL HUNTING

В статье анализируются уголовно-правовые нормы, регулирующие незаконную охоту в Российской Федерации, Китайской народной республике и странах СНГ. Отражаются основания привлечения к уголовной ответственности при нарушении требований законодательства об охоте. Автором сделан вывод о единых признаках состава преступления и выделены отличительные черты в анализируемых уголовно-правовых нормах.

Ключевые слова: незаконная охота, экологические права, страны СНГ, Китайская народная республика (КНР).

The article analyzes the criminal law norms regulating illegal hunting in the Russian Federation, the people's Republic of China and the CIS countries. The grounds for criminal liability in violation of the requirements of the legislation on hunting are reflected. The author concludes about the common features of the crime and highlights the distinctive features in the analyzed criminal law.

Keywords: illegal hunting, environmental rights, CIS countries, people's Republic of China (PRC).

Охрана окружающей среды является неотъемлемой задачей любого государства. В ст.42 Конституции РФ закреплены экологические права человека и гражданина. Реализация данных прав напрямую зависит от выполнения обязанности человека и гражданина по сохранению природы и окружающей среды, бережному отношению к природным богатствам [1]. Под охраной окружающей среды понимается деятельность уполномоченных органов, направленная на восстановление и сохранение природной среды, воспроизводство природных ресурсов и рациональное использование, предупреждение негативного воздействия от хозяйственной и иной деятельности и ликвидация ее последствий [2].

Так, например, в ст. 2 Уголовного кодекса РФ в качестве объектов охраны выступает окружающая среда, а в главе 26 перечисляются экологические преступления [3]. Четверть всех экологических преступлений составляет незаконная охота (ст. 258 УК РФ). Для начала необходимо определить, что следует понимать

под охотой. Охота в Российской Федерации это деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием объектов животного мира, которые в соответствии законом используются или могут быть использованы в целях охоты, а так же их добыча, первичная переработка и транспортировка [4]. Охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе охоту без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков осуществления охоты признается незаконной⁵. Раскроем каждый из следующих признаков составляющих объективную сторону преступления:

– с причинения крупного ущерба, в примечание к данной статье указано, что крупным ущербом признается исчисленный на основании утвержденных такс и методик [5], превышающий сорок тысяч рублей. Так, например, крупным ущербом признается незаконная охота на благородного оленя, стоимость 1 особи которого составляет 70000 рублей.

– с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей. Под механических средством следует понимать автомобили, мотоциклы, мотонарты, снегоходы, катера, моторные лодки и другие транспортные средства, приводимые в движение двигателем. К воздушному судну могут быть отнесены самолеты, вертолеты и любые другие летательные аппараты [6]. Действия, связанные с применением таких незаконных орудий или способов добычи, которые повлекли либо могли повлечь массовую гибель животных являются способами массового уничтожения птиц и животных.

– в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, к таковым относятся птицы и звери, занесенные в Красную книгу РФ, например, охота на филина, белую чайку, черного аиста и т.д.

– на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. К особо охраняемым территориям относятся заповедники, заказники, национальные парки.

В части 2 ст. 258 указаны квалифицирующие признаки незаконной охоты:

– с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо причинившее особо крупный ущерб. К особо крупному ущербу относится, например, охота на гибрида зубра с бизоном, стоимость 1 особи составляет 180000 рублей.

Рассмотрим судебную практику применения данной нормы.

На основании приговора Крутинского районного суда Омской области Королев М.А. признан виновным по ч.2 ст. 258 УКР, незаконная охота с причинением особо крупного ущерба. Королев не имея лицензии на отстрел животных, произвел выстрел в сторону медведя, ранив его. В дальнейшем реализовав свой преступный замысел, он догнал медведя и произвел еще 2 выстрела в спину и голову, далее он вскрыл брюшную полость медведя и тем самым причинил ущерб государству в размере 180000 рублей. Суд приговорил к трем годам лишения свободы без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [7].

Проведем сравнение данной уголовно-правовой нормы со странами СНГ и Китайской народной республикой (КНР). Исходя из проведенного анализа уголовно-

но-правовых норм, регулирующих незаконную охоту можно сделать следующие выводы:

В рассмотренных уголовных кодексах стран СНГ и Китайской народной республики объектом охраны является окружающая среда, в каждом кодексе незаконная охота регулируется отдельной статьей кодекса.

Объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с охраной животного мира и рационального использования диких животных.

Птицы и дикие животные, а также птицы и животные, занесенные в Красную книгу рассматриваемых стран, являются предметом преступления в анализируемых нормах. Отличительной характеристикой выступает только предмет преступления в КНР, здесь им являются только дикие животные, находящиеся на грани вымирания [8].

Признаки составляющие объективную сторону преступления, (в УК Казахстана уголовного правонарушения) имеют схожий характер и выделяют следующие преступные деяния:

– незаконная охота, без надлежащего разрешения либо в запретных зонах, либо в запретное время, либо запрещенными орудиями и способом. Проводя анализ уголовно-правовых норм было выявлено, что способом совершения преступления признаются применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей. В УК Казахстана – это применение огнестрельного, пневматического, метательного, холодного оружия, других видов орудий добычания, собак, ловчих хищных птиц, верхового, гужевого транспорта [9].

– незаконная охота на особо охраняемых природных территориях. К таким территориям относятся территории заповедников, заказников, национальных парков, либо зоны экологического бедствия или зоны чрезвычайной экологической ситуации. Так в уголовном кодексе Республики Беларусь конкретизированы зоны чрезвычайной экологической ситуации, под ними следует понимать территории, подвергшиеся радиоактивному загрязнению, где установлен контрольно-пропускной режим.

– незаконная охота, в отношении птиц и зверей, на которых полностью запрещена. К таковым относятся птицы и животные, занесенные в Красную книгу рассматриваемых стран.

– незаконная охота, с причинением

значительного ущерба, например в УК Азербайджанской республики он составляет сумму в размере от четырехсот до тысячи манатов [10]. А в УК Казахстана признается стоимостное выражение затрат, необходимых для восстановления окружающей среды и потребительских свойств природных ресурсов, в размере ста месячных расчетных показателей либо его превышающем.

– незаконная охота с причинением крупного ущерба, в анализируемых нормах установлен свой размер ущерба. Например, в УК Кыргызской республики крупным признается ущерб, сумма которого в двести раз превышает расчетный показатель, установленный законодательством на момент совершения преступления [11]. Так, в прокуратуре Суюн-ской области было возбуждено уголовное дело по признакам пунктов незаконная охота, причинившая крупный ущерб, совершенная в отношении птиц и диких животных, охота на которых полностью запрещена Уголовным кодексом Республики Армении [12]. По материалам дела, установлена незаконная охота на занесенного в Красную книгу Армении безоарового козла, в результате незаконной охоты ущерб составляет 3 млн. драмов, что считается крупным ущербом [13].

– в Уголовных кодексах Республики Беларусь и Республики Узбекистан, незаконная охота с причинением особо крупного ущерба, который в Республике Беларусь составляет сумму в размере в двести пятьдесят и более раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления [14].

– незаконная охота, совершенная лицом с использованием своего служебного положения, отличие составляет Уголовный кодекс Республики Молдова, здесь закреплено, что общественно-опасным деянием так же является неза-

конная охота совершенная публичным лицом или лицом, исполняющим ответственную государственную должность [15].

– незаконная охота, совершенная группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

– незаконная покупка, транспортировка, продажа основных охраняемых государством редких, находящихся на грани вымирания диких животных или продукции из них. Это деяние является преступным в Уголовном кодексе Китайской народной республики.

5. Субъект преступления в анализируемых нормах общий, то есть должен обладать основными признаками: физическое лицо, вменяемое, достигшее установленного страной возраста уголовной ответственности. В квалифицированных составах преступлений субъект специальный, например, лицо, использующее свое служебное положение, публичное лицо или лицо, исполняющее ответственную государственную должность.

6. С субъективной стороны во всех анализируемых уголовно-правовых нормах формой вины выступает прямой умысел, т.е. лицо осознает общественную опасность, предвидит возможность и неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желает их наступления.

Отличительной чертой, выявленной при анализе норм, является примечание в Уголовном кодексе Республики Узбекистана, которое гласит, что в случае возмещения причиненного материального ущерба в трехкратном размере, а ущерба, причиненного в отношении редких и исчезающих видов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Республики Узбекистан, в пятикратном размере, не применяется наказание в виде ограничения свободы и лишения свободы [16].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)// Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об охране окружающей среды»// Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018)// Собрание законодательства. 1996. №25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
5. Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 17.06.2019. № 24. Ст. 3102.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения

- в области охраны окружающей среды и природопользования»// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 12.
7. Приговор № 1-29/2019 от 23 мая 2019 г. по делу № 1-29/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.12.2019).
 8. Уголовный кодекс Китайской народной республики URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 02.12.2019).
 9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.10.2019 г.) URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения: 03.12.2019).
 10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.07.2019 г.) URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353#sub_id=2580000 (дата обращения: 03.12.2019).
 11. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.05.2019 г.) URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840 (дата обращения: 03.12.2019).
 12. Уголовный кодекс Республики Армения URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus> (дата обращения: 03.12.2019).
 13. URL: <https://newsarmenia.am/news/incidents/bezoarovyy-kozel-zastrelen-v-armenii-summa-ushcherba-3-mln-dramov> (дата обращения: 03.12.2019).
 14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.11.2019 г.) URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=2297;-24 (дата обращения: 04.12.2019).
 15. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.11.2018 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 04.12.2019).
 16. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.11.2019 г.) URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110#pos=2042;-58 (дата обращения: 04.12.2019).

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993)// Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2014. № 31. St. 4398.
2. Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 26.07.2019) «Ob okhrane okruzhayushchey sredy»// Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2002. № 2. St. 133.
3. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 12.11.2018)// Sobraniye zakonodatel'stva. 1996. №25. St. 2954.
4. Federal'nyy zakon ot 24.07.2009 № 209-FZ (red. ot 02.08.2019) «Ob okhote i o sokhranении okhotnich'ikh resursov, i o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii»// Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2009. № 30. St. 3735.
5. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 10.06.2019 № 750 «Ob utverzhdenii taks i metodiki ischisleniya krupnogo i osobo krupnogo ushcherba dlya tseley stat'i 258 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»// Sobraniye zakonodatel'stva RF. 17.06.2019. № 24. St. 3102.
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 18 oktyabrya 2012 g. № 21 «O primenении sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy i prirodopol'zovaniya»// Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2012. № 12.
7. Prigovor № 1-29/2019 ot 23 maya 2019 g. po delu № 1-29/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 02.12.2019).
8. Ugolovnyy kodeks Kitayskoy narodnoy respubliki URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 02.12.2019).
9. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 28.10.2019 g.) URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения: 03.12.2019).
10. Ugolovnyy kodeks Azerbaydzhanskoй Respubliki (utverzhden Zakonom Azerbaydzhanskoй Respubliki ot 30 dekabrya 1999 goda № 787-IQ) (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 09.07.2019 g.) URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353#sub_id=2580000 (дата обращения: 03.12.2019).
11. Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 2 fevralya 2017 goda № 19 (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 15.05.2019 g.) URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840 (дата обращения: 03.12.2019).
12. Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus> (дата обращения: 03.12.2019).
13. URL: <https://newsarmenia.am/news/incidents/bezoarovyy-kozel-zastrelen-v-armenii-summa-ushcherba-3-mln-dramov> (дата обращения: 03.12.2019).
14. Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 9 iyulya 1999 goda № 275-Z (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 11.11.2019 g.) URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=2297;-24 (дата обращения: 04.12.2019).

15. Ugolovnyy kodeks Respubliki Moldova ot 18 aprelya 2002 goda № 985-XV (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 15.11.2018 g.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (data obrashcheniya: 04.12.2019).

16. Ugolovnyy kodeks Respubliki Uzbekistan (utverzhen Zakonom Respubliki Uzbekistan ot 22 sentyabrya 1994 goda № 2012-XII) (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 05.11.2019 g.) URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110#pos=2042;-58 (data obrashcheniya: 04.12.2019).

БИРЮКОВА Дарья Вячеславовна, преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080 г. Челябинск. Проспект Ленина, д.76. E-mail: biriukovadv@susu.u

BIRYUKOVA Daria, Lecturer, Department of Criminal and Penitentiary Law, Criminology, South Ural State University (National Research University), 454080, Chelyabinsk. Prospect Lenina, d.76. E-mail: biriukovadv@susu.ru

Сиракян А. Р.

МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Sirakanyan A. R.

MECHANISM FOR THE PERPETRATION AND CONCEALMENT OF CRIMES INVOLVING VIOLATIONS OF LABOR AND SAFETY REGULATIONS

Автор в данной статье рассматривает вопросы механизма преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда. Основное внимание уделяется выявлению понятия механизма преступления и соотношению ее с криминалистической характеристикой преступления. Основное внимание автор уделяет основным элементам механизма преступления, а также структурным элементам криминалистической характеристики совершения и сокрытия преступлений. Одновременно разворачивается дискуссия между высказываниями видных ученых – криминалистов России и приводится авторское суждение. Сделан вывод о том, что механизм преступления входит в число элементов криминалистической методики расследования совершения и сокрытия преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности.

Ключевые слова: механизм преступления, сокрытие преступления, охрана труд, техника безопасности, криминалистика, криминалистическая характеристика.

The author considers in this article the mechanism of crimes related to violation of labour protection rules. The focus is on identifying the concept of the mechanism of the crime and the relationship between it and the forensic characteristic of the crime. The author focuses on the main elements of the mechanism of the crime, as well as the structural elements of the forensic characteristic of the commission and concealment of crimes. At the same time, a discussion is developed between the statements of prominent scientists - forensic scientists of Russia and the author 's judgment is given. It has been concluded that the mechanism of the crime is one of the elements of the forensic methodology for investigating the commission and concealment of crimes related to the violation of health and safety regulations.

Keywords: crime mechanism, crime concealment, labor protection, safety measures, criminalistics, criminalistic characteristic.

Повышение эффективности деятельности следственного аппарата по конкретным видам преступлений во многом определяется качеством криминалистических методик расследования. Не случайно данная задача считается одной из основных в криминалистике. Разработка эффективной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с нарушением правил охраны тру-

да, способна в какой-то мере заполнить пробел в теоретическом обеспечении расследования этой группы преступлений.

Между тем, за последние десятилетия кардинально изменилось не только законодательство в области охраны труда. Активно развивалась криминалистика, предлагая новые подходы к формированию частных криминалистических мето-

дик. Об этом свидетельствует тот факт, что Н.П. Яблоков, один из учёных разрабатывающих теоретические положения научной категории «методика расследования», в более поздних работах дополнил предложенную им структуру криминалистических методик обстоятельствами, подлежащими установлению при расследовании преступлений [15, с.174].

Позже, критикуя структуру криминалистической характеристики преступления в методиках расследования, А.М. Кустов предложил в качестве обязательного элемента таких методик рассматривать механизм преступления, под которым он понимал «систему взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки. Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о преступлении, его участниках и результатах» [8, с.231].

На сегодняшний момент сложилось несколько точек зрения на соотношение понятий «механизм преступления» и «криминалистическая характеристика преступления». Часть исследователей (Р.С. Белкин, Е.П. Ищенко) отмечает, что механизм преступления — это самостоятельный элемент криминалистической методики расследования, который, являясь более полным и практически значимым, должен заменить криминалистическую характеристику преступления.

Другая часть исследователей полагает, что эти два понятия полностью дублируют друг друга и принципиального различия между собой не содержат [4, с.74-75]. Как достаточно резко выразился Ю.П. Гармаев, «понятие и структура «криминалистической характеристики преступления» («изжившая» концепция), например, в изложении И.Ф. Герасимова и структура «механизма преступления» (новая концепция) с точки зрения Р.С. Белкина — принципиально не различаются. Налицо — признаки методологического тупика: отказавшись от старой концепции, новой не создали» [4, с.79-80].

Автором третьей позиции можно считать А.Ф. Лубина. Определение механизма преступной деятельности формулируется им следующим образом: это «методологическая категория, выражающая закономерности теоретического построения и экспериментальной проверки модельной иерархической системы типовых версий, в целях последующего формиро-

вания и корректировки типовых методик расследования преступлений». Таким образом, механизм преступной деятельности (механизм преступления) служит, согласно этой точке зрения, средством для формирования криминалистической характеристики вида или группы преступлений. Последняя же, как сущностное знание о деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений выступает (наряду с техническими и организационными средствами) в качестве информационного средства методики расследования. Эту же точку зрения разделяют Е.П. Фирсов, О.В. Чельшева и др.

На наш взгляд, с этой позицией можно согласиться лишь частично. Криминалистическая характеристика преступления, которая строится на основе обобщения статистической информации, по сути, является «усредненной» картиной преступления, выхватывая отдельные его элементы в статике. В то время как механизм преступления отражает не только взаимосвязи отдельных элементов преступления, но и их последовательность, взаимообусловленность.

По нашему мнению, наиболее правильной в этом плане представляется позиция А.М. Кустова. Автор рассматривает механизм преступления как самостоятельный элемент методики расследования. А.М. Кустов отмечает, что «механизм преступления — это система взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки», который «закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о преступлении, его участниках и результатах» [10, с.16]. Автор выделяет следующие основные элементы механизма преступления:

- деятельность (реже — отдельные действия и движения) субъекта преступного события;
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления;
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием;
- отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, предмет преступного посягательства.

Взяв за основу работы И.М. Лузгина о способах и значении моделирования в

расследовании преступлений [11, с.82-89], А.М. Кустов предложил выделять механизмы преступления, представленные в виде типовых моделей, в качестве основного структурного элемента методики расследования преступлений, заменяющего криминалистическую характеристику.

На наш взгляд, это направление развития частных криминалистических методик, хотя еще и не получило должного развития в работах современников, представляется нам наиболее перспективным, в том числе и при формировании методики расследования преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда. Однако, разделяя в целом взгляд А.М. Кустова на механизм преступления, а также на то, что типовые модели механизмов преступления должны представлять самостоятельный элемент методики расследования, мы все же должны решить вопрос о том, заменяют ли они криминалистическую характеристику или лишь дополняют ее.

На наш взгляд, понятия «механизм преступления» и «криминалистическая характеристика» хотя и разные, но взаимозаменяющие друг друга. Если криминалистическая характеристика изучает закономерности статистического распределения вариантов криминалистических элементов преступления, давая ориентирующую информацию о преступлении, то механизм преступления изучает динамические связи между значимыми элементами преступления, являясь основой для выделения типичных следственных ситуаций и построения модельной иерархической системы типовых версий.

Тем не менее, учитывая, что эти элементы методики расследования во многом пересекаются, сравним их в плане практической значимости. Очевидно, что

такой важный при расследовании преступных нарушений правил охраны труда структурный элемент механизма преступления, как деятельность преступника, включает в себя сведения о преступнике, способ совершения и сокрытия преступления, являющиеся отдельными элементами криминалистической характеристики. Тот факт, что криминалистическая характеристика оперирует данными статистики, а моделирование типовых механизмов преступления изучает статистическую зависимость между этими элементами, говорит о том, что их предпочтительнее изучать в составе механизма преступления. Соответственно, все элементы криминалистической характеристики преступления предпочтительнее рассматривать внутри типовых моделей механизма преступления.

С учётом изложенного, при разработке методики преступлений в сфере нарушения правил охраны труда и техники безопасности, механизм преступления целесообразно рассматривать как элемент криминалистической методики расследования совершения и сокрытия преступлений в названной сфере деятельности. А полный перечень этих элементов должен содержать следующие:

- обстоятельства, подлежащие доказыванию;
- типичные модели механизма преступления;
- особенности расследования и проведения следственных действий на этапе проверки информации о преступлении и возбуждения уголовного дела;
- особенности расследования и типичные следственные ситуации на этапе предварительного расследования;
- особенности расследования на завершающем этапе принятия окончательного решения по делу.

Литература

1. Веренич И.В., Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления: Монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 672 с.
2. Верютин В.Н. О соотношении способа совершения преступления, механизма преступления и механизма совершения преступления в криминалистике // Современные проблемы расследования и профилактики преступлений. Сборник научных трудов. – Волгоград, 2001. – С. 99-104;
3. Гавло В.К. Криминалистический механизм преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступлений // Избранные труды. – Барнаул, 2011. – С. 306-308.
4. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: Дис... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — 341с.
5. Гребенкин П.И. Криминалистическая деятельность в механизме преступлений // Тотальные аспекты науки, образования и новых технологий. Материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2016. – С. 61-64.
6. Игнатов А.И. О категориях "механизм преступного поведения", "механизм преступления" и "механизм совершения преступления" // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2017. – С. 126-132.
7. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контек-

- сте его способа и механизма // Вестник томского государственного университета. – Томск, 2011. – С. 51-64;
8. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. - М., 1997. - 355 с.
9. Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. – М., 1997. – С. 38.
10. Кустов А.М. Типовая модель механизма преступления — основа частной криминалистической методики// Вестник криминалистики. — 2004. — Вып. 1 (9). — С. 15—18.
11. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. – М.: Юрид. лит., 1973. – 216 с.
12. Самойлов А.В. Механизм совершения преступления и криминалистическая характеристика преступлений: соотношение понятий // Провинциальные научные записки. – Курск, 2015. – С. 28-32.
13. Самойлов А.В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. – Курск, 2010. – С. 122-124;
14. Чурилов С.Н. В чем смысл и значение термина "криминалистическая характеристика механизма преступления"? // Вестник криминалистики. – Коломна, 2008. – С. 18-21.
15. Яблоков, Н. П. Криминалистика: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 303 с.

References

1. Verenich I.V., Proshin V.M. Criminalistic science and theory of the mechanism of crime: Monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2016. – 672 p.
2. Veryutin V.N. On the Ratio of the Method of Commission of a Crime, the Mechanism of a Crime and the Mechanism of Commission of a Crime in Forensic Science// Modern Problems of Investigation and Prevention of Crimes. Collection of scientific works. - Volgograd, 2001. - P. 99-104.
3. Gavlo V.K. Criminalistic mechanism of crime as structural component of criminalistic characteristic of crimes//Chosen works. – Barnaul, 2011. – P. 306-308.
4. Garmayev Y.P. Theoretical basis of formation of forensic methods of crime investigation: Dis... Dr. Jurid. Sciences. - M., 2003. - 341 p.
5. Grebenkin P.I. Forensic activity in the mechanism of crimes//Total aspects of science, education and new technologies. Materials of the international scientific and practical conference. – Pyatigorsk, 2016. – P. 61-64;
6. Ignatov A.I. About categories "mechanism of criminal behavior", "crime mechanism" and "crime commission mechanism"//Humanitarian, social and economic and social sciences. – Krasnodar, 2017. – P. 126-132.
7. Knyazkov A. S. Criminalistic characteristic of crime in the context of its way and the mechanism//the Bulletin of the Tomsk state university. – Tomsk, 2011. – P. 51-64;
8. Bushov A.M. Forensic teaching about the mechanism of crime. Dice.... докт. юрид. Sciences: 12.00.09. - М., 1997. - 355 p.
9. Bushov A.M. Theoretical foundations of forensic teaching on the mechanism of crime. - М., 1997. – P. 38.
10. Kustov A.M. Model of Crime Mechanism - Basis of Private Forensic Methodology// Journal of Forensic Science. - 2004. - Ex.1 (9). – P. 15-18.
11. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation. – М.: Yurid. litas, 1973. – 216 p.
12. Samoylov A.V. Mechanism of commission of crime and criminalistic characteristic of crimes: ratio of concepts//Provincial scientific notes. – Kursk, 2015. – P. 28-32;
13. Samoilov A.V. Teaching about the mechanism of commission of crime: history of origin and development//Scientific notes. Online scientific magazine of the Kursk state university. – Kursk, 2010. – P. 122-124;
14. Churilov S.N. In what sense and value of the term "criminalistic characteristic of the mechanism of crime"?//Messenger of criminalistics. – Kolomna, 2008. – P. 18-21;
15. Yablokov, N. P. Forensics: Textbook. - 2nd ed., re-work. And additional - Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. - 303 p.

СИРАКАНЯН Аркадий Рашимович, аспирант кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет. 628403, г. Сургут, ул. Ленина, 1. E-mail: sirakanyan1995@gmail.com

SIRAKANYAN Arkadiy, Graduate student of the Department of Criminal Law and Process, Surgut State University. 628403, Surgut, Lenina Street, 1. E-mail: sirakanyan1995@gmail.com

УДК 343.132

Ястребова Т. И.

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Yastrebova T. I.

ABOUT THE PROCEDURAL ACTIONS OF THE INVESTIGATOR

В статье анализируется и раскрывается понятие уголовно-процессуальных действий субъектов расследования уголовных дел. Изложена их структура и содержание. Говорится о проблемах имеющих место в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, сущность которых заключается в том, что субъекты расследования в своей работе применяют как процессуальные, так и не процессуальные действия, не отраженные в нормах УПК. Рассматривается соотношение следственных и организационных действий в рамках процессуальных. Обоснована необходимость внесения дополнения в ст. 5 УПК РФ такого понятия как процессуальное организационное действие дознавателя, следователя, начальника следственного органа и суда.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, следственные действия, процессуальные организационные действия.

The article analyzes and reveals the concept of criminal procedural actions of subjects of criminal investigation. Their structure and content are stated. It discusses the problems that occur in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, the essence of which lies in the fact that the subjects of the investigation in their work apply both procedural and non-procedural actions that are not reflected in the norms of the CPC. The correlation of investigative and organizational actions within the framework of procedural ones is considered. The necessity of making an amendment to Art.5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of such a thing as the procedural organizational action of an inquiry officer, investigator, head of the investigative body and court.

Keywords: criminal procedure law, investigative actions, organizational process.

Расследование уголовного дела как процесс, представляет собой комплекс разнонаправленных действий следователя с целью познания сущности совершенного деяния. Следователь производит действия и принимает решения, обозначенные или обусловленные уголовно-процессуальным законом.

Каждое из этих многообразных действий и решений является процессуальным, имеющим свои цели и задачи к достижению и выполнению которых стремиться следователь

В пункте 32 ст. 5 УПК РФ весьма четко определены процессуальные действия, в том числе это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом.

О следственном действии, как о про-

цессуальном, сказано и в пункте 19 этой же статьи, в которой определено, что неотложное следственное действие обозначает действие, осуществляемое органом дознания, после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Вместе с тем, формулировка понятия следственного действия, в УПК РФ не дано и как следствие этого, имеют место дискуссии и различные позиции ученых по этому понятию.

Так, А.М. Ларин [1, с. 92–103], И.М. Лузгин [2, с. 58–59], и др. под термином «следственные действия» понимают все

125

Гражданское и уголовное
судопроизводство

процессуальные действия, осуществляемые следователем при производстве по уголовному делу, – действия, направленные на урегулирование хода расследования уголовного дела, формулирование и обоснование выводов о его результатах, определяющие процессуальное положение его участников, обеспечивающие их явку и реализацию процессуальных прав, возможность получения доказательственной информации. Данная позиция, по мнению З.Л. Шагапсоева, является не верной, так как понятие «следственные действия» полностью растворяется в понятии «процессуальные действия». Кроме того, нельзя, по мнению автора, рассматривать действия следователя, направленные на обеспечение явки участников уголовного судопроизводства к следователю (дознавателю), как следственное действие, поскольку она не влечет какого либо познания по расследуемому делу и не несет в себе доказательственной информации [3, с. 187].

Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев понимают под следственными действиями регламентированные процессуальным законом действия, непосредственно направленные на обнаружение, закрепление, проверку доказательств [4]. Аналогичная позиция высказана в работах М.Х. Гельдибаева [5, с. 109].

В.А. Семенцов считает, что следственное действие есть предусмотренное уголовно-процессуальным законом действие дознавателя, следователя и суда по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленное на установление и доказывание имеющих значение фактических обстоятельств, характеризующихся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченное уголовно-процессуальным принуждением [6, с. 39-45].

Рассуждая о понятии следственных действий С.Б. Россинский утверждает, что в различных ситуациях под данную дефиницию в УПК РФ подпадают разные правовые категории [7, с. 12-17].

Мы придерживаемся точки зрения, изложенной в трудах С.А. Шейфера, в соответствии с которой «следственное действие представляет собой комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации [8, с. 5–11].

Автор предлагает рассматривать следственное действие в познавательном и процессуальном аспекте. В первом случае – это способ собирания доказательств. Во втором – следственное действие четко регламентируется нормами УПК РФ и образует специфический институт уголовно-процессуального права, реализуемый в правоотношениях между его участниками [9, с. 5–16].

В уголовном процессе принято различать понятия процессуальные и следственные действия. Между собой их соотношение как общее и частное.

Это означает, что все действия следователя являются процессуальными (п.32 ст.5 УПК РФ), но в то же время, не все процессуальные относятся к следственным. Процессуальные действия – это любые предусмотренные либо обусловленные уголовно-процессуальным законом действия следователя, органа дознания и суда. Чисто процессуальные по своему содержанию предсказуемые, более типичные и конкретные (вынесение постановлений о возбуждении уголовного дела, о направлении уголовного дела, об избрании меры пресечения, истребование документов, производство ревизий, инвентаризаций, о разъяснении прав участникам уголовного процесса и др.) Это правовая оболочка, предвещающая действия следователя.

Процессуальные действия могут проводиться не только следователем, но и иными субъектами уголовного процесса такими как: дознавателем, начальником следственного органа, судом. Каждый из указанных субъектов проводит процессуальные мероприятия в рамках своих компетенций, прописанных нормативно-правовыми актами.

Следственные действия, безусловно, являются процессуальными, они тоже определены нормами права, являются реализацией этих норм права и направлены они на обнаружение, фиксацию, изъятие, исследование и проверку доказательств по уголовному делу. Следственные действия предусмотрены УПК РФ, четко и однозначно им регламентированы и выполняются строго определенными должностными лицами, которые законом наделены специальными полномочиями, в том числе: следователем, начальником следственного органа и дознавателем. Процессуальные и следственные действия также имеют место в процессе судебного следствия, которые проводятся судом.

Таким образом, говоря о процессуальных действиях, мы имеем в виду реализа-

цию субъектом своих процессуальных полномочий, наделенных уголовно-процессуальным законом. Однако в таком контексте формально субъект уголовно-процессуальных отношений реализовать свои полномочия во многих случаях не может в силу того, что не все имеющие место в практике уголовного судопроизводства действия, обозначены в УПК РФ. Некоторые аспекты процессуальной деятельности следователя, дознавателя и суда которые, безусловно, всегда имеют место быть в их деятельности, не находят отражение в законодательстве, а без них, отдельные следственные действия производить было бы невозможно, исходя из предписаний норм закона. И, тем не менее, в УПК РФ они не обозначены, не прописаны, а существуют как само собой подразумевающиеся, за текстом нормы. Мы имеем в виду организационные действия следователя, связанные с производством отдельных следственных действий.

Мы предвидим возражения оппонентов, в содержании которых может быть сказано, что организация следственных действий, как тактический аспект, разрабатывается в криминалистике и в нормативных документах в своем разнообразии не может быть предусмотрена. И это верно. В криминалистике разрабатываются тактические способы, приемы и рекомендации по производству отдельных следственных действий. Однако правовое обеспечение всех участников уголовного судопроизводства, предусматривается в УПК РФ.

В главе 8 УПК РФ определены субъекты, не являющиеся сторонами в уголовном процессе, которые не заинтересованы в результатах исхода уголовного дела, а привлекаются как носители доказательственной информации, либо для оказания содействия в производстве следственного действия, или для удостоверения его результатов. Таких участников названо пять – свидетель, эксперт, специа-

лист, переводчик и понятой. Вместе с тем, никто из перечисленных участников самостоятельную инициативу к участию в производстве следственных действий, как правило, не проявляет, а порой и желания к этому участию не имеет. Для того чтобы они, как участники следственного действия появились, следователю приходится приложить немало усилий организационного характера, так как большинство из них следователю не ведомы. Для их обнаружения, установления и приглашения (привлечения), требуется немало организационных процессуальных средств и действий различной формы.

Кроме того, как правило, требуются процессуальные организационные действия не только для производства отдельных следственных, но и других процессуальных действий, например, истребование документов, производство ревизий, инвентаризаций, установление собственников помещений, материально-ответственных лиц и привлекаемых к участию в производстве осмотров, обысков и др. следственных действий по некоторым видам уголовных дел.

Внесение дополнения в уголовно процессуальный кодекс такого понятия как организационные действия имели бы статус процессуальных и носили бы характер обязательности их выполнения, как следователем, так и другими участниками уголовного судопроизводства. Реализация нашего предложения изменит структуру процессуальных действий, являющихся общими, а следственные и организационные – частными.

На основании изложенного, мы полагаем необходимым внести в ст. 5 УПК РФ дополнение в следующей редакции: «процессуальные организационные действия – действия дознавателя, следователя, начальника следственного органа и суда, направленные на обеспечение подготовки, хода и результатов производства процессуальных действий»

Литература

1. Ларин А.М. Следственные действия (определение, понятия, терминология) // Оптимизация расследования преступлений. Сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1982. С.92–103
2. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М. ВШ МВД СССР, 1969. С. 58–59.
3. Шагапсов З.Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. 2013. №3 (45) . С. 186–189.
4. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С.Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев; науч. ред. Н.С. Алексеев. Воронеж: изд-во Воронеж. Ун-та, 1980. 252 с.
5. Гельдибаев М.Х. Уголовный процесс: учеб. пособие. СПб, 2001.
6. Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №2. С 39–45

7. Россинский С.Б Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 23. С. 12–17.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.
9. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016 № 2. С. 5–16.

References

1. Larin A.M. Sledstvennyye dejstviya (opredelenie, ponjatija, terminologija) // Optimizacija rassledovaniya prestuplenij. Sbornik nauchnyhtrudov. Irkutsk: Izd-voIrkut. Un-ta, 1982.S.92–103.
2. Luzgin I.M. Rassledovanie kak process poznaniya. M. VSh MVD SSSR, 1969. S. 58–59.
3. Shhagapsoev Z.L. Ponjatie, vidy i priznaki sledstvennyh dejstvij // Obshhestvo i pravo. 2013. №3 (45) .S.186–189.
4. Ocherk razvitija nauki sovetskogo ugolovnogogo processa / N.S. Alekseev, V.G. Daev, L.D. Kokorev; nauch. red. N.S. Alekseev. Voronezh: izd-vo Voronezh. Un-ta, 1980.252 s.
5. Gel'dibaev M.H. Ugolovnyj process: ucheb. posobie. SPb, 2001.
6. Semencov V.A. O sootnoshenii sledstvennyh i inyh processual'nyh dejstvij, prednaznachennyh dlja sobiraniya dokazatel'stv // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. №2. S 39–45.
7. Rossinskij S.B Sledstvennyedejstviyakaksredstvapoznaniyaobstojatel'stvugolovnogodela // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 23. С. 12–17.
8. Shejfer S.A. Sledstvennyye dejstviya. Sistema i processual'naja forma.M., 2001.
9. Shejfer S.A. Sistemasedstvennyh dejstvij: kakovy puti yeye razvitija? // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2016 № 2. С. 5–16.

ЯСТРЕБОВА Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральский государственный университет (НИУ). 454080, Челябинск, ул. Коммуны, 149. E- mail: iastrebovati@susu.ru

YASTREBOVA Tatiana, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Process, Criminalistics and Judicial Expertise, South Ural State University (NRU), 454080, Chelyabinsk, Kommuny Str., 149. E- mail: iastrebovati@susu.ru

ПРОБЛЕМЫ И МНЕНИЯ

(12.00.02)

ПП № 5(74)-2019. с. 129—131

УДК 342.4

Яковлев А. Ю.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ БАЗИС, РАЗВИТИЕ И ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ С АКЦИОНЕРНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Yakovlev A. Y.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS, DEVELOPMENT AND CURRENT STATUS OF JOINT-STOCK PROPERTY OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В настоящей работе автор исследует правовые основы возникновения акционерной собственности субъектов Российской Федерации, заложенные в начале 90-х годов XX в. Исследовано развитие и настоящее положение с региональными акционерными обществами в России. Рассмотрены конкретные примеры субъектов федерации и находящихся в их владении акций обществ в различных сферах народного хозяйства. Среди передовых в данном отношении российских регионов Тюменская и Ульяновская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республики Саха (Якутия) и др.

Ключевые слова: государственная собственность, государственное имущество, имущество субъектов федерации, акционерное общество с участием государства, государственное акционерное общество.

In this work the author explores the legal basis for the emergence of joint ownership of subjects of the Russian Federation, incorporated in the early 90s of the twentieth century. The development and current situation with regional joint-stock companies in Russia is investigated in this article. The examples in the face of the subjects of the federation and joint-stock companies in various spheres of the national economy which are in their ownership were considered. Among the leading Russian regions in this matter are the Tyumen Region, the Ulyanovsk Region, the Yamalo-Nenets Autonomous District and the Republic of Sakha (Yakutia) and other.

Keywords: state property, property of the state, property of constituent entities of the federation, joint stock company with state participation, state joint stock company.

На протяжении всей новейшей истории и постсоветской, в частности, в России государство было и остается крупнейшим собственником. С госсобственностью обычно ассоциируют федеральный центр, хотя по ряду параметров он уступает некоторым субъектам федерации (например, Москве).

Правовой основой для появления региональной (как и федеральной [2]) собственности был акт Верховного Совета РФ 1991 г. [1]. В соответствии с ним предполагалось наделить субъекты Российской Федерации рядом объектов имущества, среди которых организации и предприятия: занимавшие доминирующее по-

129

Проблемы
и мнения

ложение на российском или местных рынках товаров, работ, услуг; с численностью занятых более 10 тыс. чел.; атомного и энергетического машиностроения; автомобильного транспорта; автомобильного транспорта; рыбного промысла; зверосовхозы; телевидения, радиовещания, полиграфии, информационные и телеграфные агентства и др.

Необходимо отметить, что определенная часть приведенного перечня, с некоторыми сокращениями, действительно находится до сих пор в региональной собственности, правда, в большинстве случаев в оперативном управлении у учреждений, реже в хозяйственном ведении у государственных предприятий. Однако это, в основном, организации социальной направленности. Хозяйственные общества, созданные на базе разделенного советского наследия, встречаются значительно реже.

К сегодняшнему дню субъекты федерации по-разному подошли с точки зрения сохранения указанного имущества. Практически все за прошедшее с тех пор время утратили по различным причинам производственные и иные предприятия. Исключения могут составлять в некоторых субъектах федерации единичные сельскохозяйственные, транспортные (например, аэропорты, автобусные перевозки), региональные телерадиовещательные организации, типографии.

Интересным с точки зрения сохранения имущества является опыт Тюменской области, имеющий в собственности акции ПАО «Авиакомпания «ЮТэйр» (8,4%) или Ямало-Ненецкого автономного округа, обладающего акциями АО «Авиационная транспортная компания «Ямал» (98,2% акций) с уставным капиталом 3,893 млрд. руб., АО «Аэропорт Салехард» АО «Надымское авиапредприятие», АО «Новоуренгойский объединенный авиаотряд», АО «Ямалавтодор» (все со 100% акционерным капиталом), а также АО «Терминал-Роцино» (аэропорт г. Тюмени) и др.

Структура региональной акционерной собственности в зависимости от субъекта федерации значительно отличается. В одних довольно ощутимое число организаций, где более одного акционера (например, в Брянской области из 33 24 акционерных общества с долей менее 100%), в иных доминируют «моноакционерные» общества. В ЯНАО в собственности округа находятся акции 20 акционерных обществ, значительная часть из которых с одним акционером.

Сфера и масштабы также сильно кор-

ректируются. Например, у Республики Саха (Якутия) $\frac{1}{4}$ акций алмазного гиганта АК «АЛРОСА» (ПАО), 100% акций АО «Республиканская инвестиционная компания» с внушительным уставным капиталом в 36,7 млрд. руб. Всего в республике 38 обществ. Достаточно большое внимание к акционерной собственности в Ульяновской области, где в областной собственности сохраняются сельскохозяйственные организации. Например, АО «Агрокомбинат «Ульяновский» с уставным капиталом более 1 млрд. руб. и АО «Новомалыклинский Агротехснаб», организация, работающая с высокой рентабельностью, несмотря на расположение в отдаленном районе с небольшой численностью населения. Имеются в регионе и иные общества с акционером – областью, среди которых: крупное фармацевтическое предприятие с собственной сетью аптек - АО «УльяновскФармация» с годовой выручкой более 2 млрд. руб.; воздушные ворота области - АО «Аэропорт Ульяновск»; АО «Корпорация развития Ульяновской области»; областной институт развития - АО «Корпорация развития Ульяновской области»; организации гостинично-санаторной сферы - АО «Гостиница «Октябрьская» и АО «Санаторий «Итиль» и др.

Проводя сопоставления того, что предполагалось оставить в федеральной собственности и субъектов федерации с тем, что в данный момент составляет акционерную собственность, необходимо констатировать, что мало что сохранилось в таком виде в России, хотя и могло существовать какой-то промежуток времени с момента акционирования унитарных предприятий до продажи их акций.

Необходимо отметить, что далеко не всегда в российской новейшей истории ситуация складывалась так, как должна была бы, исходя из приведенного выше акта Верховного Совета РФ. Иллюстрацией настоящей мысли может служить история крупного холодильного предприятия с 90-летней историей Свердловской области, расположенного в самом центре г. Екатеринбурга - ОАО «Хладокомбинат «НОРД». Его пакет акций был довольно долго до момента продажи федеральной части в 49% разделен между ней и 3-мя частными лицами. Свердловской области среди акционеров не было.

Акционирование (приватизация) предприятий, доставшихся при разделе общегосударственной собственности, не единственный возможный путь для появления акций у субъектов Российской Федерации. Другой вариант - учреждение нового общества. Из приведенных вари-

антов на практике получила большее распространение приватизация.

У большинства субъектов Российской Федерации на сегодняшний день есть прогнозные планы приватизации, предусматривающие, помимо продажи акций, преобразование государственных унитарных предприятий путем внесения, находящегося у них в хозяйственном ведении имущества в уставные капиталы создаваемых обществ.

На протяжении последних десятилетий в стране наметилась тенденция снижения числа унитарных предприятий, что отчасти обусловлено положениями Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, подталкивающей к постепенной замене данной организационно-правовой формы другими. Справедливости ради, стоит отметить, что не всегда регионы идут по пути акционирования. Иногда на их базе возникают бюджетные, казенные или автономные учреждения.

Что же касается собственно преобразования унитарных предприятий в акционерные общества, то скорость и мас-

штабность в зависимости от субъекта федерации сильно разнятся. В данном вопросе многое зависит от позиции по данному вопросу региональных должностных лиц, принимающих соответствующие решения. Во многом в российских реалиях сдерживающими факторами преобразования государственных унитарных предприятий в хозяйственные общества являются более высокие риски возникновения злоупотреблений со стороны генерального директора и иных должностных лиц в отношении имущества общества. Это связано с тем, что у государственных унитарных предприятий имущество (в т.ч. недвижимое) находится в хозяйственном ведении, что делает его более контролируемым со стороны собственника и исключает возможность его отчуждения (в т.ч. через процедуры «дробления» на объекты, стоимостью меньшей, необходимой для вынесения на общее собрание).

К иным причинам использования организационно-правовой формы в виде акционерных обществ прибавляются иные факторы, обусловленные региональной спецификой.

Литература

1. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации...».
2. Яковлев А.Ю., Забелина Е.П. Конституционные гарантии имущественных прав государства и их закрепление // Проблемы права, 2019, №2. – С. 28-30.

References

1. Postanovleniye Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii ot 27.12.1991 № 3020-1 «O razgranichenii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii...».
2. Yakovlev A.Y., Zabelina E.P. Konstitutsionnyye garantii imushchestvennykh prav gosudarstva i ikh zakrepleniye // Problemy prava, 2019, №2. – P. 28-30.

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич, доктор политических наук, профессор Государственного университета управления, профессор Дипломатической академии МИД России. 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99. E-mail: kafedragimu@ro.ru.

YAKOVLEV Alexander, Doctor of Political Science, professor of State University of Management, professor of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 99, Ryazanskiy prosp., Moscow, 109542. E-mail: kafedragimu@ro.ru.

Ким А. В.

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РЕЗИДЕНТА ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Kim A. V.

ON THE LEGAL STATUS OF A RESIDENT OF THE TERRITORY OF PRIORITY SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT: LEGISLATIVE REQUIREMENTS AND PRACTICAL PROBLEMS

В статье рассматривается порядок получения статуса резидента территории опережающего социально-экономического развития. Проанализированы законодательные требования к перечню обязательных документов и описаны практические проблемы, с которыми сталкиваются представители бизнеса в части истребования управляющими компаниями дополнительных сведений, не предусмотренных законодательством.

Ключевые слова: бизнес, резидент, территория опережающего социально-экономического развития, управляющая компания.

The article discusses the procedure for obtaining resident status in the territory of priority social and economic development. The legislative requirements for the list of binding documents are analyzed and practical problems that business representatives face in terms of demanding additional information by management companies not required by law are described.

Keywords: business, resident, territory of advanced social and economic development, management company.

В настоящее время приоритетной задачей государства является создание комфорта условий для экономического роста. Развиваясь в этом направлении, принимаются необходимые меры с целью улучшения инвестиционного климата, повышения привлекательности российской юрисдикции для осуществления предпринимательской деятельности[2]. Особое внимание уделяется развитию экономического потенциала в приграничных с соседними государствами территориях. Для этого на законодательном уровне решаются вопросы правового значения, вводятся новые режимы функционирования предпринимателей.

С принятием федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее - федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ) у представителей

бизнеса появились новые возможности в осуществлении хозяйственной деятельности[1]. Особое внимание уделено правовому положению резидента территории опережающего социально-экономического развития (далее-ТОР). В отличие от стандартного состояния лиц, занимающихся экономической деятельностью резидент ТОР имеет ряд преференций, которые гарантированы законом. Для получения статуса резидента ТОР необходимо выполнить ряд обязательных требований. Одним из таких является регистрация юридического лица либо индивидуально-предпринимателя на территории опережающего социально-экономического развития. Фактически речь идет о создании нового субъекта готового заниматься бизнесом. На практике возникают вопросы в части актуальности такой процедуры, поскольку статусом резидента ТОР интересуются предприниматели, ведущие

коммерческую деятельность за границами названных территорий. Следовательно, чтобы претендовать на статусные преференции резидента представителям бизнеса необходимо образовать новую организацию в пределах ТОР.

Следующим этапом является процедура по оформлению документации. Претендентом на статус резидента готовится заявка на заключение соглашения с управляющей компанией об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития. К заявке прилагаются документы, содержащие следующие сведения.

1) Информация о видах экономической деятельности, которой лицо намерено заниматься в границах ТОР. Важное значение в этом вопросе имеет новизна бизнес-плана. Предприниматель должен представить обоснование о том, что его проект является новым. В этом аспекте у коммерческих структур ранее занимающихся хозяйственной деятельностью возникают вопросы о целесообразности такого требования.

2) Данные о площади земельного участка или об ином имуществе, необходимом для осуществления заявленной экономической деятельности. Предоставление земельного участка резиденту ТОР является одной из форм поддержки, которая предусмотрена федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. Для этого управляющей компанией принимаются меры по содействию резиденту в получении земельного участка либо имущества для реализации предпринимательской деятельности.

3) О величине необходимой присоединяемой мощности энергопринимающих устройств заявителя, о видах, об объеме и о планируемой величине необходимой подключаемой нагрузки в отношении необходимых ресурсов (в том числе холодной и горячей воды, сетевого газа и тепловой энергии), используемых для предоставления услуг по теплоснабжению, газоснабжению и водоснабжению, а также иных ресурсов, необходимых для осуществления деятельности.

4) Информация о сроке, на который предлагается заключить соглашение об осуществлении деятельности. Законодатель не определил конкретные сроки по действию соглашения между резидентом ТОР и управляющей компанией. Заявитель вправе в инициативном порядке самостоятельно предложить оптимальный срок и указать его в заявке. В ней также может быть оговорена возможность продления срока договора.

Помимо названной информации к заявке прилагаются правоустанавливающие учредительные документы (в обязательном порядке для юридических лиц), копия свидетельства о государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя; копия свидетельства о постановке на учет в налоговом органе. Помимо этого, заявитель должен представить бизнес-план в форме, которая определена уполномоченным федеральным органом. Если соискателем статуса резидента ТОР является иностранный субъект, то в обязательном порядке прилагается заверенный перевод документов на русский язык, подтверждающих состояние юридического лица или физического лица в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством соответствующего государства [1].

Управляющая компания рассматривает представленный заявителем комплект документов и принимает решение о возможности заключения соглашения об осуществлении деятельности либо об отказе в заключении такого соглашения. В практической деятельности возникают ситуации, когда управляющая компания принимает отрицательное решение аргументируя свою позицию непредставлением заявителем подтверждающих документов к бизнес-плану. Примечательно, что частью 2 статьи 13 федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ определен исчерпывающий перечень необходимых документов, а это значит, что представление дополнительной информации не требуется. Тем не менее к основной заявке соискатели прилагают схему планируемого земельного участка, проект запованных строительством объектов на земельном участке, предварительные договоры купли-продажи объектов недвижимости, договоры аренды земельных участков, гарантийные письма и др.

Таким образом, в динамично развивающихся экономических отношениях процесс приобретения правового статуса резидента ТОР является весьма актуальным. Пошаговый алгоритм действий заинтересованных лиц (представителей бизнеса) и субъектов уполномоченных принимать управленческое решение (управляющая компания) урегулирован нормами федерального законодательства. Вместе с тем, практический опыт показывает, что потенциальные резиденты вынуждены подавать в управляющую компанию дополнительные сведения, которые бы подтверждали запланированные в бизнес-плане мероприятия по реализа-

ции хозяйственной деятельности на территории опережающего социально-экономического развития. Эти обстоятельства вынуждают предпринимателей совершать определенные действия и нести дополнительные расходы. Непредставление подтверждающих к бизнес-проекту документов является основанием к отказу управляющей компанией заключить соглашение об осуществлении деятельности. Принятие такого решения автоматически рассматривается как отказ соискателю в получении статуса резидента ТОР.

В сложившейся ситуации на законода-

тельном уровне было бы полезно решить вопрос о нормативном закреплении в статье 13 федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ права управляющей компании требовать от заявителей, претендующих на статус резидента ТОР дополнительных документов к бизнес-проекту, поскольку такая позиция вполне оправдана и обусловлена ответственностью управляющей компании по созданию условий для осуществления деятельности резидентами на территории опережающего социально-экономического развития.

Литература

1. Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 26.
2. Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

References

1. Sbranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 1 (chast' I). St. 26.
2. Sbranie zakonodatel'stva RF. 2017. № 20. St. 2902.

КИМ Александра Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического института Тихоокеанского государственного университета. 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: Aleksandrina1985@inbox.ru.

KIM Alexandra, candidate of legal sciences, associate professor of state and legal disciplines of law department of the Pacific state university. 680035, Russia, Khabarovsk, st. Pacific, 136. E-mail: Aleksandrina1985@inbox.ru.

УДК 342.9

Смашникова Т. Б.

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Smashnikova T. B.

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE REFORM OF MIGRATION AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены особенности реформирования органов управления миграционными процессами в Российской Федерации. Стоящая перед Россией демографическая проблема, решить которую без привлечения внешних мигрантов невозможно, требует современного эффективного государственного управления в сфере проведения миграционной политики, направленной на экономическое и социальное развитие государства. Автор обращается к истории становления и развития миграционных органов современной России, анализирует основные компетенции различных миграционных органов, выявляет проблемы действующей структуры исполнительной власти в части регулирования миграционных отношений, приводит предложения по совершенствованию системы государственных миграционных органов России.

Ключевые слова: миграционная политика, федеральная миграционная служба, мигранты, административная реформа.

The article discusses the peculiarities of reforming migration authorities in the Russian Federation. The demographic problem facing Russia, which cannot be solved without the involvement of external migrants, requires modern effective state management of migration policy focused on the economic and social development of the state. The author explores the history of establishment and development of migration authorities in Russia, analyzes key competencies of migration authorities, identifies problems of the current structure of executive power related to the regulation of migration relations, and gives suggestions for improving the system of the state migration authorities in Russia.

Keywords: migration policy, federal migration service, migrants, administrative reform.

Современное правовое государство требует оптимальной структуры органов исполнительной власти, способных осуществлять эффективное управление всеми общественными процессами, качественно решать срочные и перспективные задачи, своевременно отвечать на негативные вызовы, возникающие перед государством. В основу цели реформирования государственных органов положена политика государства, направленная на экономическое развитие и социальное процветание России.

Остановившись на процессах реформирования органов государственного управления Российской Федерации в сфере миграции населения, хотелось бы отметить следующие особенности и проблемы.

Тема миграции крайне актуальна для настоящего времени. Россия находится в глубокой «демографической яме». Обеспечить воспроизводство населения страны собственными силами не представляется возможным. Увеличение населения России за счет притока мигрантов из-за рубежа так же задача непростая и трудновыполнимая. Россия теряет свою привлекательность для иммигрантов. По данным Росстата, за январь—октябрь 2019 года число умерших в России оказалось на 259,6 тыс. больше числа родившихся. По сравнению с аналогичным периодом предыдущего 2018 года естественная убыль населения значительно ускорилась (было 183,9 тыс.), что объясняется сокращением рождаемости (с

135

Проблемы
и мнения

1,3532 млн до 1,2506 млн). Естественная убыль населения происходит такими темпами, что приток мигрантов ее уже не покрывает, что ведет к сокращению общей численности населения России¹.

Для проведения четкой, взвешенной и результативной миграционной политики Российской Федерации необходимо наличие компетентных государственных органов управления в сфере миграции.

Органы исполнительной власти, проводящие в жизнь миграционное законодательство России, имеют историю своего становления и развития и были созданы как только начались массовые движения народов через границы Российской Федерации. Такие органы в разное время имели различные названия: объединение, министерство, комитет, совет, служба, департамент, но не обладали самым главным свойством – стабильностью и долговременностью существования, а соответственно постоянными и развивающимися компетенциями в сфере регулирования миграционных отношений.

Преобразования органов государственного управления имеют своей целью создание реально действующей единой системы исполнительной власти, работающей в «автоматическом режиме» в интересах общества.[1, 81] Однако, такая система к настоящему моменту не создана.

Говоря о любой реформе, в общем виде следует отметить ее краеугольные составляющие, а именно: цель реформы, средства и пути проведения реформы, сроки планируемого завершения реформы и получения конкретных результатов реформирования. Выстраивая новую или совершенствуя действующую вертикаль исполнительных органов власти в результате реформирования необходимо строго придерживаться принципа четкого и жесткого распределения функций и властных полномочий органов исполнительной власти.

Анализ результатов деятельности полномочных федеральных органов исполнительной власти в период 1996–2019 гг. убеждает в том, что управление миграционными процессами в России осуществлялось без обоснованной концептуальной основы, не скоординировано и едва ли эффективно. Система государственных органов, занятых управлением, регулированием и контролем миграционных процессов в Российской Федерации, не была консервативной, претерпевала частые изменения, и, к сожалению, не полу-

чила своей идеологической, правовой и структурной завершенности.

После развала СССР, в начале и середине 90-х годов XX века - миграционные перемещения масс населения были связаны с притоком на территорию России мигрантов из соседних государств, бывших республик Советского Союза. Эти явления послужили основанием для создания органа государственного управления в сфере миграции.

Первым самостоятельным органом исполнительной власти, который подчинялся Правительству Российской Федерации и регулировал миграционные отношения, стала Федеральная миграционная служба (ФМС России), созданная Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 года № 626 «О Федеральной миграционной службе России». ФМС России выступала федеральным органом исполнительной власти, имеющим полномочия в части организации встреч и размещения огромного количества жителей бывшего СССР, покинувших места своего проживания из-за ломки политического и социального строя в своих новых государствах. Вынужденные переселенцы того времени массово перемещались в Россию, поэтому данная задача была главной и можно сказать единственной для федеральной службы. Трудовая и образовательная миграция регулировалась законодательством Советского Союза. С 1995 года появились внутренние вынужденные мигранты - переселенцы из Чеченской Республики.

В 1999 году происходят организационные изменения ФМС России. Указом Президента РФ от 15 мая 2000 г. № 867 Федеральная миграционная служба России упраздняется, а ее функции передавались Министерству по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, которое образовалось на базе Министерства по делам федерации и национальностей Российской Федерации.[2]

Анализируя происходящие изменения, напрашивается вывод, что появилась новая отрасль государственного управления, а именно, – управление процессами миграции. Но Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации уже в 2001 году было упразднено. [3] Его полномочия разделили: Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации.

¹ <https://www.rbc.ru/society/13/12/2019/5df359459a79473ba3df8b63>(дата обращения 14.12.2019)

Согласно Указа Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 года № 927 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» - МВД России являлось федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, а также по выработке государственной политики в сфере миграции.

В результате такого преобразования государственных органов управления четко прослеживался уход миграционных интересов с политического стратегического уровня на уровень внутренних дел государства (на второй план).

Комментируя данную ситуацию, хочется отметить, что миграционная политика любой страны, и Российская Федерация не исключение, сосредоточена не только на внутригосударственном уровне, и уж тем более не на уровне внутренних дел, но направлена и вовне. Ярким примером внешней заинтересованности государства может служить такая миграционная задача как привлечение на постоянное жительство в страну соотечественников, проживающих за рубежом (что предусмотрено Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы).

МВД России и без вопросов миграции имело огромный спектр направлений деятельности. Передача в ведомство МВД России нового стратегически важного и самостоятельного направления деятельности – выработки миграционной политики логически непонятно.

Система миграционных органов, однако, не приобрела статичность и снова претерпела изменения. В 2004 году вновь была создана Федеральная миграционная служба, которой были переданы функции паспортно-визовой службы МВД России в части правоприменения, контроля, надзора, оказания государственных услуг в сфере миграции.[4] Кроме того, названная служба непосредственно регулировала процессы добровольной временной и постоянной миграции граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства; вынужденной миграции, осуществляла противодействие незаконной миграции.

МВД России выступало вышестоящей структурой по отношению к Федеральной миграционной службе и выполняло ряд контрольных и координационных полномочий. Несмотря на такую подведомственность, ФМС России являлся самостоятельным органом исполнительной

власти, формирующим миграционную политику Российской Федерации.

В правовом положении Федеральной миграционной службы прослеживались явные противоречия в части определения места Федеральной миграционной службы в системе органов исполнительной власти России, а также в части компетенций службы. С одной стороны, Федеральная миграционная служба занималась вопросами в сфере как внутренней, так и внешней миграции населения, с обратной стороны, служба являлась органом правоохранительного характера, что подтверждалось наличием на вооружении боевого оружия. Полномочия, которыми была наделена Федеральная миграционная служба, были значительно шире классических полномочий федеральной службы как органа системы исполнительной власти.

Через непродолжительное время статус Федеральной миграционной службы был изменен. С 22 мая 2012 года Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» ФМС России из ведения МВД России была передана в ведение Правительства Российской Федерации. ФМС России стало самостоятельным федеральным органом исполнительной власти с высоким управленческим статусом, ФМС России принадлежали функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, правоприменительные функции, функции по федеральному государственному контролю, предоставлению государственных услуг в сфере миграции.

Самостоятельная политическая роль ФМС России была недолгой. Уже в 2016 году весь спектр вопросов по управлению миграционными процессами в России снова передан Министерству внутренних дел Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». ФМС России была упразднена. В структуре МВД России создано Главное управление по вопросам миграции, к которому перешли основные функции бывшей Федеральной миграционной службы.

Основными задачи Главного управления по вопросам миграции МВД России в соответствии с Положением о Главном управлении по вопросам миграции Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации установлены: участие в определении основных направлений государственной политики в сфере миграции; обеспечение улучшения правового регулирования миграционных отношений. Главное управление должно осуществлять функции в сфере государственной миграционной политики, паспортизации и регистрации по месту жительства и пребывания граждан России, миграционного учета и контроля иностранных граждан и лиц без гражданства.[5] К Главному управлению перешли функции по работе с вынужденными мигрантами. В качестве основного рычага воздействия на правонарушителей в сфере миграционных отношений выступает функция Главного управления по административному выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации. Управлению поручено разрабатывать и реализовывать превентивные и охранительные меры в области незаконной миграции.

Произошел возврат, разработка и реализация миграционной политики России снова была передана на уровень внутренних дел государства.

Миграционные служащие МВД РФ, работающие в регионах, отмечают значительное понижение своего профессионального статуса и статуса всех миграционных органов по сравнению с ранее действовавшей системой во главе с Федеральной миграционной службой, подчиненной напрямую Правительству Российской Федерации. Причиной этого называется отсутствие административно-правовой самостоятельности органа исполнительной власти, компетентного в сфере управления миграционными процессами в Российской Федерации. Напрашивается вывод, что с упразднением ФМС России понизился статус соответствующей сферы деятельности (проведения миграционной политики государства, управления миграциями населения), которая в настоящее время рассматривается как один из видов сферы внутренних дел государства. На силовое ведомство возложены новые, не свойственные функции, относящиеся к стратегической позиции государства, имеющие огромное значение для демографического и экономического развития регионов России.

Снижению темпов миграции и сложностям в разрешении демографической ситуации посредством привлечения внешних мигрантов - проблемам, которые имеют яркое негативное проявление в настоящее время, способствует несовер-

шенство институциональных структур управления миграцией. Согласно демографическому прогнозу Росстата, естественная убыль населения в Российской Федерации будет нарастать и с 2025 года превысит 400 тыс. человек ежегодно, замедление сокращения численности населения прогнозируется только ближе к 2030-м годам. Международная миграция (по прогнозу приток мигрантов составит менее 300 тыс. человек в год) не сможет компенсировать сокращение населения².

Напрашивается вывод о недостигнутых целях реформирования и модернизации миграционных органов управления России, главным направлением которых должны быть повышение эффективности и результативности деятельности конкретного органа исполнительной власти.

Органы управления миграционными процессами в Российской Федерации до настоящего времени не представляют собой стройной системы, не отвечают современным вызовам, имеющим место в сложившейся демографической и миграционной ситуациях. Государству необходимо вернуться к административной реформе миграционных органов (четко определив цель и сроки ее достижения) в части создания федеральной структуры, занимающейся исключительно вопросами миграции населения.

Размышляя над реформой органов управления миграционными процессами, хотелось бы отметить возможные направления в изменении структуры органов исполнительной власти.

Целесообразно вернуться к созданию Министерства народонаселения, гражданства и миграции Российской Федерации, подчинив его Президенту Российской Федерации и наделив полномочиями в части определения основных направлений миграционной политики, совершенствования правового регулирования процессов миграции, определения направлений демографической политики и народонаселения территорий государства.

Создать Федеральную миграционную службу, подчинив ее Министерству народонаселения, гражданства и миграции Российской Федерации. Наделить ФМС контрольно-надзорными и правоохранительными функциями в сфере миграционных отношений.

Создать Федеральное агентство по гражданству и миграции, подчинив его Министерству народонаселения, граж-

² Демографический срыв: URL<https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/30/5a6ef6f59a7947507175ce75>(дата обращения 14.12.2019)

данства и миграции Российской Федерации. Передать названному агентству функции оказания государственных услуг в сфере получения гражданства Российской Федерации, предоставления статуса соотечественника, паспортизации, регистрационного учета населения, миграционного учета иностранных граждан и

лиц без гражданства, оформления виз для иностранцев и т.д.

Миграционная политика любого государства направлена на внесение существенного вклада в экономическое развитие государства, демографическую ситуацию в стране, сохранение интересов национальной безопасности.

Литература

1. Кирсанов С.А. Организация и регламенты муниципальных услуг в Российской Федерации : монография / С. А. Кирсанов, В. В. Яновский. - Москва: Ruscience, 2016
2. Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 года № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 мая 1999 г. - № 22. - Ст. 2727
3. Указ Президента РФ от 16 октября 2001 года № 1230 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 4, Ст. 4071
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета от 11 марта 2004 г., № 3425
5. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 апреля 2016 года № 192 «Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации». Текст приказа официально опубликован не был

References

1. Kirsanov S.A. Organizaciya i reglamenti municipalnyh uslug v Rossijskoj Federacii : monografiya / S. A. Kirsanov, V. V. Yanovskij. - Moskva : Ruscience, 2016
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 17 maya 2000 goda № 867 «O strukture federalnyh organov ispolnitelnoj vlasti» // Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii ot 31 maya 1999 g. - № 22. - St. 2727
3. Ukaz Prezidenta RF ot 16 oktyabrya 2001 goda № 1230 «Voprosy struktury federalnyh organov ispolnitelnoj vlasti» // Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii, 2001, № 4, St. 4071
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 marta 2004 goda № 314 «O sisteme i strukture federalnyh organov ispolnitelnoj vlasti» // Rossijskaya gazeta ot 11 marta 2004 g., № 3425
5. Prikaz Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii ot 15 aprelya 2016 goda № 192 «Ob utverzhenii Polozheniya o Glavnom upravlenii po voprosam migracii Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii». Tekst prikaza oficialno opublikovan ne byl

СМАШНИКОВА Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и прав, конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76. E-mail: smashnikovatb@susu.ru

SMASHNIKOVA Tatiana, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University). 454080, Chelyabinsk, etc. IN AND. Lenin, 76 E-mail: smashnikovatb@susu.ru

Материалы к публикации отправлять по адресу: E-mail: urvest@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
**Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76,
Издательский центр.**

*Издатель: ООО «Южно-Уральский юридический вестник»
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. Издательский центр ЮУрГУ.
Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.*

Формат 70×108^{1/16}.

Усл. печ. л. 12,25.

Тираж 100 экз.

Заказ 8/19.

Дата выхода в свет 30.12.2019.

Цена свободная.

